
И.О. Наумова

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОБЩНОСТИ**

английского
и русского
языков

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**ХАРЬКОВСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

И.О. НАУМОВА

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
(в контексте языковой конвергенции)**

МОНОГРАФИЯ

В авторской редакции

Харьков
ХНАГХ
2012

УДК [811.161.1:811.111]'373.7
ББК 81Р+81 Англ
НЗ4

Рецензенты:

В.М. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), Университета г. Грайфсвальд (Германия)

Дж.А. Данн, почетный научный сотрудник, доктор философии, профессор Университета Глазго (Шотландия)

*Рекомендовано к печати Ученым Советом ХНАГХ,
протокол № 8 от 25.05.2009 г.*

Наумова И.О.

НЗ4 Фразеологические общности русского и английского языков (в контексте языковой конвергенции) : монография / И.О. Наумова; Харьк. нац. акад. гор. хоз-ва. – Х.: ХНАГХ, 2012. – 244 с.
ISBN 978–966–695–271–7

В монографии рассматриваются фразеологические общности английского и русского языков, появившиеся в английском и русском языках в процессе языковой конвергенции. В первой части анализируются фразеологические общности рассматриваемых языков, представляющие собой результат заимствования из третьего языка: греческого, латинского, французского, немецкого и итальянского. Во второй части монографии представлены фразеологические общности английского и русского языков, являющиеся результатом влияния английского языка на русский (фразеологические кальки и англицизмы).

Материал данной монографии предназначен для филологов, студентов, учителей, переводчиков, лексикографов, журналистов, всех тех, кому необходимо взаимопонимание в едином культурном пространстве Европы и мира.

УДК [811.161.1:811.111]'373.7
ББК 81Р+81 Англ

ISBN 978–966–695–271–7

© И. О. Наумова, 2012
© ХНАГХ, 2012

Светлой памяти моей дорогой мамы –
Любови Михайловны Гайдаровой

От автора

Как известно, фразеологические общности представляют собой как следы независимого, параллельного формирования языковых пластов в силу единства человеческого мышления, восприятия окружающего мира, так и отражение многогранного языкового взаимодействия и взаимовлияния, то есть фразеологической конвергенции, объединяющей человечество в миропознании и языковой идентификации явлений действительности, в выборе образного шифра выразительности.

Самый значительный пласт «духовных, семантико-образных соответствий» в русской и английской фразеологии представлен фразеологическими единицами *независимой, параллельной деривации*, появление которых обусловлено общечеловеческим характером мышления, однотипным видением мира, исторической взаимосвязью, единой по своей сути цивилизацией. Это вовсе не отрицает наличие большого количества специфически национального в разных языках, но ярко свидетельствует, что преувеличивать последнее ни в коем случае нельзя.

С точки зрения репрезентативности наиболее многочисленными, безусловно, являются независимые параллели русской и английской фразеографических систем, а также разряд межъязыковых фразеологических универсалий.

Наибольшей степенью схожести характеризуется межъязыковая идиоматика. Материально заимствованная интернациональная фразеология представляет собой наивысшую степень идентичности рассматриваемых оборотов в данных языковых системах. Однако тенденция преобразования прямых заимствований в кальки постепенно уменьшает состав абсолютно идентичных фразеологизмов, функционирующих в рассматриваемых языках.

Как известно в настоящее время, в Европе разрабатываются проекты, выявляющие общности фразеологии европейских языков. Так, под руководством Dr Piranen E. уже несколько лет проводится исследование «Widespread Idioms in Europe and Beyond: A Cross-linguistic and Cross-cultural Research Project» («Широко распространенные идиомы в Европе и за ее пределами» – пер. И.Н.) в рамках проекта Eurphras (Европейского общества фразеологов).

В конце XX века – начале XXI века были подготовлены работы, отображающие языковое влияние английского языка в Европе. Под руководством Рудольфа Филиповича (Rudolf Filipović) была издана книга, обобщившая коллективный труд исследователей Европы – "The English Element in European Languages" («Английский элемент в европейских языках»)¹.

В работе Джона Дана "The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type"² («Трансформация русского языка от языка советского типа в язык западного типа») свое многогранное освещение получил процесс «вестернизации» русского языка под

¹ The English Element in European Languages /Ed R. Filipović. – Zagreb, 1982.

²In: Language and Society in Post-Communist Europe /Ed J. Dunn – Basingstoke: Macmillan, 1999.

воздействием английского, начавшийся в 90-е годы прошлого века.

В начале XXI века влияние английского языка на 14 языков Европы (в том числе и на русский язык) получает свое дальнейшее изучение в серии книг, изданных в Оксфорде под редакцией Manfred Görlach: «A Dictionary of European Anglicisms», «English in Europe»³, «Annotated Bibliography of European Anglicisms»⁴. В последних двух работах упоминается и скромный вклад автора данной монографии в разработку этой проблемы.

Целью данного издания является показать формирование пласта фразеологических общностей английского и русского языков в непрерывном процессе многогранного языкового взаимодействия.

Фразеологические общности как результат языковых контактов включают в свой состав как фразеологизмы, заимствованные из других языков, так и фразеологизмы, являющиеся следствием непосредственного взаимодействия двух контактирующих языков – английского и русского.

Определение типологии соотношения русских и английских фразеологизмов, совпадающих по тем или иным лингвистическим параметрам, обязательно должно сопровождаться установлением генетических истоков данных единиц, способов их проникновения в рассматриваемые фразеологические системы, чему и посвящено данное издание.

В первой части данной книги прослеживается общий фразеологический фонд английского и русского языков, обогащенный заимствованиями из Библии, классических

³ English in Europe /Ed. M. Görlach. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

⁴ Annotated Bibliography of European Anglicisms /Ed. M. Görlach. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

языков (латинского и греческого), французского, немецкого и итальянского языков.

Обширную группу фразеологизмов в русском и английском языках, возникших в результате воздействия греческого, а затем латинского языков, составляют библеизмы. Значительная часть данных оборотов в русском и английском языках характеризуется сходством в своем семантическом развитии. В большинстве случаев сохраняется образность в сравнении с их прототипами в языке-источнике.

При трансформациях, наблюдаемых в лексическом составе фразеологических библеизмов в русском и английском языках, особенно распространен процесс аббревиации. Виды сокращения лексического состава рассматриваемых фразеологизмов разнообразны: от пропуска какого-либо одного компонента оборота до сжатия сложной, развернутой структуры прототипа в библейском тексте в сочетание его смысловых опор.

В большинстве своем библеизмы сохраняют первоначальное значение, присущее им в Библии, являясь выражением вечных, нравственных ценностей человечества. Наиболее характерным видом изменения семантических характеристик фразеологических оборотов библейского происхождения является отрыв от библейского контекста и приобретение более обобщенного значения.

Греческий и латинский языки послужили источником распространения греческой и римской культуры в мире. Как в русском, так и в английском языках фразеологические обороты, восходящие к древнегреческой мифологии получили свое распространение в основном посредством перевода с латинского языка. Немало латинских фразеологизмов

приобрело известность в результате перевода с французского (в русском намного больше, чем в английском).

Французский язык – авторитетнейший язык Запада XVIII-XVIII вв. вслед за латинским усилил романское влияние на развитие интернациональной фразеологии, оказав значительное по своей силе воздействие на ее формирование как в русском, так и в английском языке. Фразеологические обороты французского происхождения, функционирующие в русском и в английском языках, характеризуются в большинстве случаев общностью в своей семантике.

Во второй части монографии рассматриваются фразеологические общности английского и русского языков как результат их взаимодействия. Как известно, английский язык в данном процессе занимает главенствующую позицию, так как является основным языком-донором в формировании интернационального фонда современной фразеологии языков мира. В данной части книги показано влияние английского языка на русскую фразеологию, выливающееся в созидание пласта фразеологических калек, а также менее репрезентативного слоя прямых фразеологических заимствований, т. е. фразеологических англицизмов.

Рассмотрение взаимодействия английского и русского языков включает как начальные поступления английских прямых фразеологических заимствований и калек, так и новообразования английского происхождения, появившиеся в рассматриваемых языках в настоящее время.

Воссоздать понимание данного лингвистического явления автору помогают статьи, посвященные данной проблеме и опубликованные им в разное время в разных странах.

Изданные монографии (Verbatim 2007/1, Verbatim 2008/2, Verbatim 2009/3 и др.) в некоторой степени восполняют недостающие штрихи в обрисовке столь сложного и важного лингвистического процесса, приобретающего в наше время все больший размах и глубину.

Благодарю всех, кто помог мне в воплощении моего замысла. Прежде всего, накануне празднования 90-летия со дня рождения Николая Максимовича Шанского, хочется поблагодарить моего Учителя, великого Лингвиста и Человека. К сожалению, я не успела закончить работу над книгой при его жизни, но основные ее разделы были им прочитаны.

Благодарю профессора Валерия Михайловича Мокиенко за предоставляемую им возможность ощутить фразеологический дух времени, приглашения к сотрудничеству, за прочтение моей работы и столь ценное для меня доверие к моим попыткам прикосновения к языковому материалу, представляющему фразеологический срез англо-русского богатства, вливающегося в разноликий языковой спектр фразеологии мира.

Особые слова благодарности выражаю Джону Данну за внимательное прочтение моих работ, стремление сохранить точность в передаче английской языковой тональности исследуемых фактов, ценные советы, вдохновение на написание новых статей, поддержку и помощь.

Выражаю благодарность всем моим коллегам, вдохновляющим на разгадывание тайн фразеологии, нахождение сходств и общностей в лингвистической кладовой английского и русского языков.

Часть I
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ТРЕТЬИМ ЯЗЫКОМ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРФРАЗЕМ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ⁵

Диалог поколений, истории и современности, единства и общностей в созидании многовековых ценностей культуры людей воплощается в их понимании друг друга и самих себя в бесконечном духовном, временном и пространственном измерении. Символом единства и взаимопонимания друг друга в глобальном пространстве вселенной является интертекст. Он может быть посланием из прошлого либо современным кодом, известным всем участникам полилога.

Расшифровка интертекста в одних случаях импортируется вместе с заимствованиями из другой культуры, языка, в других происходит самостоятельно, независимо, параллельно, в силу общности развития цивилизации, универсальности законов восприятия внешнего мира. Многовековая история человечества фиксирует появление огромного количества одинаковых наименований и их последующего метафорического переосмысления в разные периоды истории и в разных уголках планеты.

Параллельно с единством и общностью отражения устройства мира цивилизация и культура каждого народа

⁵ Семантическая эволюция интерфразем библейского происхождения в русском и английском языках. – В кн.: Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12 – 14 ноября 2003 года) / Ред.-сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003, С. 546-551.

вносят свой уникальный вклад в гипертекст, наиболее прозрачной и понятной частью которого является интертекст.

Как известно, первым вариантом гипертекста является книга всех книг — Библия. Именно этот текст и стал самым ярким примером интертекста. Его фрагменты в виде *интертекстем библейского происхождения* приобрели статус крылатых слов, цитат, интерфразем, известных всем поколениям и народам мира. Однако в ряде случаев их семантическая расшифровка приводит к выявлению новых граней и оттенков в каждом конкретном языке.

В данной работе мы попытаемся на примере отдельных коррелятивных интерфразем библейского происхождения показать различия их семантических трансформаций в русском и английском языках.

Как известно, фразеологические библеизмы в ходе своей многовековой эволюции в обоих языках трансформировали не только свой лексический состав, структуру, грамматическое значение, но в отдельных случаях изменили и свои семантические характеристики.

Однако, как правило, интертекстемы библейского происхождения сохраняют первоначальное значение, присущее им в Библии, являясь выражением вечных духовных ценностей человечества.

Наиболее характерным видом изменения семантических характеристик фразеологических оборотов библейского происхождения является отрыв от библейского контекста и приобретение более обобщенного значения, возвеличивающего смысл оригинала.

Подавляющее большинство русских и английских фразеологизмов, восходящих к Библии, совпадают в своем

значении. Лишь в редких случаях они противостоят друг другу, различаясь характером своего семантического развития.

Так, выражения *соль земли* — *the salt of the earth* и в русском, и в английском языках обозначают 'Самое главное, самое ценное, самое важное. О людях' [1: 446]; 'О лучших представителях общества' [2: 137]. Ср. 'the excellent of the earth' (after Matt. V, 13) [3: 1783].

Однако в английском языке до 1914 г. данный оборот имел тривиальное значение: '*сила, богатство, аристократичность*'. Лишь после 1920 г. он приобретает свой первоначальный смысл, восходящий к тексту Библии. Ср. «*The salt of the earth*». Mid. 19 - 20. 'In recent trivial use, says the OED, in 1914 'the powerful, the aristocratic, the wealthy but, from 1920 at latest sense, surely has been that of 'the staunch and true, the essentially good, generous, humane and kindly...' [4: 91].

Отличаются по своей семантической структуре и такие интертекстемы русского и английского языков, как *мертвая буква* и *dead letter*, также имеющие общий источник происхождения — текст Библии. Ср. «...мы освободились от него, чтобы нам служить (Богу) в обновлении духа, а не ветхой букве» (К римлянам, 7, 6; Коринфянам, 3, 6).

В русском языке выражение *мертвая буква* и его дериват *оставаться мертвой буквой* характеризуют 'формальную сторону какого-либо дела' [5: 118; 2: 79]; 'закон, постановление без практического применения на деле' [1: 51]. Послание апостола Павла к коринфянам превратилось в крылатые слова в этом языке с XIX в., обозначая противопоставление смысла явления — его «духа» и внешней формы его выражения — «букве».

В английском языке интерфразема *dead letter* получает распространение лишь в конце XIX в., хотя впервые была

зафиксирована в языке в 1579 г. В процессе ассимиляции фразеологизм приобретает новые значения, отличные от его исходного толкования.

Ср. *Dead letter* 1579 1. orig. *A writing taken in a bare literal sense* (cf. Rom., VII, 6, 2 or Cor., III, 6). *В writ, statute, ordinance, etc., which is inoperative, though not repealed* 1663. 2. *A letter which lies unclaimed for a certain time at a post-office, or which cannot be delivered through any cause* 1771 [3: 458].

Как и в русском языке, данная интертекстема с 1663 г. в английском языке означает 'закон, формальность, порядок, который не действует, но и не отменяется'. С 1771 г. она расширяет свой семантический диапазон, приобретая новый смысл: 'письма, которые хранятся на почте, так как они не нашли своего адресата'. Ср. буквальный перевод данного выражения английского языка *мертвая буква* < *мертвое письмо*.

Выражение *Довлеет дневи злоба его* (церковно-славянский текст) *Довольно для каждого дня своей заботы* в русском языке воспринимается дословно, то есть 'каждый день приносит свои заботы'. Производное от данного изречения *злоба дня* (*the evil of the day*) в русском языке обозначает 'интерес данного дня и вообще данного времени, волнующий общество' [7: 244].

В английском языке данный оборот означает 'не следует беспокоиться о том, какие невзгоды могут случиться завтра, в будущем' [5: 72]. — *Sufficient unto the day is the evil thereof* (Matt., 6; 34). Семантический оттенок интертекстеми в английском языке отражает позитивную палитру красок западного мироощущения. Мажор словесной ткани английского языка отличается от минора и меланхолии, довлеющей в настрое духа русского человека. И.С. Тургенев отмечал это отличие

мировосприятия народов еще в прошлом веке: «Англичане говорят: «*Never say die*». Хорошая поговорка. Лучше русской: «Пришла беда, растворяй ворота». Заранее горевать нечего» [8: 152].

В ряде случаев интерфраземы библейского происхождения приобретают новые коннотации в процессе ассимиляции в русском и английском языках. Так, фразеологический оборот *избиение младенцев* (Матф., 12; 16-18), имеющий коррелятивное выражение в английском языке *The slaughter (massacre) of the innocents* (Matt., 2, 16-18), является аллюзией к библейскому тексту.

По мнению И.А. Уолш и В.П. Беркова, в русском языке крылатые слова *избиение младенцев* редко употребляются в своем исходном значении. Более частотно их шутовское применение как характеристики суровой критики, особенно часто по отношению к работе молодых (писателей, ученых и т.д.) [5: 89]. В «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» дается более обобщенное толкование: «о строгих мерах по отношению к кому-либо» [2: 59].

В английском языке данное выражение имеет два значения: 1. избиение младенцев (этим. библ. Matthew 2, 16); 2. парл. жарг. Нерассмотрение законопроектов ввиду недостатка времени (в конце парламентской сессии) [9: 411].

Политический оттенок приобретает в английском языке и значение другого фразеологического оборота библейского происхождения *Appeal to Caesar* (Acts, XXV). Помимо основного значения 'обратиться к высшей власти, к высшему авторитету' (этим. библ. Acts XXV) выражение обозначает 'обратиться с призывом к избирателям на всеобщих выборах' [9: 119].

В некоторых случаях в английском языке интерфразема библейского происхождения приобретает дополнительное значение, не совпадающее полностью с его значением в библейском тексте: «И восстал весь народ *как один человек*, и сказал: не пойдем никто в шатер свой и не возвратимся никто в дом свой» (Книга Судей, 20, 8).

Библеизм *as one man* (Judges, XX, 8) обозначает в английском языке ‘*единодушно, единогласно*’, хотя в библейском тексте он употреблялся в значении ‘вместе’. Ср. ‘The sense is rather 'altogether' than 'unanimously' [4: 18].

С другой стороны, в русском языке некоторые обороты библейского происхождения употребляются в значении, несвойственном их английским коррелятам. Так, выражение *не от мира сего* (Иоанн, 18, 36) обозначает ‘человека непрактичного, живущего в этом мире по-своему, по своим законам’ [5: 135]. Английский оборот *not of this world* (John, 18, 36) употребляется в данном значении редко.

Фразеологизм *злачное место* (Псалтырь, 22, 2) — *green pastures* (Psalm, 22, 2) в русском языке также потерял связь со своим источником. Ср. «Он покоит меня на *злачных пажитях* и водит меня к водам тихим (Псалтырь, 22, 2)».

В современном русском языке данное выражение употребляется для характеристики места, «где развлекаются, кутят, играя в азартные игры, предаваясь разврату и т.п.». Ср. устар. *Место, где можно жить без труда, забот и т.п.* [1: 245].

Большинство фразеологизмов сохраняют свою исходную семантическую структуру как в русском, так и в английском языке. Лишь немногие из них в процессе своей ассимиляции становятся двузначными и реже многозначными фразеологическими единицами. Расширение семантической амплитуды

фраземы в редких случаях достигает своего смыслового предела, приобретая противоположное, антонимическое значение.

Напр. *Во веки веков* — *For ever and ever* (Micah, 4, 5) > *Отныне и во веки* — *From this time forth and forevermore*.

1. Всегда, вечное.
2. Навсегда, навечно.
3. Никогда [9: 59].

Как в русском, так и в английском языке происходит генерализация исходного значения, столь характерная для семантической эволюции библейских выражений.

Ср. *Обетованная земля* — *The Promised Land* — *The land of promise*. В русском языке данная интертекстема обозначает:

1. Место, куда кто-либо страстно мечтает, стремится попасть.
2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.д.
3. Место, где царит довольствие, изобилие, счастье [1: 173].

Ср. «Верую обитал он на земле обетованной» (К евреям, II, 9).

В английском языке аналог этой фраземы употребляется как в своем исходном библейском варианте, называя землю Ханаана, обещанную в наследство Аврааму и его потомкам, так и в обобщенном смысле, обозначая 'рай или любое место, где царит счастье и блаженство'. Ср.: "Promised land, the land of Canaan, as promised to Abraham and his prosperity" (Gen. xii, 7; xii 5, etc.); "hence applied to heaven or any place of felicity" [3: 1597].

Фразеологические обороты библейского происхождения часто теряют свое прямое номинативное значение, приобретая переносный смысл и в английском, и в русском языках. Напр., *вложить в уста* (Числ, 22, 5) — *Put words into/in the mouth of* (2 Samuel, XIV, 3); *Да минует меня чаша сия* (Марк, 14, 36) — *Let this cup pass from me* (Matthew, 26, 39); *камни вопиют*

(Лука, 19, 40) — *The stones would cry out* (Luke, 19, 40); *корень зла* (Иов, 19, 28) — *The root of evil* (Job, 19, 28); *лицо земли* (Быт., 7, 4) — *face of the earth* (Genesis, 7, 4) и др. Приобретение коннотативных признаков является самой характерной семантической трансформацией интерфразем.

Иногда в английском языке встречаются случаи неправильного употребления библейских фразеологизмов. По мнению Генри Брэдли, автора книги «The Making of English», это происходит из-за незнания этимологии выражения.

Так, выражение *To see eye to eye* (Isa. lii. 8) часто ошибочно используется в значении 'быть одного мнения / увидеть в одном свете' (cf. often misused for «to be of one mind») [3: 1830]. Оборот восходит к библейскому тексту: «Голос сторожей твоих — они возвысили голос, и все вместе ликуют, ибо своими глазами видят, что Господь возвращается в Сион» (Исаия, 52, 8). В русском языке в тексте Библии нет адекватного выражения. Однако, можно предположить, что русский фразеологизм *глаза в глаза*, означающий 'совершенно рядом, в непосредственной близости, очень близко видеть кого-либо или что-либо' [1: 104] совпадает в значении с английским фразеологизмом *to see eye to eye* — букв. 'видеть глаза в глаза', который имеет аналогичное значение в библейском отрывке.

Синонимом данного выражения в русском языке является оборот *лицом к лицу*, также являющийся по своему происхождению библеизмом и имеющий аналог в английском языке, совпадающий с ним в структурно-семантических характеристиках. Ср. *Лицом к лицу* (Исход, 33, 11) — *Face to face* (Exodus, 33, 11).

Рассмотренные случаи семантической эволюции интерфразем, восходящих к общему источнику — Библии и

концентрирующих единый смысл вечных ценностей человечества, выявляют разные возможности семантических модификаций одних и тех же единиц в разных языках.

Литература

1. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. *А.И. Молоткова*. – М.: Рус. язык, 1987.
2. *Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус. яз., 1987.
3. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. 3rd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1967.
4. *Partridge E.* A Dictionary of Catch Phrases: British and American from the Sixteenth Century to the Present Day. 2nd ed. – London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
5. *Уолш И.А., Берков В.П.* Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1988.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1986.
7. *Ашукин Н.С, Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Правда, 1986.
8. *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов. – Л.: Наука, 1987.
9. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь: В 2-х кн. – 3- изд., испр. – М.: Сов. энциклопедия, 1967.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ СРЕДСТВ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале библеизмов)⁶

Стремление наиболее точно и рельефно передать метафорическое значение фразеологической единицы выражается в поиске адекватного лексического и грамматического выражения.

«Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же как и соответствующая фраза, состоит не всегда из видимой соответственности слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального» [1, 429].

Вместе с тем, сравнивая языки разных систем, какими являются русский и английский, и, в частности, роль предлога в синтаксических конструкциях, несущих дополнительную экспрессивно-стилистическую нагрузку, следует отметить, что подавляющее большинство рассматриваемых единиц отличаются схожестью предложных конструкций. С одной стороны, падежные формы в русском языке позволяют

⁶ Сопоставление использования предложных средств в английской и русской фразеологии (на материале библеизмов). – В кн.: Актуальные проблемы филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Алматы, 2004, С. 109-114.

обходиться во многих случаях без предлогов, в то время как английский язык прибегает к помощи соответствующих предлогов. С другой стороны, английские корреляты русских косвенно-объектных форм широко используют беспредложные модели.

На примере интернациональной фразеологии, заимствованной из текста Библии, проследим приемы использования грамматических, лексико-семантических и стилистических особенностей предложных средств русского и английского языков и их соответствия в рассматриваемых языках.

Языками-источниками для библеизмов из Ветхого Завета являются еврейский и греческий, из Нового Завета — греческий язык. Однако если для английского языка языками-посредниками служили греческий, латынь при переводе еврейских подлинников, и латинский язык — при переводе греческих текстов, то в русский язык эти фразеологизмы попадали посредством перевода еврейских текстов на греческий язык, а затем — старославянский, а греческих оригиналов — на старославянский язык.

Несмотря на то, что рассматриваемые фразеологизмы, в свою очередь, являются переводными конструкциями с разных языков, тем не менее, в большинстве случаев данные выражения характеризуются высокой частотностью совпадения используемых предлогов. Ср.:

— *Во многой мудрости много печали* (Екклесиаст, 1,18) — *In much wisdom is much grief* (Ecclesiastes, 1, 18);

— *Отделять овец от козлищ* (Матфей, 25, 31-33) — *Separate the sheep from the goats* (Matthew, 25, 31-33);

— *Кто не со мною, тот против меня* (Матфей, 12, 30) — *He that/who is not with me is against me* (Matthew, 12, 30);

— В начале было слово (Иоанн, 1, 1) — *In the beginning was the word* (John, 1, 1);

— Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко чем... (Матфей, 19, 24; Лука, 18, 25) — *It is easier for a camel to go through the eye of a needle than...* (Matthew, 19, 24);

— Лицом к лицу (Исход, 33, 11) — *Face to face* (Exodus, 33, 11);

— Око за око, зуб за зуб (Исход, 21, 24; Левит, 24, 20) — *Eye for eye, tooth for tooth* (Exodus, 21, 24; Leviticus, 24, 20);

— Отделять плевелы от пшеницы (Матфей, 13, 24-30) — *Separate the wheat from the chaff* (Matthew, 13, 24-30) и др.

Значительная часть анализируемых выражений характеризуется не только сходством используемых предложных средств, но и общностью своего семантического развития, в большинстве случаев сохраняя переносное значение своего этимона. Например: *Watch and pray, that ye enter not into temptation: the spirit indeed is willing, but the flesh is weak* / Gr. 'man's higher nature is zealous (or eager), but the flesh weak: *Spiritus quidem promptus est, caro autem infirma* (Vulgate) → *The spirit is willing, but the flesh is weak* (Matthew, 26, 41) & *Enter into temptation* (Matthew, 26, 41) = "Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна" → *Дух бодр, плоть же немощна* (Матфей, 26, 41) & *Впасть в искушение* (Матфей, 26, 41).

Однако, безусловно, наблюдаются и примеры расхождения в выборе предлогов, гармонирующих с общей текстурой флективного русского языка и аналитическими средствами выражения лексико-грамматических значений в английском языке. Ср.:

— Недостоин развязать ремень у сапог его (Матфей, 1, 7; Лука, 3, 16; Иоанн, 1, 27) — *Not/to be/worthy to*

unloose the latchet of somebody's (shoes) (Matthew, 1, 7; Luke, 3, 16; John, 1, 27);

— Перековать мечи на орала (Исаия, 2, 4) — *Beat one's swords into plowshares* (Isaiah, 2, 4);

— Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (Матфей, 5, 39) — *Whosoever shall smite thee on thy right cheek, turn to him the other also* (Matthew, 5, 39);

— Бросать камень в кого-нибудь (Иоанн, 8, 7) — *Cast (throw) a stone at smb* (John, 8, 7) и т.д.

Вместе с тем нередко использование разных предлогов в языках сопровождается одновременно и варьированием лексической интерпретации исходного выражения. Так, судьба английского выражения *By the sweat of one's brow* (букв. 'в поте брови своей'), которое по своему происхождению является библеизмом, подтверждает данное положение.

В русском языке ассимилировалась фразеологическая единица, адекватная тексту библии: "В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься" (Бытие, 33, 19) → *в поте лица* (Бытие, 3, 19).

В английском языке данный оборот был извлечен из библейского текста в грамматическом и лексическом наполнении, совпадающем с русским вариантом. Ср.: *In the sweat of thy face (shalt thou eat bread)* (Genesis, 3, 19).

Впоследствии наряду с вышеприведенным фразеологизмом в английском языке появляется его вариант, который претерпевает как грамматическую, так и лексическую трансформацию: 1) предлог *in* заменяется предлогом *by*, 2) лексический компонент *Face* ('лицо') — вариантом *Brow* ('бровь'). В результате в языке закрепляются два варианта

данной фразеологической единицы библейского происхождения: *In the sweat of (one's) face* и *by the sweat of one's brow*.

Лексикографические источники английского языка фиксируют время модификации данного библеизма в английском языке. Так, словарь Партриджа подтверждает ассимиляцию библейского выражения *the sweat of one's face* в видоизмененном варианте в конце XIX — в нач. XX в.: "*By the sweat of one's brow. By hard manual labour* (с. 19–20). *An adaptation of 'In the sweat of thy face shalt thou eat bread' (Genesis, III, 19) [4, 39].* Если "Словарь американских идиом" включает лишь поздний вариант по времени происхождения — *By the sweat of one's brow* (букв, "пóтом своей брови" — И.Н.): *by one's efforts; by one's hardwork* [2, 53], то "Oxford Shorter English Dictionary" фиксирует употребление данного фразеологизма без предлога, но в его вариативном лексическом наполнении: *The sweat of (one's) brow, face, etc., expressing toil; after Gen. III.19* [5, 2099].

Английский фразеологизм отличается от соответствующего выражения в русском языке не только трансформацией первого предлога *in* → *by*, но и наличием предлога *of*, передающего грамматическое значение родительного падежа в английском языке. В русском языке используется беспредложная конструкция данного падежа. Ср.:

— *В поте лица* — *The sweat of (one's) brow, face;*

— *Власть тьмы* [Лука, 22, 53] — *The power of darkness* (Luke, 22, 53);

— Царь отвечал и сказал: "Это слово твердо, как закон Мидян и Персов, не допускающий изменения" (Даниил, 6, 12) → *Закон мидян и персов* (Даниил, 6, 12) — *The Law of the Medes and Persians* (Daniel, 6, 12);

— Древо познания добра и зла (Бытие, 2, 17) *древо познания* — *Tree of the knowledge of good and evil* — *Tree of the knowledge* (Genesis, 2, 17);

— Итак, вы увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила... (Матфей, 24, 15) → *Мерзость запустения* — *'When therefore ye shall see the abomination of desolation, spoken of by Daniel the prophet...'* (Matthew, XXIV, 15) → *The abomination of desolation, etc.*

В отдельных случаях коррелятивные выражения русского и английского языков отличаются не только по своему составу (русские конструкции родительного падежа — беспредложные, в то время как английские выражения используют распространенный в английском языке предлог родительного падежа *of*), но и характером своего семантического развития.

Так, в настоящее время выражение *The salt of the Earth* совпадает в своем значении с русским коррелятом *соль земли*. Ср.: *the staunch and true, the essentially good, generous, humane and kindly* [4, 191]. "Фразеологический словарь русского языка" дает следующее толкование этой фразеологической единицы: 'самое главное, самое ценное, самое важное (о людях)' [3, 446], что звучит в унисон с приведенным выше значением английской фразы.

Однако в 1914 г. этот фразеологизм, по данным словаря Парtridge, означал 'влиятельный, аристократичный, богатый'; ср.: *In recent trivial use, says the OED, in 1914 the powerful, the aristocratic, the wealthy* [4, 191]. Семантическое развитие данного выражения в английском языке подтверждает победу духовного начала над прагматичным содержанием английской фразы начала XX в.

Среди различий в синтаксических конструкциях рассматриваемых языков следует выделить и следующие модели:

1. В русском языке — беспредложная конструкция, в английском языке — предложная:

— *Отцеживать комара* (Ев. Матвея, XXIII, 24), ср. *Вожди слепые, отцеживающие комара, а верблюда поглощающие!* — *to strain at a gnat* (Cf. *to strain at a gnat and swallow a camel*) (Matthew, 23, 24);

— *Сам себе закон* (Римлянам, 2, 14) — *be a law into (to, into) oneself* (Romans II, 14);

— *Рыть кому-то (другому) яму* (Притч., 26, 27) — *dig a pit for smb*;

— *He хлебом единым жив человек* (Второзаконие, 8, 3) — *Man shall not live by/on bread only / alone* (Matthew, 4, 4; Luke, 4, 4);

— *Да минует меня чаша сия* (Матфей, 26, 39; Керф, 22, 42) — *Let this cup pass from me* (Matthew, 26, 39).

— *Манна небесная* — *Manna from heaven* — *manna* [In Exodus XVI, 15]. *The word is represented as arising from the question (in Aramaic) man? What is it? which allows the interpretation 'It is man' [5, 1200].*

В английском языке рассматриваемый оборот стягивается в слово, что не характерно для русского языка. Конденсация смысла притчи в выражении *manna from heaven* (*манна небесная*), которое отсутствует в тексте библии как русского, так и английского языков, приводит к образованию смыслового сгустка — слова *manna*.

Другая русская фраза *блудный сын* также не имеет аналога английскому слову *Prodigal*, являющегося осколком фразы-аллюзии к тексту библии *The Prodigal son* — *блудный сын*.

2. Предложная конструкция в русском языке, в английском — другие виды грамматических соответствий:

— *Книга за семью печатями* (Апокалипсис, 5, 1–3) — *A book... sealed with seven seals* (Revelation, 5, 1);

— *Глас вопиющего в пустыне* (Матфей, 3, 3 — *A voice in the wilderness* (Matthew, 3, 3), *etc.*

Сопоставление использования предложных средств в русских и английских фразеологизмах библейского происхождения показывает, что общие основы человеческой цивилизации в значительной степени предопределяют универсальное видение внешнего мира разными народами планеты, в то же время они раскрывают возможность уникального, неповторимого восприятия картины мира. Глобальное языковое пространство, в котором звучат в унисон все голоса языков мира, взаимообогащая друг друга, сохраняет следы их исторического становления и ведет к их истокам. Даже такая служебная часть речи, как предлог, имеет достойную летопись своего служения языку.

Литература

1. *Белинский В.Г.* "Гамлет, принц датский". Соч. В.Шекспира: Пер. с англ. Н.Полевого // Полн. собр. соч. — Т.II. — М.: Изд-во АН СССР, 1953.
2. *Маккей А., Ботнер М.Т., Гейтс Дж.И.* Словарь американских идиом: 8000 единиц. — СПб.: Лань, 1997.
3. *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд. — М: Русский язык, 1987.

4. *Partridge E.* A Dictionary of Catch Phrases // British and American from the Sixteenth Century to the Present Day. 2nd ed. – London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
5. *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles.* 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1967.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ⁷

Работа в гуманитарных гимназиях и лицеях требует от учителя специальной лингвистической подготовки, ибо изучение языков в этих учебных заведениях должно быть взаимосвязанным. Межпредметные связи, которые зачастую только декларируются, могут быть реализованы при изучении русского (как родного) и иностранных языков. Представляет интерес создание лингвистических интегрированных программ, позволяющих не только избежать дублирования в программах по родному и иностранным языкам, литературе, истории, искусству, но и дающих возможность получить полисистемные знания о языках, о мировом человеческом опыте. Известно, что в США подобные программы наряду с материалами по изучению языков включают материалы по истории, искусству, философии, социологии, физиологии и антропологии.

Видение взаимосвязи языковых явлений родного и иностранных языков не только способствует расширению лингвистического кругозора учителя-словесника, но и формирует его филологическую компетентность.

⁷ Фразеологизмы латинского происхождения в русском и английском языках. – РЯШ. – 1992. – №5–6. – С. 37–40.

Покажем межъязыковую взаимосвязь на примере латинских фразеологических оборотов, функционирующих как в русском, так и в английском языках.

В мировой системе языков выделяется ярус фразеологизмов, совпадающих по своей семантике, структуре и — реже — материальному оформлению. Это так называемые интернациональные фразеологизмы, восходящие к общему этимону. Среди них интересен пласт прямых заимствований и калек фразеологических единиц, возникших в русском и английском языках в результате влияния третьего языка — латыни.

Для отдаленно родственных языков, какими являются русский и английский, материальная эквивалентность фразеологизмов не типична. Подобное совпадение имеет место лишь при прямых заимствованиях. В русском и английском языках используются такие заимствованные фразеологизмы латинского происхождения, как *ab ovo*, *alma mater*, *alter ego*, *anno Domini*, *ante bellum* и некоторые другие.

Заметим, что если для русской литературы XIX в. латинское написание этих фразеологизмов было характерным, то в современной художественной литературе мы чаще видим русские варианты. Ср. примеры из поэзии и эпистолярного наследия А.С. Пушкина:

Начнем *ab ovo*: мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверский
Был древле ужасом морей...
(*ab ovo* — «с самого начала; от яйца»);

Ах, слушай, Ленский, да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,

Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera...
(et cetera — «и так далее»);
Habent sua fata libelli [книги имеют свою судьбу]... «Полтава»
не имела успеха...; Москва доньше центр нашего
просвещения; в Москве родились и воспитывались, по
большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не
переметчики, для коих ubi bene, ibi patria [где хорошо, там и
родина]; Верно, есть бочки, per fas et nefas [законным и
незаконным образом; правдами и неправдами], продающиеся
в Петербурге, — купи, что можно будет подешевле и
получше.

В русском и английском языках выделяется пласт
переводных латинских изречений, которые употребляются как
в заимствованном виде, так и в виде калек; ср.: *Advocatus
diaboli* — *Адвокат дьявола* — *The devil's advocate*; *Bellum
omnium contra omnes* — *Война всех против всех* — *War of all
(everyone) against all (everyone)*; *Ars longa, vita brevis (est)* —
Жизнь коротка, искусство вечно — *Art is long, life is short*;
Alter ego — *Другое (второе) я* — *One's second self*; *Mens sana in
corpore sano* — *Здоровый дух в здоровом теле* — *A sound mind
in a sound body*; *Circulus vitiosus* — *Заколдованный (порочный)
круг* — *A vicious circle*; *Alea jacta est* — *Жребий брошен* — *The
die is cast*; *Veni, vidi, vici* — *Пришел, увидел, победил* — *I came,
I saw, I conquered*; *Deus ex machina* — *Бог из машины* — *A God
from (out of) machine*. Ср. примеры:

Большая часть характеров, и притом самых главных,
безобразно нелепа, события завязываются насильно, а
развязываются посредством *deus ex machina*.
(В. Белинский); В наше время статуи не боятся и внешних
развязок, *deus ex machina*, не любят... (Он же); Достоевский

влагает в уста князю Мышкину, своему alter ego, следующую характеристику... (С.Н. Булгаков).

В английском языке больше распространены латинские обороты (*per fas et nefas, volens nolens, modus vivendi, in vino veritas*), в русском же языке наряду с материально заимствованными выражениями употребительны и их фразеологические кальки: *per fas et nefas* — *всеми правдами и неправдами*, *volens nolens* — *волей-неволей*, *festina lente* — *торопись медленно (медленно поспевай)*, *modus vivendi* — *образ жизни*, *in vino veritas* — *истина в вине...* Ср.:

«Homo sum, nihil humani a me alienum puto», — сказал римский комедиограф. Я бы сказал точнее: «Nullum hominem a me alienum puto» — «Я человек, и никакой другой человек мне не чужд». (Человек. — 1991. — №6); Не все ценности допускают такое обобщение; многие остаются навсегда связанными с одним определенным культурным кругом. Но другие — и самые высшие — существуют для всех. Это о них сказано: «Ничто человеческое мне не чуждо». (Новый мир. — 1989. — №4); Но взгляды эти, кроме того, говорили о том, что она сделала уже свое дело в жизни... Memento mori — говорили эти взгляды. (Л. Толстой); Помни о смерти. (Заголовок в газете).

Интересно, что в словаре И.А. Уолш, В.П. Беркова (Русско-английский словарь крылатых слов. — М., 1984), предназначенном в первую очередь для англоязычных читателей, фразеологические кальки крылатых слов латинского происхождения нередко снабжены пометой «цитируется часто, обычно по-латыни»; ср.: «Где хорошо, там и родина (отечество) — *Ubi bene, ibi patria*; Кому это выгодно (на пользу)? — *Cui bono?*; Лови день — *Carpe diem*; Ни дня без

строчки (черты, линии) — *Nulla dies sine linea*; Так проходит слава мира — *Sic transit gloria mundi*» и т.д.

Однако примеры фразеологизмов в латинском написании чаще приводятся из произведений XIX в.:

Увы! *Sic transit gloria mundi*! На кого же тут пенять, на кого жаловаться. (В. Белинский); В воскресенье, мы обедали в Павловске, никто не сказал мне ни слова о смерти знаменитого поэта! Один Греч ревнует в «Сыне отечества». «*Sic transit gloria mundi*». (Н. Карамзин).

В этом справочнике мы находим целый ряд крылатых слов (выражений) из латинского языка, употребляющихся в русском языке как в виде калек, так и в иноязычной форме; ср.:

Времена меняются (и мы меняемся с ними) — *Tempora mutantur (et nos mutamur in illis)*; Все мое (свое) ношу с собой (при себе) — *Omnia mea mecum porto*; До греческих календ — *Ad calendas graecas*; Если хочешь мира, готовься к войне — *Si vis pacem, para bellum*; О времена! о нравы! — *O tempora, o mores!*; О мертвых или хорошо, или ничего — *De mortuis nil nisi bene (aut bene, aut nihil)*; Третьего не дано — *Tertium non datur*; Уча, учимся — *Docendo discimus* и т.д.

Однако, бесспорно, наибольший пласт среди фразеологизмов латинского происхождения в современном русском языке составляют фразеологические кальки: белая ворона; бумага не краснеет (все стерпит); время летит (бежит); время — лучший лекарь; золотая середина; лучшие быть первым в деревне, чем вторым в городе; любовь слепа; нет правила без исключения; слабый пол; соединять приятное с полезным; сулить (обещать) золотые (золотые) горы; всосать с молоком матери; золотой век; квадратура круга [полукалька]; о вкусах не спорят; поэтическая вольность; рог

изобилия; святая простота; сколько людей, столько и мнений; я мыслю — значит (следовательно), я существую и др.

Большинство из вышеприведенных калек с латинского широко распространены как в общеупотребительной речи, так и в публицистике:

Вопрос, поднятый нашим постоянным автором и читателем, уходит корнями в глубокую древность. Еще латиняне задумывались, что лучше: быть первым в деревне или вторым — в Риме. И по сей день во множестве происходят эти мучительные драмы выбора: остаться (и блистать?) — уехать (и, может быть, затеряться?). (Сов. культура. — 1991. — 27 июля); Станет ли Золотой Рог рогом изобилия? (Комс. правда. — 1991. — 12 февр.); Возьмусь утверждать, что в Западной Европе есть страна, черты экономики которой в свое время были весьма похожи на наши. Но в отличие от нас, топчущихся на месте уже седьмой год, перестройка там давно уже перешла свой Рубикон. Речь о Великобритании и о революции Маргарет Тэтчер. (Там же. — 1991. — 27 авг).

Интересно отметить, что целый пласт фразеологических калек с латинского, ассимилировавшись в новой языковой ткани, как бы потеряв свою генетическую связь с конкретным литературным источником, античным автором, приобретает статус *пословицы* в русском и английском языках; ср.:

Manus manum lavat — Рука руку моею — One hand washes another; Duos qui sequitur lepores neutrum capit — За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь — If you run after two hares, you will catch neither; Piscis primus a capite foetet — Рыба тухнет с головы — Fish rots from the head / Fish begins to stink at the head; Faber est suae quisque — Всякий человек кузнец своего счастья [неточная калька] — Every man is the architect of his own fortune; Equi donati dentes non inspiciuntur — Дареному коню в зубы не смотрят — Don't

(never) look a gift (given) horse in the mouth [неточная калька];
Corronat opus — Конец — делу венец — The end crowns all
(the work).

Нередко и в русском, и в английском языках возникают пословичные выражения, совпадающие с латинским аналогом по смыслу, но отличающиеся своеобразием в передаче образности; ср., например:

Silence gives consent / Silence equals consent / Silence is taken to be consent — Молчание — знак согласия (ср.: *Qui tacet consentire videtur* «Тот, кто молчит, видимо, соглашается»).

Крылатые выражения, афоризмы включают в себе крупинцы жизненного опыта и, как правило, не теряют своей актуальности с течением времени, дают возможность человеку образно и лаконично выразить свою мысль. Почти каждый фразеологический оборот, восходящий к латинскому прототипу, обладает особой эмоциональной окрашенностью и таит в себе глубинный смысл. Писатели и публицисты по-разному используют крылатые выражения, входящие в мировой фонд крылатых слов. Ср., например, у Карамзина:

...Достигает человек и до понятия о самом себе, обращается от чувствований к чувствующему и, не будучи Декартом, говорит: «*Cogito ergo sum*» — мышлю, следовательно, существую; что ж я?..

Н.М. Карамзин, анализируя состояние своего героя, дважды использует это высказывание. Вначале звучит торжественная латынь, которая как бы помогает писателю воссоздать патетический характер ситуации. Однако особой экспрессивностью обладает именно калька цитаты, выражающая веру в скрытые возможности человека и дополненная

вопросом: что ж я?.. С другой стороны, следует отметить, что параллельное употребление латинского и русского вариантов фразеологизма объясняется и тем, что в эпоху Карамзина использование латинских инкрустаций в ткани художественного текста было обычным. Менее типичным является использование именно переводного соответствия, которое, учитывая подготовленность читателя к восприятию текста, является как бы излишним. Значит, писатель придавал этому особый смысл.

По-другому использована калька этого же выражения И.А. Гончаровым («Фрегат “Паллада”»):

Cogito ergo sum — путешествую, следовательно, наслаждаюсь, перевел я на этот раз знаменитое выражение...

В данном контексте фраза приобретает характер легкости, шутливости.

Ср. совсем иной характер употребления фразеологизма в современной публицистике:

«Бастую — значит существую»... Если ничего не изменится, 20 августа местные российские издания проведут предупредительную забастовку. (Комс. правда. — 1991. — 3 авг.).

Как известно, именно крылатые слова способны приобретать новый смысл, иногда существенно отличающийся от первоначального, приобретать новые стилистические оттенки; при этом компонентный состав и структура фразы могут трансформироваться. Ср.:

Платонов — друг, но волейбол дороже? (Комс. правда. — 1991. — 29 янв.); В здоровых крысах — здоровый дух! (Там же. — 1991. — 18 мая); Пришел. Увидел. И ушел. (Там же. —

1991. — 18 окт.); Деньги не пухнут, (Сов. культура, — 1991. — 30 марта); Пилюля нон грата. (Известия. — 1991. — 4 марта); Бойтесь шефов, дары приносящих. (Комс. правда. — 1991. — 20 апр.); Не бойтесь данайцев... (Моск. новости. — 1991. — 10 ноября).

Отметим, что в современной прессе подобные фразеологизмы чаще всего используются в качестве заголовков.

В русском языке начала 90-х годов появился оборот *homo soveticus*. Несмотря на латинскую форму, выражение не является заимствованным, это исконно русское выражение в латинском написании, созданное, возможно, по модели латинского фразеологизма *homo novus* (букв. «человек новый»; выскочка) (но, возможно, и по модели *homo sapiens* «человек разумный»). Ср.:

Все-таки мы стали другими людьми за эти странные годы. Конечно, еще *homo soveticus*. Но уже прямо ходящий. Даже яростно призывающие к возврату рабства стали свободными, хотя, видимо, не понимают, что сами эти их призывы и есть одно из проявлений ненавистного им «плюрализма». (Моск. новости. — 1991. — 10 марта); Нормальные экономические отношения, связывающие людей разных национальностей, религий и убеждений, попадают под запрет. Все должны кормиться лишь из рук «хозяев». В том, конечно, случае, если ты любишь и уважаешь их и беспрдельно веришь в любую изрекаемую ими глупость. Каста «заключенных» постепенно превращается в толпу безынициативных людей, которые боятся заниматься производством, торговать. Медленно, но верно у большинства *homo soveticus* сложилась психология «зека». (Комс. правда. — 1991. — 17 мая).

Некоторые латинские обороты в иноязычной форме могут стягиваться в русском языке в одно слово. Так, в «Словаре иностранных слов» (1989) зафиксировано следую-

щее употребление латинских выражений: *альма-матер* (*alma mater* «мать-кормилица»), *апприори* (*a priori* «изначально»), *факсимиле* (*fac simile* «делай подобное»), *нотабене*, *нотабена* (*nota bene* «заметь хорошо»), *перпетуум-мобиле* (*perpetuum mobile* «вечно движущееся»), *постфактум* (*post factum* «после сделанного»), *проформа* (*pro forma* «ради формы»), *синекура* (*sine cura* «без заботы») и мн. др.

Среди заимствованных в иноязычной форме фразеологизмов можно выделить обороты, восходящие к своему первоисточнику — греческому языку: *Ars longa, vita brevis est* — *Жизнь коротка, искусствоечно* — *Art is long, life is short*; *Quos (quem) Deus perdere vult, prius dementat* — *Кого Бог захочет погубить, того он сначала лишит разума* — *Whom God would ruin, he first deprives of reason / Those who(m) the gods wish to destroy they first drive mad*; *Cornu copiae* — *Рог изобилия* — *The horn of plenty*.

Заметим, что как в английском, так и в русском языках целый ряд латинских фразеологизмов стал известен в результате перевода с французского (правда, английским языком определенная часть фразеологизмов латинского происхождения была заимствована без языка-посредника; в распространении же латинских фразеологизмов в русском языке французский сыграл значительную роль).

Изучение тех или иных языковых фактов через призму культурного, литературного взаимодействия и обогащения языков позволяет повысить мотивацию учебной деятельности. Одной из точек соприкосновения языковых дисциплин, как было сказано выше, является наличие универсалий в системах европейских языков. В частности, фразеологические кальки латинского происхождения в русском и английском языках, возникшие в результате культурно-исторического

взаимодействия языков, представляют для преподавателя богатейший источник лингвострановедческой, литературной, исторической, искусствоведческой информации, позволяющей проследить становление языков на фоне развития общей европейской культуры.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ⁸

Ценнейшим источником приобщения школьников, изучающих иностранные языки, к образцам образной и выразительной речи народов мира, к литературным сокровищам европейской и мировой культуры является фонд интернациональных фразеологизмов. Обучение языкам (русскому и иностранным) в гуманитарных гимназиях и лицеях позволяет повысить мотивацию учебной деятельности, расширить лингвистический кругозор учащихся. В свое время В.В. Виноградов отмечал, что «в материале разных языков мировой цивилизации, особенно в их фразеологии, существуют и постепенно расширяются зоны общего международного словесно-понятийного соответствия и соотношения»⁹.

Как известно, основы международного лексического и фразеологического фондов европейских языков заложены греческим и латинским языками. Французский язык, авторитетнейший язык Западной Европы в XVII–XVIII вв., вслед за латынью усилил романское влияние на развитие интернациональной фразеологии, оказав значительное воздействие на формирование как русского, так и английского языков. В силу

⁸ Фразеологизмы французского происхождения в русском и английском языках. – РЯШ. – 1993. – №6. – С. 76–79.

⁹ Виноградов В.В. Заметки о стилистике современной советской литературы // Лит. газета. – 1965. – 19 ноября.

конкретно-исторических условий воздействие французского языка прослеживается в Англии во все эпохи, вплоть до настоящего времени. Принято выделять два основных этапа заимствований из французского языка: 1) старые французские заимствования (XII–XVI вв.) и 2) новые французские заимствования (после XVI в.)¹⁰. Длительность влияния, родство графических систем — все это не могло не способствовать глубокой ассимиляции в английском языке огромного притока слов и оборотов французского происхождения.

Менее длительным (XVIII–XIX вв.), но не менее сильным оказалось воздействие французского языка на становление и развитие русского литературного языка.

В данной статье мы обратимся к так называемым интернациональным фразеологизмам в русском и английском языках, восходящим к своему этимону — французскому языку, совпадающим по своей семантике, структуре, реже — материальному оформлению.

Как в русской, так и в английской, и американской литературе встречаются прямые заимствования из французского языка; ср., например: *à la guerre comme à la guerre, au revoir, au naturel, beau monde, bel esprit, bon ton, carte blanche, comme il faut, enfant terrible, force majeure, idée fixe, table d'hôte* и мн. др.

Эти и другие примеры (в том числе, и крылатые выражения), встречающиеся в русской литературе в латинском написании, представлены в «Словаре иностранных слов» (изд. 18, 1989). В английском языке аналогичный список француз-

¹⁰ См.: Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. — М., 1959, С. 213–214.

ских выражений гораздо полнее по составу. Но в современном русском языке, как свидетельствует «Словарь иноязычных выражений и слов...» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова, употребительны почти все галлицизмы, встречающиеся в английской и американской литературе. Ср., например:

1) Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*) невозможно... (Пушкин); Чего тут нет! Лепешки из теста лежат *au naturel*, потом по востребованию, опускаются в кипяток и подаются через несколько минут готовые (Гончаров); Спирит, ханжа и пиетист и *bel esprit à la Вольтер* (Майков); Пушкин жил, не подозревая, что умеет жить, как молюеровский *bourgeois-gentilhomme*, не подозревая, что «говорит прозой» (Гончаров); Они после обеда просили м-с Вельч и Каролину пить чай *en famille*, вместе, как это делается у нас в России (Он же); — Оставим его. *Retournons à nos moutons*. Итак, ты любишь господина Нежданова? (Тургенев); Француз, который при Ватерлоо сказал: «*La garde meurt, mais ne se rend pas*» и другие... были храбры и действительно говорили достопамятные изречения (Л.Н. Толстой); *L'amour est l'égoïsme à deux*, — сказала мадам Сталь, и весьма справедливо (А. Бестужев-Марлинский).

2) Ее считали *bel esprit* и страшной радикалкой (У. Теккере́й); *Le roi est mort!* Лейбористы уже могут начинать свое вранье! (Дж. Голсуорси); При этом я смерил его зверским взглядом, как бы говорившим (впрочем, это самое я и хотел сказать): шутки в сторону — *à la guerre comme à la guerre* (У. Теккере́й); Ты сыграл роль *enfant terrible*, дорогой мой. (Дж. Голсуорси).

В XVIII–XIX вв. галлицизмы получают широкое распространение в русской устной и письменной речи, встречаясь в основном в исходной форме. Но постепенно,

ассимилируясь в перенявшем их языке, они начинают употребляться в транслитерированном виде, а в ряде случаев — даже преобразованными в слово. Ср., например:

В Париже все говорят *bon-mots*, даже записные глупцы, через *bon-mots* там приобретают славу, через *bon-mots* и теряют ее. Нередко честь и доброе имя зависят там от *bon-mots* какого-нибудь записного бонмотиста (В.Г. Белинский); Сипягин по-прежнему осаживал его, когда он чересчур заносился, но много смеялся его анекдотам и бонмо... (Тургенев). В столовой с часами, которым Иван Ильич так рад был, что купил в брикабраке, Петр Иванович встретил священника (Л.Н. Толстой) (ср. франц. *bris à bris* «антикварный магазин»); — Ну, полно, моншер, — говорит, — уж мне-то можно поверить (Он же).

Однако приведенные примеры — это индивидуально-авторские трансформации заимствований, а не факты широкого распространения данных единиц в русском языке XIX в.

В современном русском языке продолжается процесс слияния компонентов фразеологизмов, заимствованных из французского языка в их исходной форме, в единое слово: *карт-бланш* (*carte blanche* «свобода действий»); *гран-при* (*Grand Prix* «высшая награда»); *ва-банк* (*va banque* «излишне смело»; *пойти va banque* — «действовать слишком смело»). Ср.:

Визитная карточка — карт-бланш вашего успеха! (Комс. правда. — 1991. — 22 мая); ...сопровождающая всякий акт о независимости национальная эйфория дает местной власти своеобразный карт-бланш на любые действия (Комс. правда. — 1991. — 7 дек.); «Небесные стрелочники» идут ва-банк (о забастовке авиадиспетчеров) (Комс. правда. — 1991. — 17 мая); Премьер потребовал предоставить ему дополнительные чрезвычайные полномочия с выходом из-под

подчинения президенту, а уж «группа поддержки» постаралась как следует запугать парламентариев внутренней и внешней угрозой. Не удалось. И тогда, видимо, пошли ва-банк... (Лит. газета. — 1991. — 28 авг.).

С помощью лексико-синтаксического способа словообразования в современном русском языке появляются такие слова, как *бомонд* (франц. *beau monde* «высший свет»), *бонвиван* (франц. *bon vivant* «человек, любящий пожить в свое удовольствие»), *анфас* (франц. *en face* «прямо, напротив»), *флердоранж* (франц. *fleur d'orange* «белые цветы померанцевого дерева, принадлежность свадебного убора невесты»), *журфикс* (франц. *jour-fixe* «день недели для приема гостей»), *нувориш* (франц. *nouveau riche* «богач-выскочка»); *пленэр* (франц. *(en)plein air* «на свежем воздухе, на лоне природы»), *табльдом* (франц. *table d'hôte* «общий обеденный стол в гостиницах, ресторанах»).

Как в английском, так и в русском языке определенная часть заимствованных выражений из французского калькируется. Переводные галлицизмы получили широкое распространение и в письменной, и в устной речи; ср.: *affaire de coeur* — *affair of the heart* — сердечные дела; *affaire d'honneur* — *affair of honour* — дело чести; *brûler la chandelle par les deux bouts* — *burn the candle at both ends* — жечь свечу с обоих концов; *citoyen du monde* — *a citizen of the world* — гражданин мира, космополит; *Chevalier sans peur et sans reproche* — *Knight without Fear and without Reproach* — рыцарь без страха и упрёка (прозвище французского рыцаря Баярда); *crème de la société* — *the cream of society* — сливки общества; *dance macabre* — *the dance of death* — пляска смерти; *dette d'honneur* — *a debt of honour* — долг чести; *dorer la pilule* — *gild (sugar, sweeten) the pill* — подсластить пилюлю; *enforcer*

des portes ouvertes — *force (knock at) an open door* — ломиться в открытую дверь; *faire une scène à quelqu'un* — *take a scene* — устраивать сцену; *l'art pour l'art* — *art for art's sake* — искусство для искусства; *le beau sexe* — *the fair (the gentle) sex* — прекрасный пол; *le jeu ne vaut pas la chandelle* — *the game is not worth the candle* — игра не стоит свеч; *le revers de la médaille* — *the reverse (side) of the coin (medal)* — оборотная сторона медали и т. д.

В современной прессе переводные французские фразеологизмы могут встречаться в разных индивидуально-авторских трансформациях. Ср.:

«Король умер. Да здравствует король!» — в случае с развалившимся СЭВ и международной организацией «Восточно-европейское сотрудничество и торговля» (ВЕСТ), учредительная конференция которой завершается сегодня в Москве, это клише вряд ли употребимо (Комс. правда. — 1991. — 19 октября); Театр умер. Да здравствует театр! (Сов. культура. — 1991. — 17 авг.); Рубль умер! Да здравствует рубль! (Комс. правда. — 1992. — 8 июня).

Целый пласт фразеологических калек с французского (точных и неточных), ассимилировавшись в новой языковой ткани, потеряв свою связь с языком-источником, приобретает статус пословиц и поговорок в русском и английском языках, например: *C'est le premier pas qui coûte* — *It is the first step that costs (is difficult)* — труден только первый шаг; *Chercher une aiguille dans une botte de foin* — *Look for a needle in a bottle of hay / Look for a needle in a haystack* — Искать иголку в стоге сена; *L'appétit vient en mangeant* — *Appetite comes with eating* — Аппетит приходит во время еды; *Les mariages se font dans les cieux* — *Marriages are made in heaven* — Браки устраиваются (совершаются) на небесах; *Les yeux sont le miroir de l'âme* —

The eyes are the mirror of the soul — Глаза — зеркало души; Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait — If youth but knew, if age but could — Если бы молодость знала (умела), а старость (если бы старость) могла.

Интересно отметить, что многие русские и английские кальки с французского языка восходят к первоисточнику — латинскому языку. Ср.: *Бедность не порок* — англ. *Poverty is no sin (vice)* — франц. *La pauvreté n'est pas vice* — лат. *Paupertas non est vitium*; *Буря в стакане воды* — англ. *A storm in a tea-cup* — франц. *Une tempête dans un verre d'eau* — лат. *Excitare fluctus in simpulo*; *Гони природу в дверь, она войдет в окно* — англ. *Throw nature out of the door, It will come back in through the window* — франц. *Chasse — le par la porte, il rentrera par la fenêtre* — измененное лат. *Naturam expellas furca, tamen usque recurret* (Гораций); *Дареному коню в зубы не смотрят* — англ. *Look not a gift horse in the mouth* — франц. *À cheval donné on ne regarde pas à la bouche (à la dent)* — лат. *Equi donati denies non inspiciuntur*.

Но большинство французских пословиц и поговорок, явившихся прототипом для создания аналогичных фразеологических оборотов в русском и английском языках, — литературно-книжного, а не фольклорного происхождения. Почти все они имеют своего автора; ср., например: *Appetит приходит во время еды.* — Распе; *Все жанры хороши, кроме скучного.* — Вольтер; *Все к лучшему в этом лучшем из миров.* — Вольтер; *Понять — значит простить.* — Де Сталь; *Лучшее — враг хорошего.* — Вольтер; *Мыслящий тростник.* — Паскаль и т.д.

Следует отметить, что в русском языке широко бытуют многие крылатые выражения, поэтому нам кажется небесполезным напомнить о том, что эти выражения, как бы

потерявшие свою связь с языком-источником, тоже имели авторство: *Все хорошо, прекрасная маркиза* (строка из французской песни); *Вставайте, граф, Вас ждут великие дела* (слова, которыми слуга Сен-Симона должен был будить своего хозяина); *Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает* (слова Жозефа де Местра) и т.д.

Заемствованный фразеологизм *Cherchez la femme* (А. Дюма) широко распространен как в английском, так и в русском языках. Но если в русском языке одновременно употребляются и заимствованное выражение, и его калька (*ищите женщину*), то в английском языке функционирует лишь заимствованный из французского языка фразеологизм.

Французский оборот *à l'anglaise* и в русском, и в английском языках обозначает «на английский манер, по-английски». В русском языке он приобрел и второе значение: «уйти не простившись» от франц. *filer à l'anglaise* «уйти по-английски». В английском же языке аналогичное значение имеет фразеологизм *French leave — take French leave* «уйти, уехать не прощаясь, без предупреждения, незаметно» (ср. с французским выражением *filer à l'anglaise*). Ср. примеры:

Не удивляйтесь, если во время острой политической дискуссии член британского парламента вдруг замолкнет на полуслове и, не прощаясь (может быть, поэтому и говорят «уйти по-английски»?), чуть ли не бегом направится в Вестминстерский дворец. Это значит в палате общин наступил час голосования. (Правда. — 1989. — 11 дек.). В гостях у демократов побывали Э. Шеварднадзе и Г. Попов... бывший министр иностранных дел и мэр столицы решили от греха подальше по-английски удалиться. (Комс. правда. — 1991. — 23 июня).

Как видно из приведенных примеров, судьба некоторых фразеологических калек с французского в русском и английском языках складывается по-разному, вплоть до приобретения ими противоположных значений в результате их ассимиляции в перенявшем языке.

Иногда при переводе с французского в русском и английском языках происходит смена образности. Ср., например: *Смеяться в кулак* — франц. *Rire dans sa barbe* — англ. *Laugh in one's beard* (во французском и английском языках образность совпадает: «смеяться в бороду»); *Ничто не ново под луной* — франц. *Rien de nouveau sous le soleil* — англ. *Nothing new under the sun* (во французском и английском языках образность также одинакова: «ничто не ново под солнцем»); *Купить коша в мешке* — франц. *Acheter un chat en poche* — англ. *Buy a pig in a poke* («купить поросенка в мешке»). В английском и русском языках в процессе ассимиляции данного фразеологизма появилась новая единица: *Продавать коша в мешке* — *Sell a pig in a poke* («продавать поросенка в мешке»), а в результате сокращения — *кот в мешке* — *a pig in a poke* («поросенок в мешке»).

Галлицизм *tête-à-tête* на русский язык переводится неточной калькой *с глазу на глаз* (встречается и полукалька *поговорить тет-а-тет* от *causer tête-à-tête*). В английском языке *tête-à-tête* (Fr. *head to head* — *face to face*) имеет то же значение. Как видим, и в русском, и в английском языках при переводе меняется образность. Но данный галлицизм в обоих языках часто используется в исходной форме — на французском языке, ср.:

1) Что-то будет с Александром Юрьевичем? Воображаю его в Заводах en tête-à-tête с глухим стариком... (Пушкин); Но с появлением звукового общения на артикуляционном уровне дальность передачи сократилась до кратчайшего в животном мире предела — «расстояния тет-а-тет» (Человек. — 1991. — №6).

2) И мистер Джозеф Седли, чиновник Ост-Индской компании, не успел даже спросить, чем он может помочь, как уже оказался сидящим tête-à-tête с молодой девицей (У. Теккерей); ...Хиромантия — крайне опасная наука и поощрять ее не следует кроме как tête-à-tête (О. Уайльд).

К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем более подробно рассмотреть специфику семантической ассимиляции фразеологических оборотов французского происхождения в русском и английском языках. Однако именно знание общих и отличительных свойств образных средств родного и иностранных языков поможет учащимся увидеть единство и своеобразие данных языковых единиц на лингвистической карте мира.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹¹

Если самое значительное влияние на становление интернационального фонда фразеологизмов русского и английского языков оказали классические языки (греческий и латинский), а вслед за ними — французский язык, то вклад других языков в общий тезаурус фразеологии менее весом. Незначительное и количество фразеологизмов итальянского происхождения в рассматриваемых языках.

Так, известный фразеологизм *Dolce far niente*, восходящий к итальянскому языку, получил широкое распространение как в русском, так и в английском языках.

В английском языке он известен с 1814 года и используется как прямое заимствование из итальянского. Ср. *Dolce far niente*. [1814. It. 'sweet doing nothing'] Delightful idleness. Also attrib. [SOED, 548]. Бенхам проводит параллель с известным изречением Тацита *inertia dulcedo*.

Данное выражение получает распространение в английском языке в 19 веке, относясь к фразеологизмам книжного характера: «*Dolce far niente*. Literally, 'sweet to do

¹¹ Фразеологические обороты итальянского происхождения в русском и английском языках. — В кн.: Русское слово в мировой культуре. Материалы X конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург. 30 июня — 5 июля 2003 г. Русская литература и речь сегодня: старое — новое — заимствованное. / Под ред. К.А. Роговой, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. — СПб: Политехника, 2003, С. 138-145.

nothing; freely, the very pleasant state of idleness': C. 19–20. Italian proverbial saying» [Partr., 63].

В русской лексикографии рассматриваемое выражение соотносится с изречением Плиния Младшего (61 или 62 ок.114) в «Письмах, VIII,9» «illud jucundum nil agere» [Б-Ш, т.1, 360 - 361].

В художественной литературе 19 века данное прямое заимствование из итальянского языка встречается уже как в сокращенном варианте, а так и в транслитерированном виде.

Ср. У Пушкина:

«Я был рожден для жизни мирной,

Для деревенской тишины:

В глуши звучнее голос мирный,

Живее творческие сны.

Досугам посвящаться невинным,

Брожу над озером пустынным

И far niente мой закон.

Я каждым утром пробужден

Для сладкой неги и свободы:

Читаю мало, долго сплю,

Летучей славы не ловлю».

(Евгений Онегин)

«Он пишет мне, что болезнь моя — вздор, что я блажу, что я просто предпочитаю dolce far niente труду». (Чайковский П.И. Письмо Н.Ф. Мекк); «...Заруцкий и Черемухин расположились преспокойно на широком диване и, куря молча свои трубки, наслаждались в полном смысле сим моральным и физическим бездействием, которое итальянцы называют far niente. (М.Н. Загоскин); «Хочешь ли ты не спать, а только отдохнуть и понежиться в этом бездейственном

забыть, этом итальянском «иль-дольче фар-ниэнте» — садись сюда» (М.Н. Загоскин).

В XX веке итальянское выражение вытесняется соответствующей фразеологической калькой «*сладкое ничегонеделание*», которая впоследствии так же, как и заимствованная форма, сокращается в слово «*ничегонеделание*». Ср. *фар-ниэнте* = *far niente* > *dolce far niente*

В «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» выражение *сладкое ничегонеделание* рассматривается как «калька с итальянского *Il dolce far niente*, которая означает 'удовольствие от безделья'» [ОЭСРФ, 134].

Так, в английском языке утверждается прямое заимствование из итальянского, а в русском побеждает его переводное соответствие — фразеологическая калька.

Аналогичен способ ассимиляции и выражения *eppur si muove*, приписываемого Галилею (1615 г.). В английском языке более распространено прямое заимствование из итальянского *Eppur si muove*, чем его коррелятивная фразеологическая калька 'But it does move' / 'And yet, it does move'.

«The Oxford Dictionary of Quotations» (1978) дает следующую информацию о происхождении данной фразы:

Galileo Galilei (1564–1642). E pur si muove. But it does move. Attributed to Galileo after his recantation in 1632. The earliest appearance of the phrase in 1761 and it is generally considered to be apocryphal [ODQ, 212].

Если в английском языке данное изречение, по мнению Э. Партриджа [Partr., 70], является принадлежностью книжного стиля речи (литературы и философии), то в русском языке оно частотно и в общеупотребительном языке.

Спектр значений данного выражения в русском языке шире, чем в английском.

Ср. «E pur (E pur) si muove.(ит.)

1. А все-таки она вертится.

2. Обычно употребляется при подчеркивании движения вперед.

3. Употребляется, чтобы подчеркнуть твердую и непоколебимую уверенность.

4. Употребляется как выражение протеста» [Б-Ш, т. 1, 421].

Разнообразны и способы использования рассматриваемого выражения и в современной публицистике.

Ср.: заголовок в газете с заменой союза и одного из компонентов фразеологизма («она» — «земля» заменяется существительным «мяч»). — Речь идет о футбольном чемпионате, который вопреки всем социальным препятствиям состоялся — «И все-таки мяч вертится!» (Комс. правда).

В отличие от приведенных выше выражений популярная фраза из «Божественной комедии» Данте «Оставь одежды, всяк сюда входящий» использовалась в русской художественной литературе 19 века в своей исходной материальной форме.

Ср.: «...казалось на узорах их (ветвей — *И.Н.*) сморщенной коры был написан адскими буквами этот известный стих Данте: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate» (М. Лермонтов. Вадим).

В современном русском языке употребляется лишь фразеологическая калька данного изречения («Оставь надежду навсегда» > «Оставь надежду всяк/всякий сюда входящий / Входящие, оставьте упования»).

По мнению авторов «Русско-английского словаря крылатых слов» И.А. Уолш и В.П. Беркова, наряду с калькой в русском языке XX века используется и прямое заимствование

из итальянского: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate*. (Данте. Божественная комедия, Ад, 3, 9) [РАСКС, 147]. Однако, трудно согласиться, что данное итальянское выражение продолжает жить в русском языке в своем исконном виде. Ср. современную трактовку изречения Данте: «Оставь одежды всяк сюда входящий. Сексуальная эволюция Голливуда» (Комс. правда).

В английском языке также популярна калька этого итальянского выражения *All hope abandon ye who enter here*, которая получила распространение с 1820 года. Ср. “All hope abandon ye who enter here. From CA. 1820. A translation of Dante's *lasciate ogni speranza voi ch'entrate* (Verse 9, Canto III, of the Inferno)” [Partr., 12].

В отличие от вышеприведенных оборотов иноязычное выражение из итальянского *Finita la comedia* утверждается и в русском, и в английском языках, сохраняя свою природную языковую ткань.

Ср. «Все в один голос вскрикнули: — *Finita la comedia!* — сказал я доктору» (М. Лермонтов).

В обоих языках утверждается и прямое заимствование из итальянского языка *Fata Morgana* / *fata Morgana* / *fata morgana*.

В английском языке данное выражение появляется в 1818 году. Фея Моргана, по данным “Shorter Oxford English Dictionary”, была сестрой короля Артура, которую норманны якобы поселили близ Калабрии. Этот мираж обычно видели в проливе Мессина, который прежде был известен как волшебное агентство. Ср. *Fata Morgana*. 1818. [It. *fata* a fairy; *Morgana*, sister of the legendary Arthur, app. located in Calabria by Norman settlers]. A kind of mirage most frequently seen in the

Strait of Messina, attributed formerly to fairy agency. Also fig. [SOED, 679].

А.В. Кунин приводит следующие данные об этом фразеологизме в английском языке: «*'fata morgana'*, итал. Фата моргана, мираж, при котором возникает изображения предметов, лежащих за горизонтом». Ср.: «ит. *fata Morgana* — фея Моргана; по преданию фея Моргана жила на морском дне и завлекала путешественников призрачными видениями» [АРФС, т.1, 1061].

В русской художественной литературе это выражение первоначально употреблялось в не транслитерированном виде.

Ср. «Откуда же следует, что «Обетованная земля» есть, по его мнению, не более как иллюзия усталых и озябших людей, своего рода *fata morgana*» (Г. Плеханов).

В современном русском языке наблюдается и тенденция к слиянию фразеологического оборота в слово.

Например, «В личной биографии Леонтьев был поразительный альтруист, и это все поправляет в нем, преобразует сумрачные идеи его в *fata-morgan'u*» (В. Розанов).

Так, если в ряде случаев в английском языке утверждаются прямые заимствования из итальянского языка, то в русском языке им соответствуют слова, в которые превратились фразеологические заимствования из итальянского в результате их слияния в слово: *salto mortale* — *сальто-мортале*, *tutti frutti* — *тутти-фрутти*, *prima ballerina* — *примабалерина*, *prima donna* — *примадонна* и др.

В некоторых случаях значения коррелятивных выражений в современном русском и английском языках не совпадают. Так, выражение *tutti frutti* и в русском и английском языках означает 'всякая всячина'.

Ср. «Tutti frutti, um. Все разные фрукты. Употребляется обычно с оттенком пренебрежения в значениях:

1. Все прочие, все остальные.
2. Всякая всячина, разный сброд.
3. Смесь, мешанина» [Б-Ш, т. II, 509].

В современном английском языке заимствованный из итальянского языка фразеологизм *Tutti frutti* начинает употребляться в своем прямом, буквальном значении: 'Все разные фрукты'.

Ср. “tutti frutti. ice cream with very small pieces of mixed fruit and crushed nuts mixed in (мороженое с очень мелко нарезанными кусочками разных фруктов с добавлением мелко нарезанных орехов – пер. И.Н.)” [DCE, 1144].

Сравнивая частотность употребления итальянских выражений в русском языке прошлого века и в настоящий период его развития, можно заметить, что лишь в книжном стиле речи современного русского языка отмечаются случаи стилистического использования данных выражений. Ср.:

«И альманахи, и журналы,
Где поученья так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа».
(А.С. Пушкин. Евгений Онегин)

Эпиграф к шестой главе («Евгений Онегин»)

La sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole
(Petrarka).

Там, где дни облачны и кратки,

Родится племя, которому умирать не больно.

(Петрарка) (ит.)

Ср. «...мы почти с таким же восторгом хватались за все, что выходило из-под пера Баратынского, Языкова, Дельвига, г. Подолинской *tutti quanti*» (В. Белинский); «Впрочем он (издатель — *И.Н.*) принимался и за критику, и все с таким же успехом с каким брался за литическую поэзию, за драму, за роман, за повесть... и *tutti quanti*.» (В. Белинский); «...из-под пера его (автора — *И.Н.*) вышел бы прекрасный роман, потому что у Эжена Сю больше таланта, чем у гг. Бальзака, Дюма... и *tutti quanti* вместе взятых» (В. Белинский).

Ср. «Он ищет только спокойствия, и спокойствие ему могут дать только те люди ... которые рубят с плеча и душат все сплеча: Магницкий, Аракчеев и *tutti quanti*...» (Л. Толстой) и «Должна в нашем самосознании произойти коренная перестройка ценностей. Радищев, Пестель ... и *tutti quanti* ближе к Магницкому, Бекендорфу, Победоносцеву, чем к нам» (Новый мир, 1989).

С другой стороны, некоторые выражения итальянского происхождения приобретают второе дыхание в перенявшем их языке.

Так, итальянский фразеологизм *porto franco* вновь становится распространенным в современном русском языке: свободные экономические зоны, свободная торговля становятся реалиями сегодняшней жизни, и вместе с ними возвращаются и забытые термины.

Ср. использование этого выражения Екатериной Дашковой («Торговля очень оживленная вследствие *porto franco* и других благоприятных обстоятельств» [Е. Дашкова, 161] и современными публицистами («Франко всегда пишется с прописной, означает в экономике взаимовыгодную для всех

внешнеторговую операцию. Порт для «франко». Порт для сделки. Место сделки. И весь вопрос - какой сделки...») (Комс. правда).

В русском языке данный экономический термин, подчиняясь закону языковой экономии, сливается в слово. Напр.: «В Одессе *порто-франко* знают все, — напутствовал меня на тему коллега. — Каждый пацан, прогуливающий школу, заявит тебе, что *порто-франко* для одессита означает надежду выплыть» (Комс. правда).

В английском языке распространена и калька данного заимствованного фразеологизма. — *Free port*.

Второе рождение обрел в русском и английском языках и фразеологизм *lingua franca*, став столь распространенным в наши дни лингвистическим термином.

Ср. «Lingua franca [It. 'Frankish tongue']; a mixed language or jargon used in the Levant, consisting largely of Italian words without their inflexions. Also transf. any mixed jargon used for intercourse between people speaking different languages» [SOED, 1748]. Cf. 'English serves as a lingua franca in some parts of the world' [DCE, 610].

Не только лингвистика заимствовала итальянские выражения. Наиболее представительной сферой терминологии, в которой влияние итальянского языка признано одним из самых заметных, является музыкальная терминология. Именно в музыкальной терминологии многие итальянские термины в русском и английском языках приобретают широкое распространение как прямые заимствования: *bel canto* — *бель канто* < *бельканто*, *opera buffa* — *опера-буффа* (комическая опера), *opera semiseria* — *опера-семисериа* / *opera seria* — *опера-сериа* (серьезная опера) и др.

Как видно из вышеприведенных примеров, в результате ассимиляции в русском языке данные термины употребляются в транслитерированном виде, сливаясь в слово. В других случаях они сохраняют свою форму выражения. Например, такие заимствования, как *basso buffo*, *basso continuo*, *basso ostinato* и их транслитерированные эквиваленты (*бас остинато*, *бас континуо* и др.) [ЭМС].

Музыкальный термин *sotto voce* употребляется в русском литературном языке для обозначения: 1. Муз. Сдержанным тоном, приглушенно. 2. Перен. Вполголоса, шепотом. 3. Перен. Вполсилы.

В английском языке, выступая в роли прилагательного или наречия, этот термин так же обозначает 'вполголоса, приглушенно' и используется не только в книжном стиле речи, но и в разговорном языке. Ср. *Sotto voce*. adj. and adv. In an undertone, in a subdued voice: mid. С. 19–20 (Italian; lit; under voice) [Partr., 207].

Ср. «Они (придворные в дворцовой церкви — И.Н.) проводили время в разговорах *sotto voce* на предметы менее всего религиозного содержания» (А.Ф. Тютчева).

Ср. употребление выражения «а капелла» (ит. *a capella*) в современной периодике: «Двенадцатилетняя и необычная талантливая и сосредоточенная Марина Луковинова пела необычные стихи а капелла» (Комс. правда).

Названия известных опер итальянских авторов также становятся популярными выражениями в интернациональном фонде фразеологии многих языков мира. Например, начальные слова каватины Нормы из одноименной оперы Беллини (1801–1835) *Casta diva* известны в русском языке в своем иноязычном звучании. Ср. *Casta diva* (в переводе — непорочная дева) [Б-Ш, т.1, 198]. Опера Верди «*Сила судьбы*»

наоборот дарит русскому языку выражение в переводном варианте. Итальянское название *Forza del destino* не приобретает в языке широкой популярности.

Разнообразны способы проникновения итальянских выражений в русский и английский языки.

Так, из итальянского в русский и английский языки был заимствован и фразеологизм «*цель оправдывает средства*» — «*The end justifies the means*». Данное выражение восходит к итальянскому *Il fine giustifica i mezzi* (книга Николо Макиавелли «Государственная мысль») [Б-Ш, т.1, 601] и является девизом ордена иезуитов. А.В. Кунин приводит другие английские эквиваленты этого итальянского выражения: *choice of the end covers choice of the means (the end justifies the means* или *he who wills the end wills the means)* = *цель оправдывает средства* (девиз ордена иезуитов) [АРФС, т.1, 284].

Однако «Oxford Dictionary of English Proverbs» приводит другой источник данного выражения. Ср. *The end justifies the means*. [1650. Jesuit Hermann Busenbaum. *Medulla theol. Cum finis est licitus, etiam media sunt licita*] [ODEP, 220].

Другая средневековая поговорка попала как в английский язык, так и в русский через французский: *Все дороги ведут в Рим* — *Per pui rie si va. a Roma - Tous chemins mènent à Rome / Tous chemins vont à Rome*.

В некоторых случаях в русский и английский языки попадает выражение из итальянского языка, которое в свою очередь было скопировано с другого языка. По аналогии с немецким фразеологизмом *braunes Hemd (Braunhemd)* < «коричневорубашечник» в итальянском языке был создан оборот *samicia nera*, которому в английском языке соответствует фразеологизм *black shirt*, а в русском — слово

«чернорубашечник». Однако данные выражения менее употребительны, чем коррелятивные единицы, переведенные с немецкого языка.

Иногда в перенявшем языке появляется ложный аналог прототипа в языке-источнике. В русском языке выражение *Vedi Napoli e poi mori* пережило именно такую судьбу. Та же участь постигла данное выражение и в английском языке. Лишь написание слова *Mori* с прописной буквы (*mori*) полностью исказило смысл русского и английского выражений.

Ср. В английском языке распространено итальянское выражение *Vedere Napoli e poi mori* (It.) → see Naples, and (then) die [MWD, 828].

«Неаполь бесспорно красив. Но почему, повидавши его, надо умереть? Оказывается, итальянское выражение *vedere Napoli e poi mori* заимствовано с латинского *Videre Napoli et Mori*, т.е. «увидеть Неаполь и Мори» (живописная деревушка близ Неаполя). Но *mori* по-латыни означает также и 'умереть' — и вот на каком недоразумении выросла знаменитая поговорка!» (С. Займовский. Крылатое слово. Введение).

В русской и английской лексикографии зафиксированы и такие выражения итальянского происхождения, как, например:

Oggi o mai — в английском распространена и калька данного выражения *Now or never*, также как и в русском *Теперь или никогда*. Выражение принадлежит итальянскому патриоту-революционеру Дж. Маццини (1805–1872);

Buon giorno! — *Добрый день!*;

Se non è vero, è ben trovato — *Если это и не правда, то хорошо придумано*. В русский язык данное выражение попало через французский — *Si cela n'est vrai il est bien trouvé*.

В русской лексикографии в качестве источника выражения *строить воздушные замки* указывается комедия Н.И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818), которая способствовала распространению данного фразеологического оборота в России. Этот оборот, по мнению составителей «Опыта этимологического словаря русской фразеологии», восходит к французскому выражению *bâtir des châteaux en Espagne* [ОЭСРФ, 141].

Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина [А-А], полностью придерживаясь выше приведенной версии происхождения этого фразеологического оборота, указывают, что первоначально он был употреблен в одной из проповедей видного деятеля христианской морали церкви Августина (354–430). «Оксфордский словарь английских пословиц» подтверждает авторство Августина Сермо. Ср. *To build castles in the air* [Augustinuss Sermo 2.6.8 Subtracto fundamento in acre asdificare] [ODEP, 107]. «Словарь русско-английских крылатых слов» также указывает авторство Блаженного Августина [РАСКС, 191].

Однако, в английской лексикографии имеются данные, которые свидетельствуют о том, что источником данного выражения, наравне с французским выражением *bâtir /construire/ des châteaux en Espagne*, является и итальянский фразеологический оборот *castelli in aria*. Если французский оборот буквально переводится как «строить замки в Испании» (поэтому в английском языке утвердились три варианта данного выражения: *Castle in Spain* /букв. «замок в Испании»/ *Castles in Spain* /букв. «замки в Испании»/ и *Castle(s) in the air* /букв. «замк(и) в воздухе» = «воздушные замки»), то именно итальянский прототип *castelli in aria* переводится как *замки в воздухе*.

Вероятно, именно это выражение послужило источником для возникновения русского фразеологизма *воздушные замки*. Интересно, что и в английском языке, синонимичные выражения *castle (castles) in Spain* употребляются гораздо реже, чем их эквивалент *castle(s) in the air* — *воздушные замки*.

Большинство выражений из итальянского были заимствованы русским языком, как и английским, через французский язык. Можно предположить, что источником данного выражения послужил латинизм, принадлежащий Августину, упоминавшему о «строительстве в воздухе». Затем итальянский язык, скалькировав данное изречение, вновь его популяризует. После событий XI века данное высказывание обретает в Испании новое рождение уже во французском облиции. Именно из французского языка оно попадает во многие западноевропейские языки.

Ср. «Castle in Spain», «castles in Spain», «castle(s) in the open air». Imaginings; a rosy dream of future wealth and happiness: semi-proverbial; but in C. 19–20 clichés. Originals: *châteaux en Espagne and the Italian castelli in aria* (Benham). Often *build castles in the air* (rarely *Spain*) [Partr., 42]. В Shorter Oxford English Dictionary в качестве основного выражения приведена фразеологическая единица *castles in the air* (*воздушные замки*). Подчеркивается, что редко встречается оборот *Castles in Spain* / *замки в Испании*. Французское происхождение приписывается лишь выражению *castle in Spain* — *замок в Испании*. Ср. Phrase. *Castle in the air*, visionary project, daydream, idle fancy. Occ. *castle in Spain* [= F. *châteaux en*] is found; also *castle alone* [SOED, 273].

Интересно отметить, что как в русском языке, так и в английском закрепляется именно выражение «воздушные замки».

Судьба данного фразеологизма подтверждает, что конвергенция языков мира находит свое отражение в отдельных фрагментах своего красочного лингвистического калейдоскопа. Исторические вехи, распутывающие клубки этимологических нитей, показывают размеренный шаг человечества к постижению окружающего его мира. Находя как свои неповторимые метафоры, так и обмениваясь удачными образами, народы мира создают общее богатство — интернациональный фонд слов и выражений. В полифонии всех языков мира, несомненно, выделяется и бельканто итальянского происхождения.

Литература

1. SOED — The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. — 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1967.
2. Partr. — Partridge, E. A Dictionary of Catch Phrases // British and American from the Sixteenth Century to the Present Day. — 2nd ed. London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
3. Б-Ш — Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. — В 2-х т. — 2-е. изд. — М.; Л.: Наука, 1981.
4. ОЭСРФ — Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М.: Русский язык, 1987.
5. ODO — The Oxford Dictionary of Quotations. — 3d ed. London: Oxford University Press, 1978.
6. РАССК — Уолш И.А, Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. — М.: Русский язык, 1988.

7. АРФС — Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. — В 2-х кн. — 3-е изд., испр. — М.: Совет. энциклопедия, 1967.
8. DCE — Longman Dictionary of Contemporary English. — Berlin and München: GmbH & Co, 1987.
9. Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. — М.: Правда, 1990.
10. ЭМС — Энциклопедический музыкальный словарь / Отв. ред. Г.В. Келдыш. — М.: ГНИ БСЭ, 1959.
11. ODEP — The Oxford Dictionary of English Proverbs / Compiled by W. G. Smith. — 2nd ed. — Oxford: Clarendon Press, 1948.
12. MWD — Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. — Springfield: Merriam CO., 1975.
13. Займ. — Займовский С.Г. Крылатое слово: Справочник. Цитаты и афоризмы. — М.; Л.: ГИЗ, 1930.
14. А-А — Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. — М.: Худож. лит., 1969.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹²

Известно широкое распространение в русском языке немецких слов и фраз в Петровскую эпоху. «На почве увлечения варваризмами развиваются новые формы "европейской" фразеологии. Например, *на голову побить неприятеля* — *aufs Haupt schlagen*; *выиграть битву, баталию* — *dem Feind eine Schlacht abgewinnen*; *таки пришел в себя* — *er ist wieder zu sich gekommen*» [1: 67].

Несмотря на двуязычие российского дворянства и в XIX веке, которое наравне с французским владело и немецким языком, на прекрасное знание немецкого чиновников и ремесленников, купцов и помещиков, влияние и вклад немецкого в русскую фразеологию оказался гораздо беднее, чем французского языка.

Таким же значительным оказалось обогащение английского языка фразеологизмами немецкого происхождения. В «Англо-русском фразеологическом словаре» А.В. Кунина зафиксированы следующие фразеологизмы, восходящие к своему немецкому этимону: *God's Acre* > *der Gottesacker* [2: 29]; *The bath of blood* > *Blutbad* [ibid: 67]; *Blood and iron* > *Blut und Eisen* [ibid: 90]; *A bolt from (out of) the blue* > *ein Blitz aus heiterem Himmel* [ibid: 95]; *Brown shirt* >

¹² Фразеологизмы немецкого происхождения в русском и немецком языках. — В кн.: Лингвистика в начале XXI века: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию проф. Л.И. Ройзензона. /Отв. ред проф. Е.А. Малиновский. — Самарканд, СамГУ, 2001, С. 103-108.

Braunhemd [ibid: 677]; *Burning question* > *brennende Frage* [ibid: 614]; *Iron curtain* > *eiserner Vorhang* [ibid: 191]; *Iron ration* > *die eiserne Ration* [ibid: 620]; *Power politics* > *Machtpolitik* [ibid: 595]; *A thing in itself* > *das Ding an sich* [ibid: 755]; *Twilight sleep* > *Dämmer Schlaf* [ibid: 697]; *Swan song* > *Schwanengesang* [ibid: 703]; *Storm and stress* > *Sturm und Drang* [ibid: 727]; *Psychological moment* > *das psychologische Moment* [ibid: 511]; *The eternal feminine* > *das Ewigweibliche* [ibid: 270]; (*Italy is a geographic expression* – И.Н.)– *Geographic expression* > *Italien ist ein geographischer Begriff* [ibid: 249]; *Live and let live* > *Leben und Leben lassen* [ibid: 466]; *The Black Death* > *der schwarze Tod* [ibid: 205].

В данный список вошли все зафиксированные в словаре фразеологизмы, имеющие, по мнению автора, немецкую этимологию. Однако многие из вышеприведенных фразеологизмов, по свидетельству авторитетнейших лексикографических источников Англии и Америки, не являются английскими фразеологизмами немецкого происхождения.

Так, в "Shorter Oxford English Dictionary" [3] нет указаний на существование немецкого этимона у следующих выражений: *bath of blood*, *a bolt from the blue*, *swan song*, *Psychological moment*, *live and let live*, *Power politics*, *the Black Death*.

Например, фразеологизм "*swan song*" и его коррелятивное выражение в русском языке "*лебединая песня*" восходят к греческому языку > *Κύκνειο ᾠον*.

Ряд вышеприведенных фразеологизмов английского языка был заимствован первоначально из французского языка (Ср. *Éternel féminin* > *L'éternel féminin* > *Das Ewigweibliche*; *Places in the Suns* > *la place au soleil* > *Platz an der Sonne*),

нередко расходясь и в своем семантическом объеме со своим прототипом в немецком языке (Ср. *Psychological moment* > F. *Moment psychologique*) [3: 1612].

Определение типологии соотношения русских и английских фразеологизмов, совпадающих по тем или иным лингвистическим параметрам, обязательно должно сопровождаться установлением генетических истоков данных единиц, способов их проникновения в рассматриваемые фразеологические системы.

Так, в ряде случаев наблюдается независимая деривация параллельных фразеологизмов в русском и английском языках. Несмотря на полное структурно-семантическое совпадение некоторых оборотов русского и английского языков, вследствие их независимого происхождения данные фразеологические обороты нельзя отнести к фразеологизмам немецкого происхождения в обоих языках.

Например, если выражение "*ходячая энциклопедия*" в русском языке является калькой с немецкого, то английское выражение *walking encyclopaedia* не является переводом немецкого фразеологизма, получившего распространение в русском языке благодаря Э.Г. Гофману, употребившему его в "Выборе невесты" в 1820 г.

В английском языке с 1605 года известны выражения "*ходячий словарь*", "*ходячая энциклопедия*", "*ходячая библиотека*". Ср.: That goes about in the semblance of human being. Often in figurative or simulative expressions (walking corpse, dictionary, encyclopaedia, library) [3: 1360].

По мнению авторов "Русско-английского словаря крылатых слов" [4: 208], Дж. Чэпмэн употребил данное выражение намного раньше, чем Гофман (George Chapman "Tears of Peace"). Партридж относит появление клише

"ходячая энциклопедия" к 19–20 векам, хотя по его данным появление выражения "*walking library*" относится к 1691 году [5: 243].

Генетические источники деривации ряда коррелятивных фразеологизмов в русском и английском языках в некоторых случаях совпадают, но способы их заимствования различны. Если в русском языке немецкий выступает в роли языка-посредника вторичного заимствования, то в английском языке им остается исходный генетический этимон.

Например, и в русском, и в английском языках распространено выражение "*порядок дня / повестка дня*" — *The order of the day*, которое восходит к своему первоисточнику — французскому выражению *L'ordre du jour*. Ср. раскрытие значения и объяснение этимологии данного выражения в английском языке: Order of the day (= F. l'ordre du jour). A. In a legislative body the business set down for details on a particular day; B. Specific commands or notices issued by the commanding officer to his troops.; C. *colloq.* The prevailing rule or custom of the times [3: 1382]. Именно в таком же объеме значений была перенесена на русскую языковую почву и калька "*порядок дня*": 1. "распорядок дня / порядок дня": нечто обычное; 2. быть в порядке вещей для данного времени. Лишь второе специальное значение английского фразеологизма, распространенного и офицерской среде — "особые распоряжения и команды руководящего состава армии для воинских подразделений", не было столь известно в русском языке, как в английском.

Впоследствии данный фразеологизм повторно заимствуется в виде кальки из немецкого языка, но уже в значении '*повестка дня*'. Так, если вначале в русском языке появилась фразеологическая калька с французского "*порядок дня*" > "*L'ordre du jour*" (как и в английском), то позже [6: 3]

появилось выражение "*порядок дня*", которое повторно было скалькировано В.И. Лениным с немецкого языка > *Tagesordnung*. Он впервые употребил данное выражение в «Неподанном заявлении» (29 октября 1903 г.).

Именно с этого времени данное устойчивое словосочетание начинает использоваться в значении "повестка дня". (Ср. an der Tagesordnung / Tagesordnung – 1. стоять на повестке дня, быть обычным явлением, (быть явлением), быть в порядке вещей [7: 558].

Однако, немецкое выражение восходит именно к французскому языку. Так, заимствуя в немецком языке дополнительное значение, фразеологическая калька "*порядок дня*", а впоследствии "*повестка дня*" в обоих случаях восходит к французскому языку, несмотря на то, что выражение "*повестка дня*" попадает в русский язык через язык-посредник (немецкий).

В.В. Колосов в своей работе "Язык города" подтверждает данное предположение: «В современном русском языке много терминов и формулировок, заимствованных из немецкого языка и переработанных в русской публицистике. О словах таких мы уже говорили, идиомы также хорошо известны: в *общем и целом, целиком и полностью* из немецкого оборота *im grossen und ganzen* легко уживаются со славянизмами типа *на злобу дня* при кальке французского выражения *вопрос* (или *порядок*) *дня*, откуда и заимствованная из немецкого языка *повестка дня* и т.д.»[8: 123].

Аналогичны и пути, приведшие фразеологическую кальку "*Мир хижинам! Война дворцам*" в русский язык. В английском языке есть коррелятивная единица "*Peace to cottages! War on palaces*", которая, так же как и русский фразеологический оборот, восходит к французскому изречению, приписываемому Шамфору > *Guerre aux châteaux! Paix*

aux chaumières. Следовательно, совпадая в своих основных лингвистических характеристиках, имея одинаковое происхождение, данные фразеологизмы русского и английского языков можно отнести к интернациональному фонду фразеологии.

Но в русской лексикографии имеются данные, которые свидетельствуют о том, что в 1834 году немецкий революционный демократ Георг Бюхнер вновь воскресил лозунг Шамфора, поставив его эпиграфом к своему знаменитому воззванию "Гессингский депутат" („Friede den Hütten! Krieg den Palästen!“ – *И.Н.*). [9: 379-380]. В наши дни это выражение, которое все же относится к фразеологизмам французского происхождения, а не немецкого, вновь получает широкое распространение в языке.

Рассмотренные примеры показывают, что иногда интернациональная фразеология и русского, и английского языков получает свое второе рождение именно в немецком языке. Однако нельзя считать, что данные фразеологизмы являются фразеологическими оборотами немецкого происхождения, так как языком-первоисточником данных выражений остается тот язык, который подарил миру эквивалентные фразеологизмы. Немецкий язык в подобных случаях выполняет лишь роль языка-посредника, способствующего дополнительной популяризации известных всему миру фраз.

Известна склонность немецкого языка к образованию сложных слов. В ряде случаев сложное слово в немецком языке (Ср.: Tagesordnung, Mehrwert) при калькировании в русском и английском языках дает фразеологизмы ("*порядок дня*", "*прибавочная стоимость*" — "*order of the day*", "*surplus value*").

Иногда немецкий фразеологический оборот при переводе на русский язык преобразуется в перенявшем его языке в сложное слово, как, например, *braunes Hemd* > *коричневорубашечник*, ср. в английском появляется сверхсловное образование *Brown shirt* (> *Brownshirt*). В немецком языке впоследствии данный оборот также стягивается в сложное слово *Braunhemd*. Аналогичное преобразование происходит и при переводе немецкого выражения *das Ding an sich* на английский. В результате перевода в английском языке появляется вначале также фразеологический оборот, который, ассимилировавшись прочно в языке, позже сливается в сложное слово. Как известно, процесс универбации характеризует на данном этапе многие современные языки.

Распространение фразеологических интернационализмов определяется прежде всего общим культурно-историческим развитием человечества, постоянным взаимовлиянием и взаимообогащением языков и культур. Среди английских и русских фразеологических оборотов немецкого происхождения, относящихся к интернациональной фразеологии, можно выделить следующие выражения, которые в ряде случаев употребляются и как прямые заимствования, цитируясь на немецком языке, представляя собой выдержки из немецкой классики. Материально заимствованная интернациональная фразеология представляет собой наивысшую степень идентичности рассматриваемых оборотов в данных языковых системах. Однако тенденция преобразования прямых заимствований в кальки постепенно уменьшает состав абсолютно идентичных фразеологизмов, функционирующих в русском и в английском языках.

Например, *Белокурая бестия* (цит. по нем.) & *G. Die blonde Bestie* = *Blond beast* & *G. Die blonde Bestie*, *Бронированный кулак* = *the mailed fist* – *G. gepanzerte Faust*; *Буря и натиск* (цит. по нем.) & *G. Sturm und Drang* = *Storm and stress* & *G. Sturm und Drang*; *Вещь в себе* = *A thing in itself* → *G. Das Ding an sich / Das Ding für uns*; *кровью и железом* = *Blood and Iron* → *G. Blut und Eisen*, etc.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982.
2. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984.
3. *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles.* 3rd ed – Oxford: OUP, 1967.
4. *Уолли И.А., Берков В.П.* Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Русский язык, 1988.
5. *Partridge E.* A Dictionary of Clichés. – London: Routledge & Sons LTD, 1941.
6. Опыт этимологического словаря русской фразеологии /Сост. Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – М.: Русский язык, 1987.
7. *Бинович Л.Э., Гришин Н.Н.* Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1975.
8. *Колесов В.В.* Язык города – М.: Высшая школа, 1991.
9. *Ашукин Н.С, Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Правда, 1986.

Часть II

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

РАЗДЕЛ 1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О ПОНЯТИИ «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАЛЬКА» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (80-е гг. XIX века — 80-е гг. XX века)

Яркая, самобытная фразеология русского языка, оказывая сильное воздействие на становление современной фразеологии многих языков мира, в свою очередь на всех этапах своего развития испытывала иноязычное влияние. Таким образом, увеличение фразеологического фонда русского языка, появления в нем фразеологических инноваций базируется как на наличном строительном материале, так и на заимствовании иноязычных элементов.

Такие экстралингвистические факторы, как политические, культурно-исторические, языковые контакты, являлись всегда источником взаимного обогащения словарного состава как родственных, так и неродственных языков.

Как известно, переводческий контакт служит одним из основных импульсов для появления в языке как лексических, так и фразеологических калек, поскольку калька является следствием перевода.

По мнению Ш. Балли, *калька призвана дать новый толчок лексикологическим исследованиям* (Балли 1961: 71).

Важность детального и всестороннего изучения калек и калькирования очевидна и не требует того, чтобы в его защиту произносились длинные речи или писались специальные трактаты... (Ефремов 1974: 18).

В данной статье делается попытка диахронического изучения становления понятия *фразеологическая калка* в славянском и зарубежном языкознании в период, охватывающий столетие: 80-е гг. XIX века. - 80-е гг. XX века¹³.

Актуальность исследования процесса и результатов фразеологического калькирования обусловлена в первую очередь необходимостью выявления сущности и отличительных признаков данного лингвистического явления. Четкое представление о понятии *фразеологическая калка* позволит выделить фактологический материал в словарном запасе русского языка и определить язык-источник каждого конкретного «подражания», следа иноязычного влияния.

По мнению некоторых исследователей, термин *калька* (от франц. *calque* – копия на прозрачном листе, подражание) получил распространение в русском языке приблизительно на рубеже XIX – XX вв.

К этому периоду накопился значительный словарный материал, отражающий результаты контактирования как родственных, так и неродственных языков; четче вырисо-

¹³ Данная статья была написана автором 30 лет назад, но впервые предлагается широкому кругу читателей. По мнению автора, фразеологическое калькирование по-прежнему остается одной из самых актуальных проблем в современном языкознании, так как в 21 веке в русском языке каждый день возникают лексические и фразеологические клоны, подделки (ср. с фейками, репликами, репродукциями) — одним словом, подражания, копии, переводные слепки, калки оригиналов — первоисточников иноязычного происхождения, чаще всего из американской действительности.

вывалась необходимость постановки проблем словарного обогащения языков, требующих теоретического осмысления.

Ср.: *Из других элементов русской литературно-языковой системы в последней трети XIX и в первом пятнадцатилетии XX века заметно подвинулось вперед изучение литературного словаря в его развитии. <...> В области исторической лексикологии больше всего оживления вызвал вопрос о заимствованных словах в русском языке* (Виноградов 1978: 324-325).

Для работ, появившихся в это время как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, характерно рассмотрение фактов калькирования как одного из видов лексического заимствования, ставшего впоследствии «традиционным» (отсюда терминологическая неупорядоченность, наблюдаемая в наше время не только в отдельных статьях, исследованиях, но и в учебных пособиях) (Шахрай 1961: 53-58; Иванова 1977: 3).

В то время ученые еще были далеки от мысли, что калькирование, само по себе представляя исключительный интерес для науки о языке, заслуживает специального, а не попутного изучения, и его нельзя «пристегнуть» также к такой крупной проблеме, как лексическое заимствование (Ефремов 1974: 1).

Примечателен тот факт, что почти одновременно (в 1886 году) появляются исследования С. Булича и Е.Ф. Карского, которые явились основой для формирования впоследствии двух наиболее распространенных точек зрения о кальках в языкознании. С. Булич в своей работе *Заимствованные слова и их значение для развития языка* рассматривает кальку как перенесение чужой внутренней формы (того, что немцы

называют *Wortform*), о заимствовании скорее идейного характера, а не материального (Булич 1886: 360).

Эта дефиниция *кальки* (С. Булич еще не употребляет этот термин, рассматривая калькирование как вид заимствования) получает свою дальнейшую конкретизацию в работах Л.А. Булаховского (*кальки – новые слова, с внутренней формой по образцу иностранных*) (Булаховский 1952: 53); Н.Н. Лопатянской; Н.А. Мовшович (*посредством калькирования воспроизводят «внутреннюю форму» и значение иностранного слова языковыми средствами заимствующего языка*) (Лопатянская, Мовшович 1958: 101); Л. Андрейгина, Н. Костова, Е. Николаева (*особый вид заимствования из чужих языков получается, когда сохраняется внутренняя форма слов чужого языка, но чужие словообразовательные элементы заменяются болгарскими*) (Андрейгин, Костов, Николаев 1960: 124); Б. Унбегауна (*заимствование внутренней формы*) (Unbegaun 1932: 19-48) и других исследователей.

Данный взгляд на *кальку* как на вид смыслового, семантического заимствования, но не материального, так как она образуется на базе своего исконного строительного материала, нашел многих последователей в разные периоды изучения основных способов пополнения словарного состава языка.

Интересно отметить, что в своей работе С. Булич отмечает и «буквальные переводы или перенесение *чужих оборотов, целых фраз или ходячих формул*» (курсив – И.Н.) (Булич 1886: 360), подразумевая под этим калькирование фразеологических оборотов.

В том же году Е.Ф. Карский рассматривает калькирование как заимствование морфологической структуры, словообразовательной. По его мнению, *калька – это буквальный перевод, составленный по чужому образцу: любомудрие,*

священнослужитель, провидение, благословлять (Карский 1886: 3).

Его точку зрения впоследствии разделяют такие исследователи, как В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, А.А. Реформатский, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман, Л.И. Баранникова, Р.М. Муллина, Б.Н. Головин и др.

Сторонником поморфемного принципа построения кальки был В.В. Виноградов, который, рассматривая кальку как точную съемку морфемы за морфемой, прямой перевод (Виноградов 1940: 3; 1955: 200), создал базу для изучения словообразовательных калек.

Однако исследователи этого вопроса, дополняя и развивая взгляд В.В. Виноградова, подчеркивают, что «кальки не всегда представляют собой *точную съемку морфемы за морфемой*. Это объясняется тем, что всякая калька как новообразование формируется по законам словообразования и словосочетания того языка, в котором она создается» (Хегай 1964: 300).

Таким образом, работы С. Булича и Е.Ф. Карского послужили толчком для дальнейшего теоретического осмысления понятий, получивших названия *семантической кальки* и *словообразовательной кальки*. Свое дальнейшее обоснование данные термины приобрели в работах немецких лингвистов, которые наиболее плодотворно занимались исследованием проблем заимствования, в то время еще включавших в себя и калькирование (ср. *semantic loan*). В 1903 году С. Зингер (Singer 1902: 220-238; 1903: 125-132) уже выделяет словообразовательные и семантические кальки. Особенно примечателен, на наш взгляд, тот факт, что К. Сандфельд наряду с вышеупомянутыми видами калек выделяет в самостоятельный разряд фразеологические кальки (Sandfeld –

Jensen 1912: 166–173). Как подчеркивает К. Флекенштейн, эта классификация стала наиболее принятой. В. Бец объединяет семантические и фразеологические кальки в одну группу.

Лишь спустя полвека появились работы Н.М. Шанского, которые с полным основанием можно назвать первой научной разработкой проблемы калькирования. Если ранее и рассматривались некоторые аспекты общетеоретических проблем калькирования, то лишь в качестве особого вида лексического заимствования. Н.М. Шанский первый в истории отечественного языкознания на строго последовательной научной основе отграничивает и противопоставляет два основных способа обогащения словарного состава языка: прямое заимствование и калькирование. Это и позволяет выделить и объединить вопросы калькирования (как лексического, так и фразеологического) в самостоятельную проблему, которая в дальнейшем разрабатывается такими советскими лингвистами, как Л.П. Ефремов, К. Флекенштейн, М. Хегай, Л.А. Пономаренко и другими учеными.

Говоря об использовании иноязычных элементов в лексике русского языка, Н.М. Шанский подчеркивает, *что могут заимствоваться слова и выражения как целые, т.е. реальные номинативные единицы, звуковые комплексы с определенными значениями, так и лишь их отдельные элементы (структура, значение). В связи с этим среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой такие, которые возникли в результате калькирования* (Шанский 1955: 28).

В работе Н.М. Шанского получают строго научное обоснование и виды лексических калек: словообразовательные

и семантические. Нельзя не отметить необоснованности замечания Л.П. Ефремова относительно приведенного в статье *Лексические и фразеологические кальки в русском языке* утверждения, что *словообразовательные кальки состоят только из исконного материала*. По мнению этого ученого, это исключает возможность применения по иноязычному образцу некогда заимствованной лексики. Но, как известно, в понятие *исконно русская лексика* Н.М. Шанский включает и слова, появившиеся в нашей речи на базе заимствованных основ и корней или целых слов (Шанский 1972: 71).

М.А. Хегай также находит принципиальное различие между кальками и заимствованиями именно в том, что *кальки, как правило, всегда должны создаваться из своих языковых ресурсов, которые могут содержать не только родные, но и освоенные иноязычные средства* (Хегай 1964: 299).

Рассматривая фразеологические обороты современного русского литературного языка с точки зрения их происхождения, Н.М. Шанский выделяет 4 группы, которые включают в свой состав фразеологические кальки и полукальки наряду с заимствованными фразеологическими оборотами и исконно русскими выражениями. Под фразеологической калькой он подразумевает *фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т.е. пословного перевода иноязычного оборота (struggle for life – борьба за существование)* (Шанский 1972: 239).

В свою очередь фразеологические кальки различаются *точные и неточные* в силу своеобразия лексико-грамматических норм русского языка и того языка, с которого калькируется фразеологический оборот. Анализ калек и полукалек иноязычных фразеологизмов позволяет исследователю установить соотношение между степенью семанти-

ческой слитности фразеологических оборотов и способностью его калькироваться. Н.М. Шанский устанавливает и основные источники фразеологических калек в русском языке.

Наряду с теоретической разработкой вопросов калькирования ученый внес значительный вклад и в собирание фактического материала. В 1979 году журнал *Русский язык в школе* публикует первый выпуск *Краткого этимологического словаря русской фразеологии* (Шанский, Зимин, Филиппов 1979,1980).

В 60-е годы появляется ряд исследований, изучающих вопросы лексического калькирования (попутно затрагивая и фразеологическое калькирование). К их числу относятся работы Л.П. Ефремова. Название его статьи, изданной в 1960 году, *Калькирование и его отличие от заимствования* свидетельствует о разграничении и сопоставлении автором этих двух процессов. Исследуя проблематику определения калькирования, его специфических черт, словообразовательного калькирования, калькирования как одну из причин возникновения лексической омонимии, лексических полукалек, калькирования близкородственных языков, Л.П. Ефремов разрабатывает основы теории лексического калькирования. Вопросы сопоставления лексических и фразеологических калек остаются неразрешенными в его работах, так как сами по себе фразеологические кальки не являлись объектом его научных изысканий.

По мнению ученого, *в зависимости от того, каким способом осуществляется калькирование (представляет ли оно словообразование, новое применение старого слова или создание фразеологической единицы) и, следовательно, оттого, что им порождается (слово, новое значение прежнего слова, фразеологизм), различают словообразовательное,*

семантическое и фразеологическое калькирование <...> фразеологическое калькирование понимается то более узко, то более широко, в чем сказываются различия во взглядах исследователей на предмет фразеологии (Ефремов 1974: 6).

Упомянутый лингвист принимает во внимание способ осуществления калькирования, а не его объект, разграничивая лексические и фразеологические кальки в зависимости от того, какие единицы (слово или словосочетание) получают в результате перевода.

Если Л.П. Ефремов не считает изучение калек в конкретном языке первостепенной задачей, стоящей перед исследователем – теоретиком, то К. Флекенштейн в своей работе *Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке* наряду с теоретическим обоснованием вопросов калькирования приводит богатый фактический материал. В данном исследовании рассматриваются и фразеологические кальки. Примечательно, что автор данной работы обращает внимание на наличие во всех европейских языках общих фразеологических калек (например, *водить кого-то за нос*, нем. *jemanden an der Nase herumführen*, франц. *mener quelqu' un par le bout du nez*, англ. *to lead a person by the nose*).

На наш взгляд, это утверждение звучит слишком категорично, так как не исключена возможность, что *перед нами фразеологические параллели, которые в конкретном языке являются исконными фразеологическими оборотами (в силу возможности одного и того же образа, положенного в основу названия, у самостоятельных выражений одного и того же значения в разных языках)* (Шанский 1972: 227). Несомненно, что именно структурно-типологическое изучение фразеологии в дальнейшем вносит значительный вклад в

исследование так называемой межъязыковой фразеологической синонимии (см., напр., Наумова 1980, 1982, 2008).

В своей работе *К понятию кальки* М.А. Хегай утверждает, что для всякой кальки наиболее существенным является наличие определенного значения, воспринятого от калькируемого слова или выражения путем перевода лексических компонентов последних (Хегай 1964: 296). Исходя из положения, что формирование кальки происходит по законам родного языка, в своем исследовании М.А. Хегай делает вывод, что при калькировании совершенно не обязательна точная съемка структуры чужих слов.

В противовес мнению Л.П. Ефимова, принимающего во внимание не объект фразеологического калькирования, а сам способ его оформления (слово или словосочетание), исследователь полагает, что *калькируемое выражение должно состоять из двух или более слов. Например: разбить на голову – немецк. aufs Haupt schlagen*. В основу разграничения фразеологической кальки и свободного словосочетания при их внешнем совпадении кладется понятие фразеологической кальки как инновации, новообразования, которое вносит новое понятие в язык.

И.И. Чернышова дополняет это определение, утверждая: *Там, где фразеологизм возникает как языковая единица, обозначающая новый предмет материальной действительности, он, как правило, является экспрессивным, эмоциональным синонимом по отношению к лексической единице, которая в этом случае служит целям чистой номинации* (Чернышова 1967: 46).

В отличие от вышеупомянутых лингвистов Л.А. Пономаренко рассматривает кальки как своеобразную группу заимствований. В работах Л.А. Пономаренко основное внимание

уделяется изучению источников происхождения английских фразеологических калек (с французского, немецкого, русского языков). В исследовании *Роль русского языка в развитии английской лексики и фразеологии* затрагиваются и вопросы калькирования с русского языка на английский. Принимая во внимание, что *в разных языках различные способы словосложения и словообразования*, по мнению лингвиста, это является причиной того, что структура прототипа отличается от структуры кальки (Пономаренко 1968: 23).

Некоторые исследователи в 70-е годы по-прежнему не склонны были замечать несомненной перспективности изучения калькирования как самостоятельной проблемы, включая его в особую категорию заимствования.

По мнению Р. Будагова, *Кальки – это особый вид заимствований. Это слова, формирующиеся по образцу структуры соответствующих иноязычных слов, но не заимствующие их материальной основы* (Будагов 1953: 89). Л.П. Крысин в работе *Иноязычные слова в современном русском языке* выделяет вид синтаксического заимствования, при котором на конструирование фраз оказывают влияние иноязычные синтаксические конструкции, подобно тому воздействию, которое оказывают, по мнению ученого, английские газетные клише на заголовки современной русской прессы. По его определению, калькирование (*появление в слове значения «под давлением» иностранного образца*) (Крысин 1968:19) – это вид семантического заимствования (по аналогии с семантическими заимствованиями *semantic loans* Э. Рихтера).

Р. Муллина, рассматривая калькирование как одну из центральных проблем перевода, вносит его в разряд заимствования. В своей статье *К вопросу о русских и интернациональных заимствованиях путем калькирования в*

казахском языке она выделяет слова и выражения, представляющие как бы точные снимки с иноязычных слов, полученные путем перевода каждой значащей части иноязычного слова соответствующей значащей частью, имеющейся в русском языке (Муллина 1955: 135).

Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман также считают кальку особой формой заимствования путем дословного перевода (Левицкая, Фитерман 1963: 20). С.П. Погорский выделяет разряд заимствованных слов, образованных посредством калькирования. Наряду с просто заимствованными словами И.В. Арнольд различает и переводные или семантические заимствования (Арнольд 1973: 250). А.Г. Назарян, Л.И. Баранникова, А.В. Калинин, Б.Н. Головин, Ю.С. Маслов рассматривали кальки как вид заимствования.

Интересно отметить, что известный испанский лексикограф Х. Касарес в своей работе *Введение в современную лексикографию*, говоря о расширении словаря лексики, отмечает, что в большинстве случаев пополнение происходило за счет заимствования и калькирования (Касарес 1958: 28-30). Как видно из вышеприведенного высказывания, ученый рассматривает калькирование и заимствование как два самостоятельных способа обогащения словарного состава языка. Однако сами вопросы калькирования в работе не получают освещения.

Наряду с такими проблемами, как дефиниция кальки, классификация калек, в центре внимания исследователей всегда было изучение способов выделения кальки, так как это один из самых сложных вопросов.

В качестве критериев для выделения слова как кальки К. Флекенштейн предлагает следующие исходные данные:

1. Структуру слова и вопроса, насколько эта структура

соответствует языковой системе; 2. Семантику слова и вопрос, поскольку значение целого вытекает из значения составляющих его элементов; принадлежность слова к определенному стилистическому слою (как правило, кальки отличаются некоторой книжностью, в разговорном языке они встречаются редко); 3. Время возникновения слова; 4. Сферу возникновения слова и источник, в котором оно впервые отражено (Флекенштейн 1963: 9).

Как было указано выше, М.А. Хегай считает основным критерием выделения кальки ее новообразовательную роль. Как справедливо отмечает Н.М. Шанский, для отнесения того или иного оборота к калькам необходимо иметь вполне определенные данные, это подтверждающие. Одного структурного или семантического совпадения своих слов или оборотов с иноязычными для этого недостаточно (Шанский 1955: 35).

В 1982 году автор данной статьи в своей диссертации *Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики)* под фразеологической калькой рассматривает устойчивые словесные блоки, возникшие в языке в результате пословного перевода иноязычного прототипа и характеризующиеся различной степенью воспроизводимости в перенявшей их языковой среде (Наумова 1980).

В качестве рабочего инструментария выявления фразеологических калек английского происхождения в данном исследовании вычленяются следующие дифференциальные признаки как собственно лингвистического характера, так и экстралингвистического характера:

— Структурно-семантический аналог в английском языке исконно английского происхождения;

— Документальное подтверждение возникновения предполагаемой модели-прототипа русской фразеологической кальки в английской языковой системе, в отдельных случаях — зафиксированное свидетельство, устанавливающее автора данного выражения и время его появления в языке-источнике (в лексикографических источниках, исторических материалах, специальной области знания, являющейся первоначальной сферой функционирования рассматриваемой фразеологической единицы);

— Смысловая соотнесенность анализируемой единицы с действительностью Англии, Америки (историзмы, наименования реалий указанных государств, обладающие ясной мотивировкой и раскрывающие в определенной степени национальный колорит, специфические особенности культуры данных стран);

— Одновременное функционирование прямого заимствованного выражения из английского языка и его пословного перевода, служащего одним из способов раскрытия содержания незнакомого иноязычного оборота;

— Частные формальные признаки, фиксируемые в отдельных случаях введение в речь фразеологических калек: кавычки (учитывая переносный характер значения большинства употребляемых в языке переводных фразеологических оборотов с английского), вводные фразы — как говорят в Англии (Америке), как принято здесь (в Англии, Америке) называть, так называемые и т.п.

— Наличие в составе фразеологической полукальки транслитерированной заимствованной лексической единицы (с учетом зафиксированного свидетельства о возникновении данного выражения в английском языке: в силу возможности образования подобных выражений на русской почве по

определенной, устоявшейся в языке модели или с использованием укоренившегося в языковой системе прямого лексического заимствования).

Понимая известную недостаточность выдвигаемых признаков вычленения фразеологических калек английского происхождения, мы считали возможным принять их в качестве рабочего варианта.

Состояние изученности вопросов калькирования в славянском и зарубежном языкознании в рассматриваемый исторический период (80-е гг. XIX века. - 80-е гг. XX века) свидетельствует о том факте, что *калькирование относительно недавно стало предметом научного изучения* (Ефремов 1961: 49).

Если в работах, появившихся в 60 - 80-е годы XX века в отечественном языкознании и делаются попытки объединить вопросы лексического калькирования в самостоятельную проблему, противопоставляя процессы лексического заимствования и калькирования; то о фразеологических кальках по-прежнему упоминается вскользь, о чем свидетельствует и тот факт, что вопросы фразеологического калькирования в рассматриваемый исторический период не были предметом специальных лингвистических исследований.

Следовательно, проблеме изучения фразеологических калек в конкретных языках должны быть посвящены работы, в которых будет собран не только богатый фактический материал, но и дана всесторонняя научная трактовка многогранного лингвистического явления, каким является фразеологическое калькирование. *Проблема калькирования может и должна оформиться в цельное учение, которое с полным правом займет подобающее место в теоретическом языкознании* (Ефремов 1974: 18).

Литература

1. Андрейгин Л., Костов Н., Николаев Е., 1960, *Български език за институти за начални учители*, София.
2. Арнольд И.В., 1973, *Лексикология современного английского языка*, Москва.
3. Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва.
4. Будагов Р., 1953, *Очерки по языкознанию*, Москва.
5. Булаховский Л.А., 1952, *Курс русского литературного языка*, т. I, Киев.
6. Булич С., 1886, *Заимствованные слова и их значение для развития языка*, «Русский филологический вестник», т.15, Варшава.
7. Виноградов В.В., 1940, *Основные этапы истории русского языка*, «Русский язык в школе» № 3.
8. Виноградов В.В., 1953, *О некоторых вопросах русской исторической лексикологии*, «Известия СССР» т. XXI, вып. 3.
9. Виноградов В.В., 1978, *История русских лингвистических учений*, Москва.
10. Ефремов Л.П., 1961, *Калькирование как одна из причин возникновения лексической омонимии*, [в сб.:] *Изв. АН КазССР, Серия филологии и искусствоведения*, вып. 2, Алма-Ата.
11. Ефремов Л.П., 1974, *Основы теории лексического калькирования*, Алма-Ата
12. Иванова Т.А., 1977, *О морфологической адаптации заимствованной лексики в Синайском патерике*, [в сб.:] *Русская историческая лексикология и лексикография*, Ленинград.

13. Карский Е.Ф., 1886, *О так называемых барбаризмах в русском языке*, Вильно.
14. Касарес Х., 1958, *Введение в современную лексикографию*, Москва.
15. Колиберская И.О. (Наумова И.О.), 1980, *О фразеологических кальках с английского в современном русском языке*. «Русский язык в школе» №6.
16. Крысин Л.П., 1968, *Иноязычные слова в современном русском языке*, Москва.
17. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М., 1963, *Теория и практика перевода с английского языка на русский*, Москва.
18. Лопатянкова Н.Н., Мовшович Н.А., 1958, *Précis de lexicologie du français moderne*, Москва.
19. Муллина Р., 1955, К вопросу о русских и интернациональных заимствованиях путем калькирования в казахском языке, [в сб.:] *Ученые записки Казахского государственного университета*, т. 19, Язык и литература, Алма-Ата.
20. Наумова И.О., 1982, *Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке*: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Москва.
21. Наумова И.О., 2008, *Verbatim / 2007*, Харків.
22. Наумова И.О., 2008, *Verbatim / 2008*, Харків.
23. Пономаренко Л.О., 1968, Проблема тождественности семантико-грамматической структуры кальки та її прототипу, [в сб.:] *Іноземна філологія*, вип.. 14, Львов.
24. Флекенштейн К., 1963, *Кальки по немецкой модели в современном русском языке*: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Москва.

25. Хегай М.А., 1964, *К понятию кальки*, [в сб.:] *Ученые записки Ташкентского педагогического института*, т. 45, вып. 3, Ташкент.
26. Чернышова И.И., Некоторые закономерности развития фразеологической системы (на материале немецкого языка), [в сб.:] *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе*, Вологда.
27. Шанский Н.М., 1955, *Лексические и фразеологические кальки в русском языке*, «Русский язык в школе» №3.
28. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В., 1961, *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва.
29. Шанский Н.М., 1963 – 1975, *Этимологический словарь русского языка*. – Вып. I- 6. – Москва.
30. Шанский Н.М., 1969, *Фразеология современного русского языка*, Москва.
31. Шанский Н.М., 1972, *Лексикология современного русского языка*, Москва.
32. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В., 1979, *Краткий этимологический словарь русской фразеологии*. «Русский язык в школе» №1 -6.
33. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В., 1980, *Краткий этимологический словарь русской фразеологии*. «Русский язык в школе» №1 - 2.
34. Шахрай О.Б., 1961, *К проблеме классификации заимствованной лексики*, «Вопросы языкознания» №2.
35. Sandfeld-Jensen K., 1912, *Notes sur les calques linguistiques*, [in:] *Festschrift für Wilhelm Thomson*, Leipzig.
36. Shansky N., Bystrova E., 1975, *700 Russian Idioms and Set Phrases*, Moscow.
37. Singer S., 1902, *Beiträge zur vergleichenden Bedeutungslehre*, [in:] *Zeitschrift für deutsche Wortforschung* Bd. III.

38. Singer S., 1903, *Beiträge zur vergleichenden Bedeutungslehre*,
[in:] *Zeitschrift für deutsche Wortforschung* Bd. IV.
39. Unbegaun B., 1932, *Le calque dans les langues litteraires*,
«Revue des ettudes slaves» т.XII.

О ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ КАЛЕК ПО ИНОЯЗЫЧНОЙ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹⁴

Необходимость исследования процесса фразеологизации калек по иноязычной модели обусловлена, в первую очередь, потребностями выявления сущности и основных дистинктивных признаков лингвистического явления, приобретающего в настоящее время широкое распространение в результате конвергенции языков, а также потребностями фразеографии, неологии, теории перевода, обучения иностранным языкам, культуры речи.

Небывалый приток иноязычных заимствований, обусловленный глобализацией современного устройства мира, влиянием глобального английского языка (Global English), расширением сферы контактирования языков, простирая ее

¹⁴ О фразеологизации калек по иноязычной модели в современном русском языке. – В кн: Функциональная семантика: К 80-летию академика МАН ВШ проф. Л.А. Новикова: коллективная монография / Сост. Н.П. Новоспасская, Н.В. Перфильева. – М.: РУДН, 2011, С.329-350.

Лев Алексеевич Новиков был официальным оппонентом во время защиты моей диссертационной работы «Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке» (на материале публицистики) в 1982 году. В данной статье рассматриваются теоретические вопросы, оставшиеся открытыми, не нашедшими своего отражения в диссертации и опубликованных позже научных работах. Необходимость исследования процесса фразеологизации кальки вызвана, с одной стороны, отсутствием теоретических работ, посвященных данному вопросу, с другой стороны, наличием обширного фактологического материала. Возвращаясь к стартовой теме моих научных исканий, я имею возможность поблагодарить судьбу за научные ориентиры как высоконравственной, так и академической высоты, навсегда оставленные в моей памяти Львом Алексеевичем Новиковым.

размеры до виртуального (мультимедийного) пространства, требует четкой спецификации появляющихся инноваций иноязычного происхождения.

Несмотря на увеличение доли прямых фразеологических заимствований по сравнению с предыдущими периодами развития современного русского языка, фразеологическое калькирование сохраняет доминирующую роль в обогащении его словарного фонда. В связи с этим изучение языкового результата данного вида заимствования современных языков приобретает особый интерес.

При анализе явления фразеологизации калек в первую очередь следует уточнить объем содержания понятия *фразеологическая калька*, так как именно наблюдаемая в лингвистической литературе его замена неравнозначными терминами (*синтаксическая калька, калька словосочетания, калька составного наименования, калькированная конструкция, калька устойчивых словосочетаний*) приводит к выявлению языкового материала, неоднородного по своим качественным характеристикам.

В основе вышеуказанного расхождения взглядов на природу исследуемого явления лежит неоправданная односторонность в подходе к рассмотрению данного результата взаимодействия двух контактирующих языков. Вместе с тем, даже при первом приближении к анализу частных вопросов фразеологического калькирования с английского в русском языке проявляется многогранность и сложность этого лингвистического явления, принимая во внимание и тот факт, что фразеологическое калькирование продолжает оставаться и в настоящее время широким полем для дальнейших разысканий как в историческом плане, так и в

плане исследований (Аристова 1981: 365) самых разнообразных его аспектах.

Неоднозначность понимания рассматриваемого явления объясняется тем, что некоторые исследователи упускают из виду тот факт, что содержание составного по своей природе термина *фразеологическая калька* включает в себе как характеристику этой лингвистической единицы с точки зрения ее происхождения, способа образования, результата взаимодействия контактирующих языков (*т.е. калька*), так и с точки зрения ее *функционирования* во фразеологической системе языка-рецептора в ранге фразеологической единицы (*фразеологическая калька*). Следовательно, понятия *калька* (словосочетания, предложения, синтаксическая) и *фразеологическая калька* обладают разным языковым статусом, соответственно являясь фактом речи и языка, что подчеркивает необходимость строгого разграничения вышеупомянутых терминов.

Термин *фразеологическая калька* подразумевает воспроизводимые устойчивые обороты в отличие от ситуативно создаваемых слов и сочетаний, которые существуют лишь в определенном словесном окружении (контексте) и по своему происхождению являются кальками. Появившиеся в языке *кальки* представляют собой как словные морфемосочетания и семантемы (Шанский 1972: 161), так и контекстуально прикрепленные словосочетания и предложения.

Инкубационный период формирования в языке фразеологической инновации, являющейся калькой по происхождению и способу образования, раскрывает потенциальные возможности фразеологизации переводного переменного словосочетания.

Так, кальку и устоявшуюся на ее основе в языке лексическую или фразеологическую единицу разделяет этап

ассимиляции (укоренения, вживания в новую среду) новообразования, созданного из языкового материала родного языка, но имеющего следы иноязычного воздействия и в перенесенной в язык — рецептор внутренней форме, и в заимствованном структурном рисунке иноязычной модели.

Пройдя этап фразеологизации и утвердившись во фразеологической системе, фразеологические кальки уже предстают как «устойчивые словосочетания, воспроизводимые и значит, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» (Шанский 1972: 173).

Как известно, отсутствие одного из этих дистинктивных признаков фразеологизма не позволяет причислить то или иное словосочетание (предложение) к разряду фразеологических единиц.

Рассматривая «устойчивость» в качестве обязательного признака фразеологических единиц, следовательно, и фразеологических калек, некоторые исследователи ошибочно наделяют этим свойством совершенно иное по своей природе явление, каким является калька, утверждая, что «кальки представляют собой не любой описательный или пословный перевод, а наиболее употребительный, устоявшийся в речевой практике вариант, с адекватным английскому прототипу смысловым содержанием и грамматическим оформлением» (Аристова, 1981: 32).

Однако приводимый данными исследователями конкретный языковой материал, демонстрирующий, по мнению авторов, факты фразеологического калькирования, нередко на практике характеризуется отсутствием признака устойчивости.

Рассмотрим некоторые из этих примеров: *горячая картофелина* > *hot potato* (иноск. «острая проблема»), *ножной мяч* > *football* (футбол).

Вышеприведенные словесные комплексы не могли быть признаны устойчивыми словосочетаниями в системе русского языка, как в синхронном, так и в диахроническом плане в момент их регистрации в языке (в 70–80 гг. XX в.). За прошедшие тридцать лет они также не приобрели статус фразеологических калек, будучи вытесненными соответствующими заимствованными выражениями английского происхождения (ср. *ножной мяч* — *футбол*, *горячая картошка/картофелина* — *hot potato*), так и не войдя в новую языковую среду в статусе фразеологической кальки. Данные инновации, являющиеся по своей природе кальками английского происхождения, изредка используются лишь в определенных стилистических целях.

Ср. «Русский вопрос похож на *горячую картофелину*, которую катают туда-сюда, но никто не знает, что с ней делать, пишет в Eesti Ekspress эстонец Тынн Сарв» (www.esttravel.ru/novosti/nacionaljnaa_problema/); «Несмотря на то, что игру в *ножной мяч* разные народы знают уже много столетий, до сих пор неизвестно, где именно возник предшественник современного *футбола*» (www.football-world-cup.com/).

Следовательно, выделение фразеологической кальки в системе языка-рецептора возможно лишь на определенном этапе функционирования кальки, позволяющем выявить необходимые признаки, которые соотносят ее с разрядом фразеологических единиц (калек).

Несомненный интерес, на наш взгляд, представляет рассмотрение именно начального этапа адаптации: вживания “новорожденной” единицы в ткань принимающего ее языка,

погружения в русскую национальную стихию и ассимиляцию с ней (Виноградов 1945: 123), предрешающего дальнейшую эволюцию кальки в языке.

Стадия фразеологизации кальки — это транспозиция свободных сочетаний, созданных по образцу устойчивых иноязычных прототипов, в силу определенных интра — и экстралингвистических факторов в разряд единиц фразеологической системы русского языка (языка-рецептора), представляющей широкую серию «константных образований, целиком извлекаемых из памяти — от идиом, семантически эквивалентных словам, до пословиц и крылатых слов, представляющих собой выражение «предикативной» информации» (Шанский 1969: 43).

Понимание фразеологического оборота как воспроизводимой в готовом виде единицы языка обуславливает обязательное прохождение этапа становления, формирования в языке фразеологической кальки, так как ее исходная форма — инновация переводного характера, калька — является результатом человеческого словотворчества, возникает в процессе перевода и, естественно, не может обладать в период своего зарождения как свойством воспроизводимости, так и константностью своего лексического состава и структуры.

Таким образом, приведенный выше анализ природы кальки опровергает возможность предположения, что в случае заимствования всего объема лингвистических характеристик, калька может якобы непосредственно наследовать и фразеологичность своей устойчивой иноязычной модели, что, естественно, взаимоисключаемо.

Если прототипом пословного перевода иноязычного выражения служит свободное словосочетание, то в таком случае в языке-рецепторе возникает не калька, а

контекстуально закреплённый буквализм, ошибочно в ряде случаев отождествляемый с явлением калькирования устойчивого словосочетания.

Л.С. Бархударов рассматривал буквальный перевод как «перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ» (Бархударов 1969: 10), исходя из утверждения, что «единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода» (Бархударов 1969: 4).

На наш взгляд, отмеченное наблюдение также акцентирует внимание исследователей на том факте, что при изучении данного явления существенное значение приобретает не только результат в виде буквализма или же кальки, но и языковой статус переводимой единицы языка-источника. Следовательно, эти анализируемые единицы — однородные языковые явления по природе своего образования в языке необходимо строго разграничивать с учетом внутренней связи контактирующих языков.

Различие между буквальным переводом и калькой фразеологической единицы заключается в том, что в случае наличия переносного значения прототипа, отражая внутреннюю форму слова в новом языке, калька одновременно с воспроизведением прямого значения компонентов, переносит и образность выражения, что дает возможность восприятия всей полноты обозначаемого ею явления. Наряду с этим, калька хоть и является фактом речи, но в отличие от буквализма она обладает потенциальной возможностью стать фактом языка в силу указанных выше причин. Как справедливо отмечает Ю.С. Сорокин, в подобных случаях кальки, переходя в новое качество, превращаясь в лексические или фразеологические кальки, становятся «постоянными величи-

нами в языке, а буквальных переводов, может быть столько, сколько различных синтагм и предложений переводится с одного языка на другой» (Сорокин 1965: 164).

Что касается возможности включения исконно русских калек по иноязычной модели, устойчивой по своей природе в языке-источнике, в состав русской фразеологии, как бы минуя этап фразеологизации по аналогии с процессом формирования исконно русских фразеологических оборотов (образованных по устойчивой в языке исконно-русской модели на базе уже существующего в системе языка фразеологизма), то подобное признание тождества разных по своему содержанию языковых процессов явилось бы глубоким заблуждением по следующим причинам.

Во-первых, в данном случае имел бы место недопустимый механистический перенос, наложение фактов одного языка на явление другого языка.

Как известно, главенствующую роль в формировании и становлении любой материальной единицы языка играет язык, создающий ту или иную инновацию, которая «не может быть новообразованием, созданных вне правил и законов русского языка. Новая единица языка, будучи материально выраженной средствами этого языка, сразу же подчиняясь действующим в его системе законам, не теряет скрытой связи (индуктивной, по выражению Ю.С. Сорокина) с языком-источником. Учет взаимодействия двух контактирующих языковых систем приобретает особое значение именно на этом этапе ассимиляции новой единицы в языке.

Во-вторых, следует прежде всего отметить, что устойчивость, воспроизводимость, право на нормативное употребление, характерное для единиц языковой системы, завоевывается в процессе многократного использования той

или иной единицы на уровне речи в результате чего данное явление можно признать устойчивым на уровне языка. Необходим определенный период для приобретения этого качества — этап фразеологизации, включающий процесс становления фразеологической кальки в языке-рецепторе.

На наш взгляд, в тех случаях, когда фразеологическая система русского языка пополняется фразеологизмами, возникшими якобы сразу в языке в качестве готовых фразеологизмов по устойчивым в языке моделям, не нуждающихся в своем становлении в стадии перехода из разряда свободных сочетаний в устойчивые воспроизводимые единицы языка, происходит не первичное образование фразеологических единиц, а вторичная фразеологизация имеющегося уже в системе языка фразеологизма.

Вышесказанное относится только к тем немногочисленным фразеологическим неологизмам, которые, будучи образованными по распространенной в языке модели, первоначально утверждались в качестве неологизмов-фразеологизмов, представляющих собой результат индивидуально-авторской обработки, и в редких случаях впоследствии пополняли фразеологическую систему языка.

Однако, в целом они представляют собой единицы, утвердившиеся в языке как «контекстуально закрепленные образования, художественно-выразительного характера», которые, по мнению Н.М. Шанского (1972: 161), рассматриваются как индивидуально стилистические неологизмы, в отличие от последних не являющихся словами языка в полном смысле этого слова, следовательно, и единицами фразеологической системы этого языка.

Рассмотрим необходимые условия в двух контактирующих языках, способствующие появлению в языке кальки, а

в дальнейшем на базе свободных словосочетаний, созданных в результате «снятия слепка с иноязычного оригинала, в следовании средств в области словообразования или переноса наименований» (Ефремов 1962: 50), формирования фразеологической кальки.

В первую очередь требует своего анализа вопрос о взаимосвязи свойств «мотивированности», внутренней формы прототипа, его семантической структуры со способностью выступать в роли объекта калькирования, а также полнота и глубина переноса данных лингвистических характеристик в созданной кальке в языке-рецепторе.

С. Булич в своей работе «Заимствованные слова и их значение для развития языка» рассматривает кальку как «перенесение чужой внутренней формы..., о заимствовании скорее идейного плана, не материального» (Булич 1860: 360).

Эта дефиниция кальки получает свое дальнейшее развитие в работах Л.А. Булаховского. Ср. «кальки — новые слова, с внутренней формой по образцу иностранных» (Булаховский 1952: 91).

Как известно, большинство исследователей указывают на то, что способностью калькироваться обладают только лишь мотивированные слова, иначе данный процесс был бы просто невозможен.

В том случае, когда ее мотивация в какой-то мере опосредована, то в отличие от буквализма переносится и образный стержень, его расшифровка из языка-источника, естественно, способствует осознанному пониманию значения только что созданной в языке кальки и ее дальнейшему закреплению в языке при наличии благоприятных условий для этого процесса.

В отдельных случаях осознанному восприятию кальки, подготовленности к ее узнаванию в том или ином языковом контексте помогает знание истории ее происхождения, чаще всего характерное для специалистов той области, в которой зародилась та или иная калька как термин, восполняя пробел в номинации в определенной области знания и не свойственное в большинстве случаев идиолекту среднего образованного носителя языка-рецептора, а также и существование в объективной действительности «живой реалии», обладающей указанным признаком. Вышеуказанные признаки, несомненно, способствуют быстрому вхождению кальки того или иного иноязычного выражения в общеупотребительную речь, постепенно завоевывающей в перенимающем языке статус фразеологической единицы.

Учитывая то обстоятельство, что именно объективные и субъективные факторы обуславливают возникновение в языке-источнике переносных значений, в которых, по мнению некоторых исследователей, обнаруживается внутренняя форма как признак номинации, достоверное знание природы их происхождения, конкретных данных о возникновении той или иной единицы в языке приобретает особое значение в силу возможности полного совпадения способа номинаций, то есть самостоятельного существования в разных языках единиц, не представляющих собой результат калькирования.

Причины подобных универсалий в языках некоторые лингвисты, как известно, рассматривают как следы общности склада человеческого мышления, человеческой психики, совпадения ассоциаций при создании образных выражений (Чернышева 1954: 12), наконец, «в силу возможности одного и того же образа, положенного в основу названия, у

самостоятельных выражений одного и того же значения в разных языках...» (Шанский 1969: 124).

Необходимо также иметь в виду, что семантическая мотивированность калькированной единицы, утвердившейся в языке уже как фразеологическая единица, не является в отличие от ее внутренней формы застывшим явлением. подвергаясь в известных пределах частичной модификации в ходе своей эволюции в системе языка-рецептора, однако уже на правах ее полноправной единицы, в результате чего появляются наблюдаемые в ряде случаев отклонения в точности, адекватности копирования семантики ее оригинала.

По справедливому утверждению Л.П. Ефремова, масштаб данных изменений все еще не является предметом внимания исследователей данного процесса.

Анализируемое лингвистическое явление, на наш взгляд, представляет собой уже результат не первичной фразеологизации, а вторичной. По мнению Л.П. Ефремова (70: 11), это явление представляет собой повторяющее и варьирующее калькирование, обусловлено как интралингвистическими и экстралингвистическими факторами. Ср. «Следует отметить, что данное лингвистическое явление рассматривается при синхронном анализе на уровне словопроизводства. При этом сопоставляется не калька и ФК на ее основе, а калька и ее прототип, что недопустимо...» (Ефремов 70: 11).

О.П. Трубачев также подчеркивает необходимость разграничения данных явлений, приводя пример о разной лексико-семантической наполненности и соотнесенности русской кальки *Соединенные штаты Америки* и ее английского прототипа. Разница в анализируемом значении слов *штаты* в русском и английском языках вскрывается в синхронном аспекте, этимологический анализ устанавливает

исходную наполненность семантической структуры кальки *Соединенные государства Америки* > *The United States of America*. То, что, по словам исследователя, мы видим все через толстую призму лексико-семантической соотнесенности своего языка даже на примере этого очень позднего эпизода называния и калькирования (Трубачев 1976: 173), является результатом последующих видов фразеологизации кальки, в частности, наполнения ее лексических конstituентов новым значением.

Функционирование в языке буквализмов, калек, индивидуально-авторских переводных образований, синонимичных независимых словосочетаний, образованных по модели родного языка, универсальной модели, свойственной ряду европейских языков, а также фразеологических калек обогащает синонимические и омонимические возможности заимствующего языка, покрывая его пространство единицами разного языкового статуса (Новиков 1963; 1982; 1990).

Пройдя этап *фразеологизации* и утвердившись во фразеологической системе перенявшего их языка, устойчивые воспроизводимые словосочетания обретают ранг *фразеологических калек* на новой языковой почве. Следовательно, выделение фразеологических калек в системе языка-рецептора возможно лишь на определенном этапе формирования кальки, позволяющем выявить дистинктивные признаки, необходимые для признания ее *фразеологической калькой*.

В эпоху глобализации и углубления процессов языковой конвергенции вопросы теоретического осмысления природы заимствования и языкового обогащения приобретают особое значение для исследователей функциональной семантики русского языка.

Литература

1. *Аристова В.М.* Англо-русские языковые контакты и заимствования XVI–XX вв. – Дис. на соиск. учен. степ. доктора филол. наук. Ленинград, 1981.
2. *Бархударов Л.С.* Уровни языковой иерархии и перевод. // Тетради переводчика. – М.-Л., Изд-во "Международные отношения", 1969.
3. *Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. – Т.1 – Киев: Учпедгиз «Радянська школа», 1952.
4. *Булич З.С.* Заимствованные слова и их значение для развития языка. Русский филол. вестник, т. 15, Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1836.
5. *Виноградов В.В.* Великий русский язык. – М.: Гослитиздат, 1945.
6. *Ефремов Л.П.* Калькирование как одна из причин возникновения лексической омонимии. – Изв. АН КазССР. — Серия филол. и искусствовед. – Алма-Ата, 1962, вып.2.
7. *Новиков Л.А.* О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // РЯШ. – 1963. – №3.
8. *Новиков Л.А.* Синонимия. — В: Энциклопедический лингвистический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: Учеб. пособ. / Л.А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1982.
10. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. – М.-Л.: Наука, 1965.

11. *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика. В кн.: Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976.
12. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972.
13. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Изд. “Высшая школа”, 1969.
14. *Чернышева И.И.* Фразеологические единицы немецкого языка и проблемы их перевода. В сб.: Некоторые вопросы изучения словарного состава языка. / Под ред. Т.А. Дегтяревой. – М., 1954.

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАЛЬКАХ С АНГЛИЙСКОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹⁵

Расширение различных форм международного сотрудничества Советского Союза с другими странами мира неуклонно влечет за собой рост языковых контактов, повышая одновременно роль русского языка как языка межнационального общения народов СССР и одного из ведущих языков мира.

Оказывая сильное влияние на развитие других языков, русский язык, в свою очередь, постоянно испытывает иноязычное воздействие. Известно, что такие экстралингвистические факторы, как политические, экономические и культурные связи, всегда являлись источником взаимного обогащения как родственных, так и неродственных языков.

Контактирование русского и английского — двух ведущих языков мира — заметно возросло в советскую эпоху, особенно после второй мировой войны, и это нашло отражение в лексике обоих языков¹⁶.

Языковые контакты, которые существуют между русским и английским языками, не могут не учитываться в практике преподавания этих языков в школе и вузе.

¹⁵ Колиберская И.О. (Наумова И.О.) О фразеологических кальках с английского в русском языке. — РЯШ, 1980, №6, с. 83–87.

¹⁶ Об этом см., например: Пономаренко Л.А. Калькирование как вид влияния одного языка на другой (на материале английских калек с русского языка). Канд. дис., Киев, 1965; Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). Л., 1978; Микулина Л.Т. Заметки о калькировании с русского языка на английский. — Тетради переводчика, вып. 15. М., 1978, с. 59–64.

Известно, что некоторые фразеологические обороты русского языка являются не исконными, а так или иначе отражающими англо-русское языковое взаимодействие. Так, например, крылатая фраза *Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?* — явное достояние русского языка. Но не все читатели знаменитой комедии «Горе от ума» знают, что у пресловутой княгини был прототип — миссис Гранди. В 1798г. в Англии появилась книга Т. Мортонa «Подталкивай плуг», героев которой неизменно волновало мнение некой миссис Гранди — *What will Mrs Grundy say? (Что станет говорить миссис Гранди?)*¹⁷. Структура и образный смысл данной модели передаются и в русском варианте А.С. Грибоедова, частично трансформируясь на русской почве: подчиняясь замыслу писателя, появляется «княгиня Марья Алексевна».

Приведем другой пример. Слова песни «Вечерний звон», казалось бы, совершенно русские по духу, были написаны известным ирландским поэтом Томасом Муром (1779–1852). На русский язык стихотворение перевел поэт И.И. Козлов (1779–1840). Завоевав признание русского народа, строки песни как бы потеряли своего автора, став поистине народными. Так глубоко иногда скрыты следы взаимовлияния языков и культур разных народов.

Если происхождению и функционированию в современном русском языке калек, образованных по немецким и французским моделям, посвящен ряд исследований, то кальки с английского языка не получили еще должного освещения в отечественной лингвистике. Между тем калькирование

¹⁷ См. об этом: Краткий этимологический словарь русской фразеологии. — РЯШ, 1980, №2.

иноязычных оборотов, в том числе и английских, получает большое распространение в русском языке. «В основном оно происходит сейчас в газетно-публицистических стилях речи»¹⁸.

В русской фразеологии есть как фразеологические кальки, т.е. пословные переводы иноязычных оборотов, так и прямые заимствованные обороты из других языков. Их немного, и в основном это остатки того наследия, которое идет от латинского языка. Эти обороты постепенно вытесняются соответствующими кальками¹⁹.

Заимствованные без перевода обороты из английского языка единичны. Среди них: *Who's who*, *Time is money*, *Uncle Sam*, *trade union* и др.

Употребляясь главным образом в книжной речи, эти иноязычные вкрапления часто не выходят за рамки узко-специальных сфер и являются гораздо менее употребительными, чем соответствующие фразеологические кальки.

Иногда именно заимствованные без перевода иноязычные обороты дают путевку в жизнь кальке. Рассмотрим, например, как появилась в русском языке калька с английского: *потогонная система*. В английском языке этот термин начал употребляться в 40-х годах XIX в. В 1901 г. в переводе книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма» (Спб., 1900–1901) В.И. Ленин дает буквальный пословный перевод иноязычного фразеологического оборота: «sweating» означает «потогонная», «system» — «система».

До этого времени термин на русский язык не переводился. В языке параллельно функционировали как

¹⁸ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. — М., 1969, с. 145.

¹⁹ См. там же, с. 139.

нетранслитерированный заимствованный оборот *sweating system*, так и его неточные переводные соответствия: *система потения*, *система вышибания пота*. В дальнейшем происходит сокращение лексического состава заимствованного фразеологического оборота, который стягивается в слово: эллипсу подвергается вторая часть словосочетания, и наряду с фразеологической инновацией появляется лексическая: *свейтинг*, *свитинг*, которая, в свою очередь, является прототипом кальки «потение», «выпатывание». Варианты фразеологического оборота имеют значение «система изнурительного труда за очень низкую плату в капиталистических странах». Со временем, в связи с организацией в 1903 г. конвейерной работы на автомобильных заводах Г. Форда, связанной с чрезмерной эксплуатацией рабочих, у термина появляется дополнительный усилительный оттенок значения. «Права гражданства» в языке приобретает именно точная фразеологическая калька с английского: *потогонная система*. Ср. пример:

По организации потогонной системы на производстве американский империализм несомненно побил мировой рекорд. (В. Корионов).

Большую часть самых ранних фразеологических калек с английских оборотов составляют крылатые слова, имеющие «еще не стертую историей печать индивидуального творчества» (В.В. Виноградов). В основном это группа фразеологических оборотов, которая используется в качестве переводных «вкраплений» в целях стилизации, воссоздания атмосферы «старой Англии».

В 1854 г. Чернышевский писал, что «старинное выражение «веселая Англия», *merry England*, прежде

прекрасно характеризовавшее привычки простолюдина, ныне стало пустым звуком»²⁰. Однако в современном русском языке можно встретить примеры употребления этой кальки, причем иногда в расширенном лексическом составе. Ср.:

Под натиском века, перед лицом наступления города «веселая зеленая Англия» теряет свои позиции. (Б. Изаков).

Часть фразеологических калек, бывших довольно распространенными в XIX в., уходит в пассивный запас. Это такие фразеологизмы, как *нация лавочников* (*nation of shopkeepers*) (из книги А. Смита «Богатство народов», 1776 г.), *деревянные стены Англии* (*wooden walls of England* — слова английского государственного деятеля лорда Ковентри, 1653 г.) и нек. др.

С другой стороны, такие выражения, как *Британский лев* и *Мой дом — моя крепость* и сейчас в сознании читателя символизируют Англию. Фразеологический оборот *британский лев* представляет собой пословный перевод меткого выражения английского поэта Дж. Драйдена (из поэмы «Лань и Барс», 1687 г.), а изречение *Мой дом — моя крепость* (в русском языке иногда переоформляемое в поговорку *Дом англичанина — его крепость*) восходит к словам юриста Э. Кока (1552–1634): *My house is my castle*. Ср. пример современного употребления:

«Мой дом — моя крепость» — это изречение англичане впитывают если не с молоком матери, то с искусственной детской смесью, которой здесь отдают предпочтение. Однако теперь изречение это далеко от истины. (О. Васильев).

²⁰ См.: Отечественные записки, 1854, ч. 7.

Поступательный ход истории порой вновь вызывает к жизни обороты, которые уже покинули сферу активного употребления. Так случилось с фразеологической калькой с английского: *Генерал Мороз*. Появление ее в русском языке было связано с событиями войны 1812 г. После отступления наполеоновской армии из России в Англии был выпущен сатирический листок «*General Frost shaving little Boney*» — *Генерал Мороз, бреющий маленького Бони (Бонапарта)*. В русском языке утвердился первая часть выражения — *Генерал Мороз*. В конце XIX в. эта калька, потерявшая свою злободневность, вышла из употребления. И лишь в грозном 1941 г. она вновь обрела силу. Известно, что гитлеровцы обвиняли в своем поражении под Москвой «Генерала Мороза». Так старая калька вновь обрела жизнь.

Среди активно функционирующих в языке фразеологических выражений, восходящих к английскому, назовем следующие: *знание — сила* (*Knowledge is power* — Ф. Бэкон), *последний из могикан* (*The last of the Mohicans* — Ф. Купер), *время — деньги* (*Time is money* — В. Франклин) и др.

Рассмотренные выше выражения употребляются в основном в книжной речи. Назовем теперь примеры калек разговорно-бытовой речи: *не буди спящую собаку* (*let the sleeping dog lie* — восходит к Чосеру), *это его конек* (*it is his hobby-horse*)²¹.

Эта группа фразеологических калек периодически пополняется инновациями. Сравнительно недавно в лексикографии зафиксировано выражение *промывать мозги* (*brainwashing*). Ср.:

²¹ См.: Шанский Н.М. В мире слов. — М., 1978, с. 223–224.

Чистка аппарата и промывка мозгов поставлены Дженником на научную основу. (М. Стурюа); Благодатной и доходчивой темой для «промывки мозгов» обывателя стала нефть, то есть горючее для машины и топливо для дома. (Правда, 1980, 11 июля).

Компоненты фразеологического оборота, теряя свое основное номинативное значение, которое они имеют в языке-источнике, приобретают в русском языке переносное значение. Так, оборот *промывать мозги* имеет номинативное значение «воздействие на психику людей специальными медицинскими препаратами с целью идеологической обработки (в тюрьмах некоторых капиталистических стран)»²².

Выражение *быть на ковре* (*to be on the carpet*) в английском языке означало: 1) «Быть на повестке дня, рассматриваться»; 2) «Получить нагоняй, выговор от вышестоящих». Впоследствии данный оборот стал употребляться в языке лишь во втором значении.

Это значение в русском языке приобрела и калька английского выражения – *быть на ковре*. В последнее время в русском языке стали известны и такие варианты этого фразеологического оборота, как *вызвать на ковер*, *идти на ковер*.

Итак, появление новых реалий в окружающей нас действительности влечет за собой необходимость создания наименований. «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей», — писал А.М. Горький. Гигантские темпы развития НТР постоянно увеличивают приток поступлений в русский язык калькированных словарных единиц из английского языка. По своему объему, сфере и частотности употребления они занимают одно из

²² См.: Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77 / Под ред. Н.З. Котеловой. — М., 1980, с. 117.

ведущих мест среди иноязычных переводных заимствований (ср.: *генная хирургия* (*genetic surgery*), *летающая тарелка* (*flying saucer*), *искровой передатчик* (*spark transmitter*)).

Известна роль английского языка в формировании спортивной лексики русского языка²³. Широко распространены фразеологические кальки с английского и в других сферах терминологии. Например, в литературоведении прочно укрепились такие термины, как *поток сознания* (*stream of consciousness* — термин заимствован из книги У. Джемса «Научные основы психологии», 1890 г.), *разбитое поколение* (*beaten generation*), *рассерженные молодые люди* (*angry young men*) и др.

Немаловажную роль играет английский язык в формировании общественно-политической терминологии русского языка. Известно, что русский и английский языки играют ведущую роль в создании интернационального фонда слов в области общественно-политической лексики на современном этапе. Одновременно постоянно происходит процесс взаимобогащения этих языков.

Рассматривая фразеологические обороты, образованные по английской модели, с точки зрения семантической слитности, следует отметить, что их подавляющее большинство представлено фразеологическими сочетаниями и выражениями (*утечка мозгов*, *мозговой трест*, *держат порох сухим*, *время работает на нас*).

Остановимся далее на структурных типах фразеологических калек с английского, относящихся к общественно-политической терминологии. Прежде всего следует выделить

²³ См. об этом: Логинова З.С. Англизмы в спортивной терминологии русского языка. Канд. дис. Ташкент, 1978.

две большие группы фразеологизмов: 1) структурно равнозначных предложению и 2) структурно равнозначных сочетанию слов.

1) В группу фразеологических калек, структурно равнозначных предложению, входят такие, как: *Факты — упрямая вещь* (*Facts are stubborn things* — Эллиот, 1747 г.); *Руки прочь!* (*Hands off!* — В. Гладстон, 1847 г.).

2) Более многочисленна по своему составу вторая группа фразеологических калек с английского, представленная в русском языке сочетаниями слов.

Самая распространенная модель — «прилагательное + существительное». Ср.: *блестящая изолированность/изоляция* (*Splendid Isolation* — выражение появилось в Англии во времена Дж. Чемберлена), *желтая пресса* (*Yellow press* — Э. Уордлеэн, 1896 г.), *долларовая дипломатия* (*Dollar diplomacy* — У. Тафт, 1912 г.), *новые рубежи* (*New Frontiers* — политика президента Дж. Кеннеди), *ядерный клуб* (*Nuclear club* — термин появился в языке сравнительно недавно) и мн. др.

Влияние лексико-грамматической системы языка-источника сказывается в образовании в русском языке вариантных форм, имеющих модель «существительное + родительный падеж существительного», свойственную английскому языку. Ср.: *долларовая дипломатия* — *дипломатия доллара*, *жизненный уровень* — *уровень жизни*.

В языке начинают функционировать как неточные пословные переводы английской модели прототипа, так и их точные соответствия — точные фразеологические кальки. Иногда такие фразеологические обороты, подчиняясь закону универбации, сливаются в слово: *trade union* → *профессиональный союз* → *профсоюз*.

Структурная модель «существительное + существительное в родительном падеже» очень продуктивна. Ср.: *ветер перемен* (*the wind of change* — Макмиллан), *коридоры власти* (*Corridors of power* — Ч. Сноу), *утечка мозгов* (*brain(s) drain*). Ср., например:

«Утечка мозгов», как иронически называют на Западе миграцию интеллигенции, начинает серьезно беспокоить... Эту болезнь завезли из-за океана коммивояжеры американских монополий. Ее название «брэйнз дрэйн» — «утечка мозгов». (Неделя, 1966, №32).

В общественно-политической терминологии особенно распространена осложненная конструкция вышеуказанной модели с прилагательным перед зависимым существительным: *политика открытых дверей* (*open door(s) policy* — экспансионистская доктрина США, провозглашенная еще в 1899 г. Дж. Грэйем), *политика большой дубинки* (*a big-stick policy* — выражение принадлежит Т. Рузвельту), *политика доброго соседа* (*a good neighbor policy* — провозгласил Ф. Рузвельт 4 марта 1933 г. в речи при вступлении на пост президента США), *политика дальнего прицела* (*a long-range policy*), *политика булавочных уколов* (*policy of pin-pricks*) и др.

Фразеологические кальки, образованные по модели «существительное + предложно-падежная форма существительного», встречаются реже. Ср.: *охота на ведьм* (*witch-hunt*), *борьба за жизнь* (*существование*) (*struggle for life* — Ч. Дарвин, 1859 г.), *беседа у камелька* (*a fireside chat* — беседа президента с населением по радио или телевидению) и др. Менее продуктивным и многочисленным является и пласт фразеологических калек, образованных по модели «глагол + существительное»: *промывать мозги*, *потерять лицо*.

Основную часть приведенных выше фразеологизмов составляют изречения выдающихся людей. Поэтому можно точно указать язык-источник фразеологической кальки и дату ее первой фиксации. «Для отнесения того или иного слова или оборота к калькам необходимо иметь вполне определенные данные, это подтверждающие: одного структурного или семантического совпадения своих слов или оборотов с иноязычными для этого совершенно недостаточно»²⁴.

Обретя общеупотребительность, эти фразеологические кальки вошли в общий фразеологический фонд русского языка. Именно единицы общественно-политической лексики чаще всего проникают в общеупотребительную лексику, покидая пределы узкоспециального обращения. В этом немалая заслуга прессы, телевидения и радио. Многократно вводя в обиход эти обороты, они создают своеобразные клише.

Следует отметить, что средства массовой информации играют немаловажную роль в формировании культуры речи учащихся. В процессе работы на уроке над словосочетаниями общественно-политической лексики учитель должен вооружить ученика необходимым запасом знаний для правильного восприятия информационного материала.

²⁴ Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки. — РЯШ, 1955, №3, с. 35.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАЛЕК С АНГЛИЙСКОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ²⁵

Структурная характеристика фразеологических калек английского происхождения предполагает выявление основных моделей фразеологических оборотов, установление их регулярности и продуктивности в современном русском языке, а также определение частотности соотношения названных моделей с их распространенностью в языке-источнике.

Прежде всего, вычленим в составе фразеологических калек с английского две большие группы фразеологизмов: 1) структурно равнозначных сочетанию слов и 2) структурно равнозначных предложению.

1. Как показывают исследования, первая группа фразеологизмов значительно больше количественно.

В этой группе ведущими являются фразеологизмы, образованные по модели «прилагательное + существительное». Подавляющее большинство устойчивых словесных блоков группы составляют точные фразеологические кальки (это, в свою очередь, свидетельствует о частотности данного структурного вида и в языке-источнике). Ср.:

американская модель (American model); белая смерть (white death); Белый дом (White House); Британский лев (the British Lion); буферная зона (buffer zone); Великие державы (the

²⁵ Структурные типы фразеологических калек с английского в современном русском языке. — РЯШ, 1988, №3, С. 68–71.

Great Powers); военно-промышленный комплекс (*the military industrial complex*); городской совет (*town council*); джентльменское соглашение (*gentlemen's agreement*); естественный отбор (*natural selection*); железный занавес (*iron curtain*); жизненный уровень (*standard of life*); круглый стол (*round table*); массовая культура (*mass culture*); народный контроль (*popular control*) и др.

В названной группе можно выделить наиболее частотные фразеобразовательные модели: 1) с постоянным членом — существительным и 2) с постоянным членом — прилагательным. Ср. примеры:

- 1) зеленые / красные береты (*green / red berets*); атомная / ядерная / долларовая / челночная дипломатия (*atomic / nuclear / dollar / shuttle diplomacy*); атомная / ядерная / большая дубинка (*atomic / nuclear / big stick*); атомный / ядерный клуб (*atomic / nuclear club*); большая / долларовая / желтая пресса (*big / dollar / yellow press*);
- 2) американская мечта / модель (*American dream / model*); большая тройка / семерка (*the big Three / Seven*); потогонный бизнес / система (*sweating business / system*); челночный корабль / операции / дипломатия / тактика (*shuttle ship / operations / diplomacy / tactic*); ядерный зонтик / дипломатия / клуб (*nuclear umbrella / diplomacy / club*) и др.

Анализируя пласт фразеологических калек, образованных по модели «прилагательное + существительное», следует подчеркнуть, что они представлены фразеологическими оборотами, эквивалентными существительному. Поэтому большинство фразеологизмов рассматриваемой группы склоняются (ср.: *профессиональный союз, городской совет, Белый дом, тихий американец, сенаторская любезность* и др.).

Отметим еще одну особенность: фразеологизмы, исходной формой которых выступает именительный падеж

множественного числа, формы единственного числа не имеют (*мировые деньги, Черные пантеры, жирные коты* и т. п.).

Порядок следования компонентов во фразеологизмах строго закреплён.

Среди фразеологических оборотов, образованных по этой модели, встречаются и осложнённые варианты структуры:

1) «прилагательное + прилагательное + существительное» (два согласованных определения к стержневому слову):

добрая старая Англия (Merry old England); сердитые молодые люди (angry young men); Центральное разведывательное управление (ЦРУ) (Central Intelligence Agency) и др.;

2) «местоимение + прилагательное + существительное»:

моя лучшая половина (my better half) и под.

Вторым структурным типом фразеологических калек с английского являются фразеологизмы, образованные по модели «существительное в им. пад. + существительное в род. пад.». Эта группа не так многочисленна, как только что рассмотренная.

Следует подчеркнуть взаимопроницаемость и взаимообогащение оборотов, образованных по двум данным моделям. Ср., например, такие калки:

долларовая дипломатия = дипломатия доллара, жизненный уровень = уровень жизни, силовая политика = политика силы, джазовый век = век джаза и др.

Анализируемая группа фразеологических калек с английского представлена следующими устойчивыми словесными блоками:

ветер перемен (the wind of change); война идей (the war of ideas); детектор лжи (lie detector); доктрина Монро (Monroe doctrine); трубка мира (pipe of peace); школа злословия (school for scandal); ярмарка тщеславия (vanity fair) и др.

Осложненным, вариантом модели является структурный тип «существительное в им. пад. + прилагательное + существительное в род. пад.»:

бремя белого человека (the white man's burden); зона жизненных интересов (vital interests area); корпус быстрого развертывания (rapid developments corps); политика большой дубинки (a big stick policy); политика булавочных укулов (the policy of pin pricks).

Входящие в указанную группу фразеологические кальки в свою очередь взаимосвязаны с фразеологизмами, образованными по модели «прилагательное + существительное». Часть фразеологических оборотов анализируемой группы возникает на базе фразеологических калек с помощью таких слов, как *политика, доктрина, дипломатия* и т. п.; ср.:

большая дубинка — политика большой дубинки; новые рубежи — политика новых рубежей; наведение мостов — политика наведения мостов; передовые рубежи — политика передовых рубежей; равновесие сил — принцип равновесия сил и др.

Менее продуктивной в русском языке является осложненная модель «прилагательное + существительное в им. пад. + существительное в род. пад.», в которой прилагательное стоит перед опорным существительным:

американский образ жизни (American way of life); деревянные стены Англии (wooden walls of England) (устар.) и др.

Следует отметить, что к данной группе примыкают и фразеологизмы, образованные по модели «числительное в им. пад. + существительное в род. пад.»:

пять наций (five nations); шестьдесят семейств (sixty families); четырнадцать пунктов Вильсона (Wilson's fourteen points) и др.

Встречаются и немногочисленные образцы фразеологических калек с английского, образованных по модели «существительное в им. пад. + существительное в твор. пад.»;

торговцы смертью (merchants of death); управление новостями (directing of the news).

Все рассмотренные выше виды фразеологических калек в лексико-грамматическом отношении соотносятся с существительными, опорные компоненты в их составе могут склоняться, а зависимые компоненты не склоняются.

Среди беспредложных субстантивных моделей следует выделить модель «существительное + имя собственное»:

дядя Сэм (Uncle Sam); доктрина Монро (Monroe doctrine); план Баруха (Baruch plan) и др.

Фразеологические кальки, образованные по модели «существительное в им. пад. + предложно-падежная форма существительного», являются малочисленными и малопродуктивными в современном русском языке. Среди них назовем такие фразеологизмы, как:

Америка для американцев (America for Americans); беседа у камелька (fireside chat); борьба за существование (struggle for life); последний из могикан (the last of the Mohicans);

прыжок в неизвестность (leap in the dark); человек с улицы (a man in the street).

В лексико-грамматическом отношении указанные выше фразеологические кальки с английского также соотносятся с существительными.

Модель «глагол + существительное» (с предлогом или без него), представленная фразеологическими кальками с английского, в количественном составе значительно уступает рассмотренным выше структурным типам фразеологических калек субстантивного характера. В эту группу входят такие фразеологизмы, как:

балансировать на грани войны (to be on the brink of war); вызвать на ковер (to call on the carpet); выглядеть на миллион долларов (to look like million dollars); выкурить трубку мира (to smoke the pipe of peace); делать деньги (to make money); делать политику (to do policy); оседлать любимого конька (to mount a hobby-horse); ступить (стать) на тропу войны (to go on the war-path); потерять лицо (to lose face); узнать кто есть кто (to know who is who) и др.

Эти и подобные им обороты в русском языке часто встречаются в сокращенном составе, что обусловлено выпадением глагола в тех случаях, когда смыслообразующими являются как глагол, так и примыкающая к нему часть кальки:

балансировать на грани войны — на грани войны; вести себя как слон в посудной лавке — как слон в посудной лавке; выкурить трубку мира — трубка мира.

Среди фразеологических калек, представленных сочетаниями слов, выделяется конструкция с сочинительными союзами. В этой конструкции иногда могут объединяться

антонимические по своему характеру компоненты. В составе названных фразеологических калек вычленяются в качестве равнозначных компонентов:

а) существительные:

голуби и ястребы (doves and hawks); ритм и блюз (rhythm and blues);

б) глаголы:

быть или не быть (to be or not to be); исправить и прикончить (to mend or to end);

в) наречия:

теперь или никогда (now or never).

2. Фразеологические калки с английского, равнозначные в структурном отношении предложению, как правило, представлены коммуникативными единицами афористического характера, включающими в свой состав поговорки и крылатые слова. Эти коммуникативные единицы подразделяются на фразеологические обороты, равнозначные по структуре простому предложению, и обороты, имеющие структуру сложного предложения.

Среди оборотов, равнозначных простому предложению, выделяются конструкции с нулевой связкой в составном именном сказуемом, именная часть которого выражена существительным с зависимыми словами:

Мой дом — моя крепость (My house is my castle. — Э. Кок); Краткость — душа остроумия (Brevity is the soul of wit. — В. Шекспир); Ничтожество — имя твое, женщина (Frailty, the name is woman. — В. Шекспир); Англия —

мать парламентов (England is Mother of Parliaments.—
Дж. Брайт).

Эти и подобные фразеологизмы характеризуются разной степенью частотности, многие из них вошли в русский язык еще в XVI–XIX вв. Ряд названных устойчивых сочетаний в настоящее время является принадлежностью пассивного словарного запаса языка и используется лишь в редких случаях в определенных стилистических целях.

Все вышеприведенные примеры относятся к пласту неточных фразеологических калек. Форма английского глагола *быть* в 3-м лице настоящего времени передается в русском языке нулевой связкой.

В группу фразеологических калек с английского, равнозначных по своей структуре простому предложению, входят и такие фразеологические единицы, как:

Все гнило в Датском королевстве / Неладно (нечисто) что-то в Датском королевстве (Something is rotten in the state of Denmark. — В. Шекспир); Нет повести печальнее на свете (For never was a story of more woe. — Он же); Много шума из ничего (Much ado about nothing. — Он же); По ком звонит колокол (For whom the bell tolls. — Дж. Донн); И ты, Брут? (And you too, Brutus? — В. Шекспир); Не буди спящую собаку (Let sleeping dog lie. — Дж. Чосер).

Многие из приведенных оборотов образованы в результате сокращения исходных фразеологических калек, соотносительных по своей структуре со сложноподчиненными предложениями:

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте. — Нет повести печальнее на свете; Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим

мудрецам. — Есть многое на свете, друг Горацио; Он человеком был в полном смысле слова. Мне не найти подобного ему. — Он человеком был.

Группа фразеологических калек с английского, равнозначных по своей структуре сложноподчиненному предложению, представлена такими, например, коммуникативными оборотами:

Все хорошо, что хорошо кончается (All is well that ends well. — В. Шекспир); Десять дней, которые потрясли мир (Ten days that shook the world. — Дж. Рид); Лучшие умный глупец, чем глупый мудрец (Better a witty fool than a foolish wit. — В. Шекспир); Я проснулся и узнал, что знаменит (I awoke one morning and found myself famous. — Дж. Байрон).

Структурный анализ фразеологических калек с английского, функционирующих в современном русском языке, позволяет констатировать преобладание единиц, структурно равнозначных сочетанию слов.

Среди фразеологических калек, равнозначных в структурном отношении предложению, наиболее частотными являются коммуникативные фразеологические единицы афористического характера.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ²⁶

На формирование общественно-политической терминологии русского языка на разных этапах ее становления оказывали влияние различные языки. В свою очередь, и русский язык постоянно обогащал рассматриваемый пласт терминологии других языков мира (ср., например, получившие распространение в последнее время слова *гласность*, *перестройка*).

Однако, по мнению Л. Гальди, возникновение политической терминологии современного русского языка трудно понять без учета влияния именно английского языка²⁷, который является и в настоящее время ведущим источником фразеологических калек на уровне газетно-публицистических стилей речи русского языка²⁸.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые способы стилистического использования фразеологизмов английского происхождения в современной русской публицистике.

Как известно, органическая часть публицистики — общественно-политическая терминология характеризуется

²⁶Фразеологизмы английского происхождения в современной публицистике. — РЯШ, 1989, №6, С. 65–68.

²⁷См.: Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке // IV Международный съезд славистов. — М.: Изд-во МГУ, 1958. — С. 75.

²⁸См.: Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. — М., 1969. — С. 145.

стремлением, с одной стороны, к точности, ясности, с другой стороны — к выразительности, образности, меткости.

Стремлением к образности, выразительности, яркости речи обусловлена высокая частотность применения средств, с помощью которых достигается нужный положительный или отрицательный эффект (торжественность, приподнятость стиля, ироничность, сарказм и т.д.). Соединение экспрессии и стандарта, по справедливому замечанию В.Г. Костомарова²⁹, представляет собой основной принцип публицистики. В роли средств, используемых в качестве готовых клише, в современной русской публицистике часто встречаются и фразеологизмы, являющиеся по своему происхождению фразеологическими кальками с английского. Нередко данные метафорические парафразы заменяют в публицистике конкретные названия стран, ср.: *Англия — Британский лев, владычица морей, империя на морях, праматерь парламентов; США — дядя Сэм; Африка — Черный континент* и др.:

«*Владычица морей*» отправляла дредноуты и сухогрузы, спущенные на воду на Клайде, во все концы света. (Известия. — 1982. — 6 янв.); Вот лишь несколько симптомов болезни *Джона Булля*, который еще полвека назад изображался эдаким здоровячком с самоуверенным видом хозяина «мастерской мира», правителя морей и океанов. (А. Лопухин).

Приведенная выше фразеологическая калька с английского (*the queen of the seas, the ruler of the waves* — *владычица морей*), ушедшая в пассивный словарный запас современного русского языка, продолжает частично

²⁹ См.: Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — С. 57.

использоваться как в художественной литературе, так и в публицистике в определенных стилистических целях, прежде всего — для воссоздания колорита далекой эпохи, атмосферы «старой доброй Англии». В таких случаях данная фразеологическая единица нередко сопровождается определением *бывшая*. В этой роли употребляется и ее вариант *империя на морях*. Ср.:

Британию когда-то называли «*империей на морях*».
Британский флот, как торговый, так и военный, когда-то лучшим был и самым мощным. (Труд. — 1979. — 28 февр.).

Следует подчеркнуть, что метафорическое употребление свойственно большинству фразеологических калек с английского, что, в первую очередь, обусловлено их образной насыщенностью, яркостью в оценке того или иного явления, богатой экспрессивностью (*выкурить трубку мира, коридоры власти* и мн. др.). Ср., например:

В прошлом году в центральной печати был опубликован ряд материалов, в которых упоминалась линия экстренной связи между Москвой и Вашингтоном, рассказывалось об истории ее создания ... Эту линию связи американцы с самого начала называли «*хот лайн*» — «*горячая линия*». К необходимости создания такой линии связи стороны пришли после «карибского кризиса» 1962 года. (АиФ. — 1989. — №7).

Наряду с таким образным средством, каким является рассмотренное выше употребление метафорических типов фразеологических калек, в современной русской публицистике широко используется и метонимия, характеризующая образный стержень рассматриваемых единиц (*белые воротнички, зеленые береты, круглый стол, медные каски* и др.):

Прекрасно изображались примелькавшиеся типы: «*белые воротнички*», сонные обыватели, потом — бунтующая молодежь. (Иностр. лит. — 1979. — №10); Многие «*синие воротнички*» стали «*белыми воротничками*». (Правда. — 1988. — 5 дек.).

Нередко в газетно-публицистическом стиле речи русского языка используются английские пословицы и поговорки для передачи национального колорита. Ср., например:

«*Скелет в шкафу*». Такое название английский журнал «Нью стейтсмен» предпослал статье своего автора Эда Харримана, перефразировав известное выражение «*У каждого свой скелет в шкафу*», означающее, что, мол, во всяком доме найдется тайна, которую ревниво оберегают от чужих. (Известия. — 1988. — 30 авг.); Воплощением политической философии Тэтчер стало выражение: «*Бесплатный сыр бывает только в мышеловке*». (Правда. — 1988. — 5 дек.).

В современной публицистике в особых стилистических целях используется целый пласт фразеологических калек с английского, обозначающих реалии Англии и Америки и не имеющих аналогов в русском языке. Ср. фразеологические кальки, относящиеся к истории Англии: *Столетняя война*, *война Алой и Белой роз*, *Оксфордские провизии* (конституция «бешеного парламента», 1258 г.), *Долгий парламент*, *Фабианское общество*, *голодные сороковые годы*, *беспутные девяностые годы* (XIX в.) и др.

Интересен прием стилистического использования фразеологического историзма К. Паустовским:

Четверть века назад Константину Паустовскому в дружеской анкете был предложен вопрос: каким ему видится современный литературный процесс? Писатель ответил

немедля и лаконично: «Война Алой и Серой Розы». (Лит. газета. — 1988. — 7 сент.).

В составе фразеологических калек, обозначающих исторические реалии Америки, можно выделить следующие единицы: *Бостонское чаепитие*, *верховенство поселенца*, *подпольная железная дорога* (система переброски белых рабов, XIX в.), *Американский легион* и др.

Наряду с фразеологическими кальками, обозначающими исторические реалии Англии и Америки, в публицистическом стиле современного русского языка часто употребляются и фразеологические кальки, отражающие современное государственное устройство и общественно-политическую жизнь этих стран.

В группу фразеологических калек с английского, отражающих политические реалии Англии, входят такие фразеологизмы, как *период охлаждения*, *работа по правилам* (вид забастовочной борьбы), *четвертое сословие* (ср. рус. *шестая держава*), *девственная речь* (первая речь нового члена парламента), *теневой кабинет* (оппозиция), *разделение власти*, *правило десяти минут* и др. Ср. примеры:

Она [часть парламента] осудила решение о санкциях и даже пригрозила, что будет голосовать против этих шагов правительства, если останется «*сидеть на своих руках*», т.е. воздержится от голосования. (Д. Краминов); Каждодневный рабочий цикл палаты общин начинается с «*времени вопросов*». В ходе обязательной часовой церемонии министры отвечают на вопросы Эм-Пи. (Комс. правда. — 1989. — 12 апр.); Лидер оппозиции, глава так называемого «*теневого кабинета*» — это не шутка: с ним вынуждены считаться и министры, и премьеры, и даже сам король. (Знамя. — 1981. — №8); Железнодорожники тогда начали

тоже «*работать по правилам*»: без сверхурочных, без ночных смен, с отдыхом в воскресенье — от и до. (В. Кобыш).

Прием комментирования фразеологической кальки, обозначающей реалию страны, с которой мало знаком читатель, помогает точнее понять содержание текста и, кроме того, имеет в каждом конкретном случае определенную стилистическую направленность.

К фразеологическим калькам с английского, обозначающим политические реалии Америки, относятся такие фразеологизмы, как *темная лошадка* (малоизвестный кандидат на президентских выборах), *беседа у камелька* (беседа президента с населением по радио и телевидению), *сенаторская любезность* (поддержка сенаторами друг друга во время назначения президентом лиц на государственные посты) и др. Ср. также:

В лексиконе предвыборной кампании есть выражения «*твердые деньги*» и «*мягкие деньги*». Первые — это субсидии, которые попадают под сферу влияния федеральных законов. Вторые — идущие кандидатам минув барьеры законодательства. (Известия. — 1988. — 18 сент.).

Встречаются случаи, когда иноязычные вкрапления в текстах публицистического характера нередко сопровождаются (или предваряются) соответствующими кальками, служащими своеобразным толкованием приведенной иноязычной фразеологической единицы. Ср.:

Эта конференция закрепила уже начавшийся отход от политики «*фритреда*» («*свободной торговли*») к политике протекционизма. (В. Рыжиков); Да и сам термин «*поток сознания*» (*the stream of consciousness*) был впервые пущен в

обращение В. Вулф и писателями «психологической школы».
(История зарубежной литературы XX века).

Функционируя главным образом в книжной речи, эти иноязычные вкрапления часто не выходят за границы узкоспециальных сфер и поэтому являются менее употребительными, чем соответствующие им фразеологические кальки, однако в последнее время некоторые из них получили достаточно широкое распространение; ср., например, такие, как: *to be or not to be* (быть или не быть), *time is money* (время — деньги), *gentlemen of fortune* (джентльмены удачи), *mass culture* (массовая культура), *trade-union* (профессиональный союз / профсоюз), *happy ending/end* (счастливый конец), *who is who* (кто есть кто), *fair play* (честная/справедливая игра) и нек. др.

И все же численный состав фразеологических калек преобладает над числом прямых заимствованных выражений из английского языка, функционирующих в большинстве случаев в транслитерированном виде, типа *Интеллидженс сервис* — *Intelligence Service* (собирательное наименование сети разведывательных служб Англии), *Даунинг стрит* — *Downing Street* (нередко употребляется в печати в качестве символа правительства Англии), *Джон Буль* — *John Bull*, вытеснившее ранее распространенную в русском языке кальку *Иван Бык* (нач. XIX в.) (ироническое название английской буржуазии), *Флит стрит* — *Fleet Street* (как название прессы в Англии) и др.

В отдельных случаях мы сталкиваемся со слиянием фразеологической кальки в слово: *блестящая изоляция* — *изоляциянизм*, *Уотергейтское дело* — *Уотергейт* и др.

Нельзя не отметить тот факт, что в последнее время в связи с расширением политических, торгово-экономических, научно-технических, культурных связей, появлением новых форм делового сотрудничества, расширением контактов граждан СССР, Америки и Англии, наблюдается активный приток английских слов и выражений. Наряду с активным употреблением слов-англизмов (ср. *истеблишмент, спонсор, маркетинг, инаугурация, менеджер* и др.), на страницах печати все чаще и чаще появляются и целые словесные блоки. Ср.:

Секреты «*ноу-хау*»... (Известия. — 1989. — 3 марта); Кто ты, *Middle American*. (Лит. газета. — 1989. — 3 мая); «*Black and White*». Мир начинает делиться на «*блек энд уайт*», на белое и черное. (Огонек. — 1989. — №7).

Порой некоторые иноязычные выражения становятся более распространенными, чем соответствующие им переводные словосочетания:

Термин «*ноу-хау*» знаком в основном специалистам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью. Однако сейчас, когда все больше советских предприятий и организаций получают выход на мировой рынок, изучение проблем, связанных с «*ноу-хау*», приобретает огромное значение для многих... С английского языка выражение «*ноу-хау*» переводится: «знать как». Однако дословный перевод мало что дает для понимания этого термина. (Известия. — 1989. — 3 марта); ...в ближайшем будущем мы [французская фирма.— *И.Н.*] намерены поставлять в СССР оборудование, технологию и «*ноу-хау*». (Правда. — 1989. — 1 мая)³⁰.

³⁰ *Know-How* — «необходимый опыт, уровень знаний; сумма знаний...» (Черная А.И. Словарь-справочник неологизмов в американской научно-технической литературе. — М., 1971).

Тем не менее, как отмечают исследователи, наиболее употребительными являются все-таки кальки, поскольку, вероятно, словосочетания из исконно русского языкового материала запоминаются легче и быстрее, чем незнакомые словесные блоки из других языков.

Изменение политического климата, приобретающее все большее распространение движение народной дипломатии, непосредственные контакты представителей всех слоев общества разных стран, в том числе и школьников, будут, несомненно, содействовать успешному овладению двумя мировыми языками — английским и русским. В свою очередь, знание языков, непосредственное общение явится мощным оружием в борьбе за мир, за взаимопонимание всех людей мира.

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАЛЬКАХ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ³¹

В составе общественно-политической терминологии русского языка выделяется многочисленный ярус фразеологических калек соответствующих английских выражений, ср.: *политика открытых дверей* (*open door policy*; Дж. Грей, 1901 г.), *политика большой дубинки* (*a big stick policy*; Т. Рузвельт, 1901 г.), *долларовая дипломатия* (*dollar diplomacy*; Тафт, 1909 г.), *Американский легион* (*American legion*; 1919 г.), *равновесие страха* (*balance of fear*; 1946 г.), *атомная дипломатия* (*atomic diplomacy*; 1946 г.), *общество изобилия* (*affluent society*; Дж. Гэлбрейт, 1957 г.), *коридоры власти* (*corridors of power*; Ч. Сноу, 1964 г.) и др.

В ходе эволюции фразеологических калек с английского на русской почве происходит модификация их семантической природы.

В данной статье мы обратимся к типологии возможных изменений семантической структуры фразеологических калек и их употреблению в русской речи.

При рассмотрении трансформации в семантике данных единиц следует прежде всего учитывать наличие или отсутствие корректирующей роли языка-источника, взаимодействия

³¹ О фразеологических кальках английского происхождения в сфере общественно-политической терминологии. — РЯШ, 1983, №3, С. 96–100.

двух контактирующих языков — русского и английского, оказывающих сильное влияние на формирование интернационального фонда общественно-политической терминологии.

В результате тесной взаимосвязи фразеологической кальки русского языка с языком-источником модификация значения фразеологической единицы английского языка нередко вызывает аналогичный процесс и в системе русского языка.

Так, функционирующий в русском языке термин *перекрестный допрос* восходит к английскому выражению *cross examination*, известному в языке-источнике с 1664 г. в значении «подвергнуть свидетеля допросу с целью проверки его показаний или установления фактов, не выявленных при прямом допросе».

Данная фразеологическая единица со временем расширила свой смысловой объем в Америке, где появился американизм *(the) third degree of cross examination* — «*третья степень перекрестного допроса*». В результате последующего эллипсиса лексического состава новой фразеологической единицы в английском языке в качестве самостоятельной фразеологической единицы начинает функционировать первая часть выражения — *третья степень* — *third degree*, обозначающая «длительный и суровый допрос с пристрастием подозреваемого лица полицией...». Популяризации данной единицы в значительной степени способствовало появление романа Эптона Синклера «Сто процентов» («Шпион»), при переводе которого и в русском языке распространилась фразеологическая калька *третья степень*. Одновременно анализируемая фразеологическая единица начинает функционировать и в английском языке Англии, который

заимствует из американского варианта уже новое выражение *the third degree*.

Таким образом, в русском языке получает распространение как фразеологическая калька исходного английского этимона *cross examination* — *перекрестный допрос*, так и ее трансформированная форма — *третья степень*.

Для семантической трансформации общественно-политического термина, представленного в русском языке фразеологической калькой с английского, характерен процесс генерализации, который в подавляющем большинстве случаев первоначально имеет место в языке-источнике, а в дальнейшем вызывает аналогичное изменение и в значении своего русского коррелята.

Общественно-политический термин *челночная дипломатия* (*Shuttle Diplomacy*) служил первоначально для обозначения краткосрочных поездок государственного секретаря Америки Г. Киссинджера на Ближний Восток в 70-е годы. Ср.:

Рядом с нефтяными магнатами сидели политики и, разумеется, творец приснопамятной «челночной дипломатии», бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер. (Правда, 1981, 8 авг.).

В конце 80-х годов это выражение приобретает обобщенное значение «дипломатические переговоры, сопровождаемые постоянными «челночными» поездками дипломатов из страны в страну»:

Что касается африканских обозревателей, то, по их мнению, результаты «челночной дипломатии» Запада приведут к повторению той ситуации, которая имела место в начале этого

года. (Правда, 1981, 13 ноября); Американская печать пишет о безрезультатности первой недели «челночной дипломатии» госсекретаря США А. Хейга. (Правда, 1982, 16 апр.); ...усилия США по достижению соглашения между Аргентиной и Англией находятся на «грани провала» уже второй раз в течение продолжающейся 11 дней «челночной дипломатии» Хейга (Правда, 1982, 20 апр.).

Данная фразеологическая калька с английского начинает активно функционировать и в общественно-политической терминологии русского языка, служа образцом для такой разновидности производства фразеологизмов, каким является «композиция с использованием не только модели, но и компонента образца»³². Ср.:

Между Вашингтоном и Исламабадом совершают челночные визиты многочисленные делегации и группы специалистов. (За рубежом, 1981, №39); Видимо, поэтому, спекулируя на некоторых результатах своей дипломатии... США попытались опробовать «челночную тактику» в Африке. (Проблемы мира и социализма, 1977, №2).

Последним новообразованием, входящим в рассматриваемый круг фразеологических единиц, является фразеологическая калька с английского *челночный корабль* (*shuttle spaceship*). В процессе употребления данного выражения в русском языке обычно происходит выпадение одного из компонентов полного состава фразеологической кальки *челночный космический корабль* — *челночный корабль*. Ср. примеры:

³² Шанский Н.М. Деривация слов и фразеологических оборотов.— В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 307.

Челночный космический корабль был спроектирован, прежде всего, для использования в военных целях. (Проблемы мира и социализма, 1981, №11); Запуск челночного корабля — важная веха в военной истории, таково мнение стратегов Пентагона (За рубежом, 1981, №16).

Судьбу данной фразеологической кальки в системе русского языка в настоящий момент трудно определить. Анализ употребления фразеологизма показывает, что сейчас, на начальном этапе своего функционирования, это иноязычное выражение используется как в калькированном виде, так и как прямой заимствованный оборот в транслитерированном и нетранслитерированном виде. Встречается также и использование описательного перевода рассматриваемой фразеологической единицы:

Программа использования космического пространства должна базироваться на применении космических кораблей многократного использования (типа «Шаттлз»). (Правда, 1981, 17 ноября).

Однако первой в перечисленном ряду фразеологических калек получила распространение фразеологическая единица *челночные операции*, мотивированность которой заключается в метафорическом переносе принципа действия челнока. Так, название *челночные операции* в период второй мировой войны получили военные действия авиации союзников, когда «самолеты Англии и Франции бомбили противника как при полете до советских аэродромов, так и на обратном пути»³³. Ср.:

³³ Никитина А. Челночные операции. — Военно-исторический журнал. 1975, №11.

К концу сентября 1944 года, когда советские войска значительно продвинулись на запад, а союзники — на восток, надобность в «челночных операциях» отпала (СВЭ, т. 8, с. 446).

Процесс генерализации характеризует и становление значения фразеологической кальки с английского *общество изобилия* (*affluent society*). Указанное выражение приобрело популярность в конце 50-х годов, обозначая «всеобщий рост материального благосостояния Британского общества». Термин был введен американским экономистом Джоном Гэлбрейтом (ср. его книгу «Общество изобилия», 1958 г.). В дальнейшем произошло обобщение смысла данного общественно-политического термина, который стал обозначать не только Британское общество, но и некую обобщенную буржуазную модель общества благосостояния.

В русском языке рассматриваемая фразеологическая калька наряду с этим значением получила и новые, дополнительные оттенки, имеющие социально-оценочное значение. Ср.:

Неопровержимые данные свидетельствуют, что в «обществе изобилия» и «высокого жизненного уровня» существует огромная армия людей, занятых в экономически отсталых секторах хозяйства. (В. Корионов).

Аналогичный семантический процесс характеризует и эволюцию значения общественно-политического термина *охота на ведьм* (*witch-hunt*), который, по свидетельству ряда лексикографических источников, получил название по аналогии с практикой средневекового религиозного фанатизма. В наши дни термин используется в тех случаях, когда речь идет о преследовании прогрессивных деятелей в США. Ср.:

Так же, как во времена «охоты на ведьм», правящая олигархия США при помощи социальной демагогии пытается отвести от себя обвинения в административно-судебном терроре против собственного населения (Известия, 1981, 25 авг.); Выходит, что любые попытки проанализировать и предать гласности действия секретных спецслужб — это новый вариант «охоты за ведьмами». (Правда, 1977, 13 авг.).

Примером сужения семантического объема значения фразеологической кальки именно в русском языке, независимо от языка-источника, является семантическая трансформация значения фразеологической единицы *нация лавочников* (*a nation of shopkeepers*; А. Смит, 1776). В английской лексикографии данная фразеологическая единица рассматривается как выражение, которое можно применить относительно любой нации, основные интересы которой сосредоточены на торговле, коммерции. Отмечается, что особенно часто данное выражение употребляется для характеристики Англии. В русском языке данный оборот применяется лишь в качестве стилистического синонима к словам *Англия, англичане*.

Рассматривая примеры толкования отдельных терминов общественно-политического характера в английской и американской литературе, следует отметить тенденцию стирания политической окраски термина путем нивелировки его социального значения. Так, термину *кризис доверия* (*credibility gap*) в учебном словаре Хорнби, предназначенном для студентов, изучающих английский язык, дается следующая характеристика: «разница между тем, что говорят, и тем, что является правдой» (Оксфорд, 1944). Ср., однако:

Шестнадцать лет назад газета «Геральд трибюн» пустила в оборот выражение «кризис доверия». Им обозначили глубокую пропасть, отделившую американских избирателей

от сановных плутов в Вашингтоне. «Грязная война» в Индокитае, Уотергейт, хронические скандалы на Капитолии сделали фразу крылатой. (Комс. правда, 1981, 24 мая); Джонсон так и не смог освоить премудрость двойного обмана, и в результате в нашем политическом словаре появилось новое выражение «кризис доверия». (США, 1970, №2); Кризис доверия — это короткая, но, пожалуй, достаточно точная оценка, которая наиболее часто и с полным основанием дается состоянию политики США в 70-е годы. (Проблемы мира и социализма, 1977, №6).

Значение фразеологической единицы *долларовая дипломатия* в лексическом пособии Брувера (Лондон, 1970) раскрывается следующим образом «оказывать необходимую помощь и поддержку любому американскому предприятию за рубежом, которое приносит прибыль».

Истинное значение данного общественно-политического термина, представленного фразеологической калькой с английского, — «экспансионистская политика США, направленная на закабаление других стран американскими монополиями... нарицательное обозначение империалистических акций США, подчеркивающее классовую обусловленность американской внешней политики» («Краткий политический словарь»). Ср.:

С помощью «большой дубинки» и «дипломатии доллара» Вашингтон продолжал направлять народное антиимпериалистическое движение. (В. Корионов).

Процессы дифференциации употребления тех или иных общественно-политических терминов, наполнения их нередко конкретным социально-оценочным смыслом социально-детерминированы. В русском языке можно выделить, с одной стороны, группу омонимичных выражений, часть из которых

представлена исконно русскими устойчивыми словосочетаниями, возникшими без какого-либо иноязычного воздействия и обозначающими явления социалистической действительности, а с другой стороны — пласт омонимичных фразеологических калек с английского, совпадающих с единицами первой группы лишь в плане выражения; ср. *свободное общество* — *свободное общество (free society)*, *защита прав человека* — *защита прав человека (defence of human rights)* и др.

Методологические основы анализа употребления в русском языке общественно-политического термина, представленного в русском языке фразеологической калькой с английского, требуют строгого учета классовой, партийной сущности рассматриваемого понятия и реальных мотивов появления соответствующей единицы в языке-источнике.

В условиях современной международной обстановки, когда империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели, он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих истинный смысл его намерений³⁴.

Искажение классовой сущности политического явления, его неправильная социальная оценка, заключенная в том или ином общественно-политическом термине, характеризующемся расхождением между буквальным значением его компонентов и действительным смыслом данной языковой единицы, приводит к сознательной дезориентации читателей.

Строгий учет объективности характеристики того или иного политического явления, заключенной в соответствующую

³⁴ См.: Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 5–17 июня 1969 г. — М., 1969, с. 78.

шей фразеологической кальке с английского языка, позволяет условно выделить две группы единиц: 1) позитивнооценочные и 2) негативнооценочные фразеологические кальки.

Немногочисленная по своему составу группа позитивнооценочных фразеологических калек дает объективную политическую оценку социальному явлению, обозначенному соответствующим общественно-политическим термином. К данной группе относятся такие фразеологические кальки с английского, как *желтая пресса* (*yellow press*; 1896 г.), *политика большой дубинки* (*a big stick policy*; Рузвельт, 1901 г.) и др. Большинство фразеологических калек данной группы обладают отрицательной экспрессивностью. Нередко создателем таких устойчивых выражений, впоследствии становящихся составной частью общественно-политической терминологии ряда языков мира, формируя тем самым интернациональный пласт общественно-политической терминологии, являются прогрессивные общественные деятели Англии и Америки.

Наиболее многочисленная по своему составу группа негативнооценочных фразеологических калек с английского, отражающих основную тенденцию официальной политики мира капитала: затушевывать истинный смысл явлений, «выкручивать руки фактам»; ср. *бремя белого человека* (*white man's burden*; Р. Киплинг, 1899 г.), *американская модель* (*American model*), *общество изобилия* (*affluent society*), *Великое общество* (*the Great society*; Л. Джонсон, 1964 г.), *нулевое решение* (*zero solution*; Р. Рейган, 1981 г.) и др. Ср. примеры:

Визит проходил в весьма интересное с политической точки зрения время... спустя лишь несколько дней после того, как президент США Р. Рейган в качестве американской стратегии на переговорах назвал предложение о «нулевом решении». (За

рубежом, 1981, №48). В чем суть этого «нулевого решения»? От Советского Союза требуют в одностороннем порядке разоружаться... (Неделя, 1981, №48).

Общественно-политический термин, введенный в оборот Р. Рейганом, в русском языке наполняется новым содержанием, соответствующим истинному смыслу такого решения, ср.:

Таким образом, Советский Союз выступает за то, чтобы в конечном счете Европа стала свободной от ядерного оружия и средней дальности, и тактического. Вот это было бы подлинным «нулевым решением» в противовес предложенному США фальшивому «нулевому решению» (Правда, 1981, 29 ноября).

Следовательно, в русском языке происходит семантический сдвиг в значении фразеологической кальки *нулевое решение*, в результате которого расширяется ее смысловая структура, включающая в свой состав в настоящее время два значения данной единицы: первое — из языка-источника, второе — приобретенное на русской почве.

Одновременно в русском языке начинает функционировать вторая фразеологическая калька с английского — *нулевой выбор*, дающая действительно объективную оценку рассмотренному выше предложению Р. Рейгана. Ср.:

Чего стоит предложение, выдвинутое президентом Рейганом в его речи от 18 ноября? Это предложение стали называть «нулевым выбором». (За рубежом, 1981, №48).

Так негативнооценочная фразеологическая калька с английского заменяется ее позитивнооценочным вариантом,

характеризующимся единством подлинного смысла выражения и его названия.

Для выявления конкретного языкового материала источника той или иной фразеологической кальки большое значение имеет возможность точной хронологической фиксации возникновения единиц, установление их автора. Часто распространению фразы способствует популярность той исторической личности, того политического деятеля, которым приписывается авторство. Так, фразеологизм *доктрина Монро* связывается с посланием президента США Дж. Монро (2 дек. 1823 г.) Конгрессу. Как свидетельствует «Советская военная энциклопедия», фактическим автором доктрины был государственный секретарь США Джон Адамс, но широкому кругу носителей как английского, так и русского языков эта доктрина известна только как «доктрина Монро».

Точно так же популярность выражения *военно-промышленный комплекс* связывается с личностью президента Эйзенхауэра, хотя автором этого термина является его помощник М. Мосс (данные «Вашингтон Пост» за 1969 г.).

Основными источниками, пополняющими сферу общественно-политической терминологии фразеологическими кальками, являются: 1) сфера международных отношений (*ср. джентльменское соглашение, Великие державы, третий рынок, Совет Безопасности, Организация Объединенных Наций*); 2) военное дело (*американский легион*); 3) политическая экономия (*теория большого бизнеса, теория уравнивающей силы*); 4) публицистика (*век среднего человека, шестьдесят семейств*); 5) художественная литература (*коридоры власти — Ч. Сноу; тихий американец — Г. Грин; гроздь гнева — Дж. Стейнбек*).

В современном мире, в условиях тесных международных контактов, фразеологические единицы очень интенсивно проникают во взаимодействующие языки. В условиях обострения международной напряженности, активизации идеологических происков и диверсий империализма исследование фразеологических калек с английского в русской общественно-политической терминологии, являющейся ведущим пропагандистским средством идеологического воздействия, приобретает особую актуальность.

В нормативном плане особое значение приобретают объективные научные данные. Знание истории возникновения конкретного фразеологического оборота, появившегося в результате калькирования с иноязычного прототипа, дает возможность говорящим по-русски правильно использовать данную конструкцию в речи, не нарушая норм родного языка.

Факты, приведенные в статье, могут быть использованы учителем-словесником в процессе изучения соответствующего раздела русского языка, а также на уроках и факультативных занятиях по английскому языку, что будет способствовать осуществлению межпредметных связей в преподавании языков.

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ³⁵

На рубеже XX–XXI вв в динамике языковых контактов, взаимодействия и взаимовлияния языков из-за сложившейся в мире социальной и языковой ситуации первая скрипка принадлежит английскому языку. Это обстоятельство, отмечаемое многими исследователями как языковый империализм английского языка, привело к небывалому притоку заимствований в русский язык как слов, так и фразеологизмов.

Англизмы первоначально появляются в нем как окказиональные новообразования, но затем, в силу все расширяющегося билингвизма, а также беспрецедентной пропаганды СМИ американского образа жизни и языковой моды, в результате своего регулярного применения, быстро приобретают статус общеупотребительных.

Большая часть таких новообразований представлена, безусловно, интернациональной терминологией, отражающей стремительный научно-технический прогресс. Она законно приобретает признание в различных языках мира (и в виде прямых заимствований, и в виде калек). Современный мир сейчас фигурально можно представить как «глобальную

³⁵ О некоторых лексических и фразеологических неологизмах английского происхождения в русском языке. — РЯШ, 2004, №1, с. 89–91.

деревню», окутанную «всемирной сетью-паутиной», где яростно «щелкают мыши» и постоянно появляются новые «логины» и «паролы» (т.е. пароли) новых пользователей электронных почтовых ящиков. А. Троллоп, являющийся автором выражения *почтовый ящик*, поразившего в свое время Л.Н. Толстого, был бы изумлен, узнав, что ровно через век человечество будет пользоваться уже услугами электронной почты, создателем которой является Рэй Томлинсон (1971). В русском языке выражение *электронная почта* обретает популярность в конце 90-х годов, употребляясь как в иноязычном облике — *E-mail*, так и в его переводном варианте — *электронная почта*. Сравним этот термин с неологизмом английского происхождения, возникшим в наши дни по вышеуказанной модели: *электронная книга (electronic book)*:

Японские ученые «напечатали» первую в мире электронную книгу. Е-book — назвали ее создатели. Е-book очень скоро появится на прилавках книжных магазинов Японии и продаваться будет за \$800. (Иностранец. — 2001. — 17 апр.).

В процессе ассимиляции новые устойчивые словосочетания, тяготея не только к слиянию в смысловом отношении, но и к целостности и неделимости формы, переходят нередко в разряд слов, тем самым постоянно размывая границы фразеологического и лексического составов перенимавшего их языка. В процессе универбации, отражающем закон экономии языковых средств, появляются новые образные номинативные единицы. Универбация в таком случае может быть разного характера.

1. Исходные фразеологизмы превращаются в сложные слова, которые первоначально пишутся через дефис, а затем

слитно (*имиджмейкер, спичрайтер, бойфренд, таймиер* и др.).

2. Английское выражение сокращает число своих компонентов, оставляя в качестве смыслообразующего одно стержневое слово.

Так в русском языке появляется полукалька английского выражения *Cellular telephone / cellphone* — *сотовый телефон*, впоследствии встречающаяся в общеупотребительной речи в виде слова *сотовый*. Ее синоним *мобильный телефон (mobile telephone / mobile)* рождает слово *мобильный*, которое, ассимилируясь в нашем языке, образует в свою очередь существительное *мобильник*.

В связи с последним случаем небезынтересно напомнить, что в XVIII в. Джонатан Свифт протестовал против употребления в английском языке так называемого «клипа» — сокращения *mob* вместо полной формы *mobile*, предпочитая использовать латинское выражение *mobile vulgus* вместо сокращенной формы *mob*. (New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language, 1993, p. XVI). Но и английский, и русский языки в XX в. доказали свою приверженность к кратким и емким словесным образованиям.

Некоторые заимствованные устойчивые номинации впоследствии употребляются и как прямые заимствования в виде сложного слова, и как переводные словосочетания, расшифровывающие значение заимствованного слова, его образность и метафоричность.

Например, заимствованное слово *Internet*, появившееся в английском языке в 1974 г. (его автор — В. Серф) и распространившееся в русском языке в 80-е годы прошлого века, к настоящему времени приобрело у нас широкую популярность. Рассматриваемое существительное прочно

ассимилировалось в русском языке и используется сейчас как в нетранслитерированном, так и в транслитерированном виде. Оно склоняется по падежам и развивает свои деривационные способности (*интернетовский, интернет-провайдер* и др.), прочно войдя в языковую ткань нашего языка. Однако в современном русском языке нового тысячелетия нередко встречаются и его переводные эквиваленты *Всемирная паутина, Всемирная / глобальная сеть*, которые тоже нередко сокращают свой лексический состав до одного компонента — *сеть / паутина*. Ср.:

Эти изысканные выражения любой желающий может прочитать в Интернете. Впрочем, тех, кто хоть немного знаком со всемирной паутиной, подобные перлы не удивляют. (АиФ в Украине. — 2000. — №52).

3. Заимствованное выражение нередко сливается в русском языке в слово-аббревиатуру.

Так, заимствуя устойчивое выражение *public relations*, в дальнейшем русский язык отдает предпочтение его переводному эквиваленту *связи с общественностью*. Наряду с переводным вариантом в языке начинает функционировать и слово, представляющее аббревиацию из начальных букв заимствованного выражения: *PR = пиар*, продуктивно создавая на своей основе новые слова (ср. *пиарищик, пиаровский*).

4. Многие из фразеологических неологизмов английского происхождения, получивших в настоящее время распространение в русском языке, в историческом плане представляют собой заимствования устойчивых словосочетаний в прошлом. Они как бы получают свое второе рождение в современный период развития рассматриваемого языка.

Так, в 1903 г. в русской лексикографии зафиксировано употребление слова *клиринс-гаус* (в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке», составленном И.Ф. Бурдоном и А.Д. Михельсоном).

Данное слово восходит к английскому выражению *Clearing house* (впоследствии слово *clearing-house*), которое фиксируется словарями с 1832 г. Ср.:

Clearing House, clearing-house. 1832. An institution in London established by the bankers for the adjustment of their mutual claims for the cheques and bolls, by exchanging them and setting the balances. (Shorter Oxford English Dictionary. — Oxford: Clarendon, 1967. — P. 322).

В американском варианте английского языка на основе данного фразеологизма появляется слово *Clearinghouse*, приобретающее дополнительное значение, ср.:

CLEARINGHOUSE n. 1. An establishment maintained by banks for setting mutual claims and accounts. 2. A central agency for collection, classification and distribution esp. of information. (Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. — Springfield: Merriam CO., 1967. — P. 154).

В русском языке фразеологическая полукалька *клиринговая палата* или фразеологическая калька *расчетная палата* означает: «специальная организация в ряде стран мира, играющая основную роль в системе безналичных расчетов» (Энциклопедический словарь бизнесмена. — Киев, 1993. — С. 601).

В наше время начинают широко использоваться и такие фразеологические неологизмы, как полукальки английского выражения: *валютный клиринг* — *currency clearing*, *клиринговый рынок* — *clearing market*, *клиринговый центр* — *clearing centre* и ряд других новообразований.

Как видим, новые лексические и фразеологические заимствования русского языка во всем своем многообразии отражают внеязыковые процессы, происходящие в современном мире. Глобализация всех сфер жизни расширяет навигационные пути слов и выражений в современных языках, отдавая предпочтение (не без усилий СМИ) наиболее актуальным, образным и метким обозначениям новых реалий.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ СЛОВА³⁶

Сейчас практически почти все школьники старшего возраста работают с компьютером, погружающим их в океан самой разнообразной информации интернетного мира. Им хорошо известны компьютерные термины. Но вряд ли они достаточно знакомы с их историей. Между тем знание истории этих лексических единиц позволяет еще глубже проникнуть в загадки виртуального пространства Вселенной, проследить появление в русском языке популярных слов и выражений, внесенных в нашу жизнь вихрем информационных открытий и позволивших нам перешагнуть за границы знакомого мира.

Уже в середине 70-х годов прошлого века большое количество компьютерной техники, привезенной из разных стран, заставляло компьютерщиков в самые краткие сроки переводить техническую документацию с английского языка. Условия рынка вынуждали использовать готовые английские термины, не заботясь о поиске их адекватного соответствия в русском языке. Вычислительные машины в 1975 г. сменили персональные компьютеры, которые затем объединились в единую сеть. В 80-е годы XX в. появились *сетевые компьютеры* > *net computers*:

Идея сетевого компьютера не зародилась внезапно в головах лидеров прогресса, она перекочевала в них из времен начала всеобщей компьютеризации... Некогда обуревавшие

³⁶ Компьютерные слова. — Русский язык в школе и дома, 2004, №6, С. 15-18.

Билла Гейтса мечты поставить компьютер на каждый стол теперь находит свое зримое воплощение. (Мир Internet. — 1997. — № 5. — С. 32).

После новых побед в информатике посыпались, как из рога изобилия, такие термины, как *сканер, принтер, монитор*. К ним скоро присоединились определения, поясняющие их молниеносно возрастающий технологический уровень — *матричный принтер, лазерный принтер, сетевой принтер* и т.д.:

Как известно, сетевой принтер обычно стоит в стороне от «больших дорог». Он тихо жужжит где-нибудь в уголке и не требует неусыпного надзора. (МИР ПК. 1997. — Май. С. 24); Лазерные принтеры: весенние новинки. (МИР ПК. — 1997. — Май. — С. 37).

Рядовой *пользователь* («user») был уже знаком с главным отличием монитора (>monitor) от телевизора. Ср.:

Хороший монитор по сравнению со средним телевизором — все равно, что новый «Мерседес» рядом с потрепанным «Запорожцем». Функционально и конструктивно компьютерный монитор и телевизор — это почти одно и то же, но монитор, подобно «Мерседесу», относится к моделям высшего класса» (Мир ПК. — 1997. — Май. — С. 168).

90-е годы прошлого века принесли ощущение единства и сообщества землян, жителей глобальной деревни, впервые осваивающих просторы виртуального пространства.

Сам термин *виртуальная реальность* возник всего двадцать лет назад. Электронная версия словаря Вебстера дает следующее определение данного термина: «Виртуальная реальность, реалистическое моделирование среды, представленное посредством трехмерной графики компьютера». (рус. пер.).

Выражение *The Global Village* < глобальная деревня родилось в английском языке намного раньше — в 1968 г. Путевку в жизнь данному словосочетанию дала книга М. Маклюэна и К. Фиоре «Война и мир в глобальной деревне». Ср.:

Новые электронные средства массовой коммуникации превращают мир в подобие глобальной деревни». (Душенко К.В. Словарь современных цитат. — М., 2002. — С. 19).

Начались блуждания в Сети, «подглядывание» в окна вселенной — *броузеринг*, *навигация* и *серфинг* по шлюзам информационных потоков, что принесло новые ассоциации и понятия.

Появились *хосты* (>*hosts*), *домены* (>*domens*) (адреса сервера), *терминалы* (>*Data Terminal Equipment*), открылись *ворота* (>*gates*), *почтовые шлюзы* (>*gatemails*). Началась оживленная *навигация* в виртуальном пространстве, которая предлагала разнообразные возможности выбора, так называемые *навигационные меню* (>*navigation menu*). Метафорически паутину можно представить не только как сеть, но и как необъятные водные просторы. Имя прародителя виртуальной сети В. Серфа послужило деривационной основой для появления такого слова, как *серфинг*.

В 1972 г. В. Серфом и Б. Кантом был организован проект «Ethernetning». В рамках этого проекта были разработаны все теоретические принципы современной глобальной информационной сети. Термин *Internet* для обозначения Сети был введен В. Серфом.

Броузер WWW и *Паутина* были им представлены в Интернете в 1974 г. Слово *Интернет* происходит от

выражения *Interconnected networks* (*inter+network* < *Internet*), т.е. в узком смысле — это глобальное сообщество малых и больших сетей.

В более широком смысле — это глобальное информационное пространство, хранящее огромное количество информации на миллионах компьютеров, которые обмениваются данными. World Wide Web — всемирная информационная паутина в сети Internet. Следовательно, слова *Интернет*, *Всемирная паутина*, *Сеть* на самом деле не являются полными синонимами, хотя очень часто они взаимозаменяемы в разговорной речи русского языка. Ср.:

Эти книги необходимы постоянно — вне зависимости от того, издаются они на бумаге или в Сети. И именно здесь Internet и World Wide Web могут оказать существенную помощь. (Мир Интернет. — 1996. — №3. — С. 18).

Т. Нельсон в 70-х годах XX в. предложил идею *гипертекста* (>*hypertext*), которая позволяла объединить всю информацию в мире в одну огромную гипертекстовую систему. Гипертекстовый документ содержит видимые ссылки на другие документы, которые и позволяют перемещаться в гипертекстовом компьютерном пространстве из одного документа в другой.

В те же годы английский ученый Д. Дэвид ввел в употребление термин *пакетная документация* — по сети данные передаются разбитыми на части, порции, которые и называются пакетами.

Спустя двадцать лет, в 1993 г., Д. Энгельбард сделал ряд выдающихся технических изобретений. К их числу относятся: «мышь» (*mouse*), многооконный интерфейс и функциональная клавиатура. С тех пор в английском языке появился прототип манипулятора *joystick* < *джойстик* «палочка радости»,

используемая в мультимедийных играх, *mouse* — мышь, мышка, которой «щелкали», «кликали», уподобляя русские слова английскому звучанию слова *click* (ср. *Click a mouse, щелкнуть мышью*).

В конце 90-х появляется и первый текстовый броузер, обозначаемый буквосочетанием *www*, сейчас известный каждому рядовому пользователю компьютера. Эта программа была первой из заявленных на Internet интерфейсов доступа к World Wide Web.

Слово *browser* в процессе своей ассимиляции в русском языке стало употребляться в двух вариантах — *броузер* и *браузер*, последнее из которых является результатом неправильного транслитерирования английского слова.

В Сети возникали не только цифровые обозначения, но и слова, как новые, так и имевшие свою предысторию в языке. Так, например, слово *домен* > *domain* произошло от латинского *dominium* «владение». Ср.:

Доменом в средневековой Европе называлась часть поместья, где феодал вел свое собственное хозяйство при помощи наемных рабочих или безземельных крестьян. Такое же название получила часть сети Интернет, выделенная по именному критерию. Домены отдаются во владение различным организациям, которые отвечают за их поддержку. (Мир Internet. — 1998. — №1. — С. 38).

Каждый владелец виртуального почтового ящика имеет свой надел «виртуального пространства» в избранной им интернетовской компании, позволяющей обмениваться пакетами информации посредством электронной почты. Американский исследователь Р. Томлинсон впервые в 1971 г. предложил почтовую программу для пересылки сообщений по

Сети. Лексикографические источники английского языка датируют появление данного выражения 1975 — 1980 гг.

В русском языке выражение *электронная почта* обретает популярность лишь в конце 90-х годов XX в., употребляясь как в иноязычном облике — *E-mail*, так и в виде кальки — *электронная почта*. Ср.:

С тех пор более чем на десять лет электронная почта стала крупнейшим сетевым приложением. Для своего времени она была тем же, чем в наши дни является Всемирная паутина — исключительно мощным катализатором роста всех видов потоков данных. (Управление персоналом. — 2001. — №1. — С. 80).

Пользователям (*users*) электронной почты знакома такая почтовая услуга, как «*пометить как спам*». Синонимом данного выражения является *мусорная почта* (> *junk mail*), которая выбрасывает ненужную адресату почту в виртуальную помойку. Пейоративные коннотации данное слово приобрело именно в терминологии информационных технологий. Ср.:

«Spam» (далее спэм) — термин, появившийся в Internet после телешоу актеров из группы Monty Python <...>, которые во время представления ни с того ни с сего разражались рекламой колбасного фарша Spam. В Internet спэм — это непрошенная реклама, рассылаемая по электронной почте в личные почтовые ящики или телеконференции. (Мир Internet. — 1997. — №5. — С. 20–21).

Появление все новых реалий в нашей жизни, благодаря новым победам компьютерных завоеваний, вносит и их новые обозначения в языке.

Первое интернет-кафе «Cyberia» появилось в 1994 г. в Лондоне, открыв людям возможность говорить и общаться в

онлайновом (on-line) режиме (в режиме реального времени). Раздвигая преграды пространства, люди общаются, «болтают о пустяках» (первоначальное значение слова *chat* (<*chatter*) — «болтать»). У нас появляются *чаты*, *чатрумы* (>*chat rooms*) — места для бесед и т.д.

В 30-е годы прошлого столетия в русском языке появилось выражение *беседа у камелька* (фразеологическая калька англ. *fireside chat*), введенное в оборот Ф. Рузвельтом, который употребил его 12 марта 1933 г. в качестве названия радиорепортажа. На наших глазах появилось новое значение фразеологизма *fireside chat* < *беседа у камелька*. Осколок данного выражения *chat* несет смысловую нагрузку всего выражения, обновляя свое содержание: «поболтать, излить душу на сайте, возможность поделиться своими мыслями в виртуальном «комфортном» режиме, сидя дома, в любимом кресле».

Глобализация всех сфер жизни расширяет навигационные пути слов и выражений в современных языках, отдавая предпочтение наиболее актуальным — образным и метким названиям. Поиски единого языка, позволяющего перешагнуть языковые, временные и пространственные преграды, создает интернациональный язык компьютерной терминологии, быстро меняющийся и адаптирующийся к условиям каждого из перенимающих его языков.

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ³⁷

Общности русской и английской фразеологии обусловлены как независимым появлением в рассматриваемых языках, так и языковыми контактами, языковой конвергенцией. Очень часто фразеологизмы заимствованного происхождения как бы тщательно скрывают свои иноязычные корни, не пополняя словарные своды историко-этимологических изданий, исследующих происхождение фразеологизмов современного русского языка.

В данной статье мы рассмотрим англоязычные истоки широко распространенных в русском языке выражений (*путь к сердцу мужчины лежит через его желудок* > *путь к сердцу англичанина лежит через его желудок* и *быть в нужном месте в нужный час*), являющихся фразеологическими заимствованиями переводного характера.

В русской лексикографии нет ссылок на иноязычное происхождение первой из приведенных выше фразеологических единиц. С одной стороны, она воспринимается носителями языка как народная мудрость. Ср.:

Согласно старой русской пословице "*Путь к сердцу мужчины лежит через желудок*" [<http://kviko4ka.ucoz.com/forum/10-230-1>];

³⁷In: La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas. Tomo II. Granada" 8-10 septiembre de 2010. – Granada, 2010, p. 1326-1331.

Старая народная мудрость утверждает: *"Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок!"*

[news.meta.ua/single/2009-07-13500631];

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок», – гласит народная мудрость

[<http://www.1tv.ru/documentary/fi6754/sn6/fd201208121300>];

Эта старая бабушкина премудрость, что *путь к сердцу мужчины лежит через его желудок, вот и все*

[<http://www.mary-kay.in.ua/forum/topic/section/69.html>];

«Эволюция данной поговорки так же сложна, как и столь непрямолинейный *путь к сердцу мужчины*». Ср.: *"The way to a man's heart is through his stomach, "The evolution of this saying appears to be almost as indirect as the route to a man's heart"* [<http://www.city-data.com/forum/relationships/719903-women-who-cannot-find-man-should.html>].

С другой стороны, ее авторство приписывается разным историческим личностям. Ср.:

Не противоречите ли вы афоризму “Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок”? Первоначально этот афоризм звучал совсем иначе. Его автором был Наполеон, который сказал: “Путь к сердцу Солдата лежит через его желудок” (Комс. правда. – 1993- 20 августа).

В русской лексикографии трудно найти ссылки на этимологию данного выражения. Однако английская фразеография, в частности Oxford Dictionary of English Proverbs (1970: 172), приводит сведения о ее английских корнях – *Путь к сердцу англичанина лежит через его желудок*:

Way to an Englishman's heart, ch. 30 'Christmas dinners will be much to request'. 'There is a saying that *the way to an Englishman's heart is through his stomach*'.

По сведениям англоязычных лексикографических источников, фразеологический оборот, превратившийся впоследствии в пословицу как в английском, так и в русском языках *Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок* > *The way to a man's heart is through his stomach* обязан своим происхождением американской писательнице Саре Пейсон (Sara Payson) (1811-1871), известной под псевдонимом Fanny Fern. В своем произведении "Willis Parton" она впервые употребила упомянутый оборот³⁸.

Однако упоминание о данном выражении можно найти еще в начале 19 века, в 1814 году. Американский политический деятель Джон Адамс использует этот оборот в своем письме: *'The shortest road to men's hearts is down their throats'*. Ср. *Наискратчайший путь к сердцам мужчин лежит ниже их горла* (пер. – И.Н).

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок — анонимное английское изречение; первые варианты относятся к началу XIX в. [<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=101542>].

Спустя тридцать лет, в 1845 году, в «Путеводителе для путешественников по Испании» Ричард Форд советовал помнить о том, что *"The way to many an honest heart lies through the belly"* (Ср. *Путь ко многим честным сердцам лежит через желудок/живот*) (пер. – И.Н).

³⁸ См.: http://www.giga-usa.com/quotes/authors/sara_payson_a001.htm

В 1857 году Мьюлок в 'John Halifax, Gentleman' заметила, что *желудок был путем к сердцу англичанина*. Ср.:

A few years later, Miss Mulock observed in 'John Halifax, Gentleman' (1857) that *the stomach was the way to an Englishman's heart*.

По данным словаря Stuart Flexner и Doris Flexner (1993), лишь через 15 лет Fanny Fern расширила смысл данного выражения, придав ему известную в наше время смысловую формулу - подразумевая всех мужчин. Ср.:

"Fifteen years after that, the writer Fanny Fern broadened the idea to include all men in 'Willis Parton' (c. 1872), rendering the saying in its current form". From "Wise Words and Wives' Tales: The Origins, Meanings and Time-Honored Wisdom of Proverbs and Folk Sayings Old and New" by Stuart Flexner and Doris Flexner (Avon Books, New York, 1993)³⁹.

Как в русской, так и в английской фразеографии данное выражение зафиксировано в своем преобразованном виде – *путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*.

В русском языке генерализация семантического значения рассматриваемой единицы скрыта, так как ссылка на ее этимон отсутствует. В «Словаре употребительных английских пословиц» М.В. Буковской она фигурирует лишь в качестве варианта рассматриваемого выражения. Ср.:

309. The way to a man's heart is through his stomach. Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок // Расположения человека можно добиться хорошей кухней (пищей).

³⁹ См.: http://www.phrases.org.uk/bulletin_board/24/messages/1003.html

Var. The way to an Englishman's heart is (lies) through his stomach. [Вариант. Путь к сердцу англичанина лежит через его желудок] (пер.- И.Н.).

Syn. A hungry man is an angry man. A hungry belly has no ears .

Ср. Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Голодное брюхо ко всему глухо. Не до пляски, не до шутки, когда пусто в желудке» (Буковская 1990: 183-184).

В этом же справочном издании в качестве иллюстративного материала приводится оригинальный текст, в котором была использована данная фраза Сарой Патон:

The chief privilege of food, well appointed cells, ample literature, art and hobbies, and mixing freely with others would form the basis of internal satisfaction. They say that the old adage, "*The way to a man's heart is through his stomach*", experimentally sound, that this is the privilege of conversing with others is sufficient to spur the laziest and most difficult (Paton).

В словаре С.С. Кузьмина (2001: 480) русское выражение и его точное английское соответствие упоминаются без этимологического комментария. Ср.:

Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. = *The way to a man's heart is through his stomach.* Путь к сердцу потребителя лежит через его желудок. Этот лозунг успешно применяет фирма, торгующая холодильниками, мясорубками, и др. техникой для кухни.

В современном английском языке часто можно встретить употребление и выражения *путь к сердцу англичанина лежит через его желудок.*

There's a saying that *the way to an Englishman's heart is through his stomach*. So, perhaps you'll get justice by spring [digital.library.upenn.edu/women/craik/john/john-XXX.html];

The way to a man's heart is through his stomach – the way to an Englishman's heart is through his stomach
[http://www.multitran.ru/c/m.exe?CL=1&s=The+way+to+a+man
%27s+heart+is+through+his+stomach+&l=1];

The way to an Englishman's heart is through his stomach
[http://www.giga-usa.com/quotes/topics/proverbs_t330.htm].

В стилистических целях используются различные замены в компонентном составе фразеологического выражения. Так, Агата Кристи использует трансформированное выражение для характеристики своей героини (ср. *путь к ее сердцу лежал через ее стряпню*). Cf.:

Marjorie was a first-class cook and *the way to her heart lay through her cooking*. Poirot had visited her in the kitchen, praised certain dishes with discernment, and Majorie, realising that there was someone who knew what he was talking about, hailed him immediately as a fellow spirit” (Christie).

Ср. Маржори была первоклассной поварихой, и путь к ее сердцу лежал через ее стряпню... (Кристи. Цит. по Буковская 2001: 184).

В русском языке разнообразны стилистические приемы использования рассматриваемой единицы. Ср.:

Путь к сердцу любого подданного Елизаветы II лежит, несомненно, через его сад...» [www.voyagemagazine.ru/articles/295];

«*Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок*» — анонимное английское изречение; первые варианты относятся к

началу XIX в. [<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=101542>];

Путь к душе народа лежит через собственное сердце и желудок (Комс. правда. – 1993 – 26 мая);

Путь к сердцу мужчины лежит через ... понимание!
[<http://ladyblissme.ru/?p=1881>];

А секрет то оказывается в том, что *путь к сердцу женщины лежит через увеличение её чувства собственной важности*
[<http://archgenius.ru/node/34>].

Как в русском, так и в английском языках утвердились осколки данного выражения: *путь к сердцу мужчины* < *путь к сердцу* = *the way to the heart of a man* < *the way to the heart*, отражая принцип языковой экономии.

2. В отличие от анонимного в русской лексикографии выражения *Путь к сердцу мужчины* английский фразеологический оборот *The right man in the right place* утвердился в русском языке как в своем иноязычном облике, так и в переводном варианте еще в начале 20 века.

Так М. Михельсон (2006: 340) приводит следующие сведения о данной единице в своем «Толковом словаре иностранных слов, пословиц и поговорок»:

«340. Настоящий человек на настоящем месте.

Ср. «Белинский, как литературный критик, был именно тем, что англичане называют – *the right man in the right place*, *настоящий человек на настоящем месте*». Тургенев. Заметки.

Ср. *The right man in the right place*.

A.H. Lyard. House of Commons. 15 Jan.1855».

Данное выражение приводится и в списке английских выражений, использующихся в исконной форме в русском языке – *The right man in the right place*.

В словаре А.М. Бабкина и В.В. Шендецова (1981: 479) дается следующее толкование рассматриваемого оборота:

«The right man in the right place. англ. Настоящий человек на надлежащем месте. О человеке, который способен лучшим образом справиться со своим делом. Примеры, иллюстрирующие использование в русском языке указанного выражения в его исконном виде, отличаются предложной формой выражения. Ср.

«Именно про актера больше всего можно сказать, что он-то именно бывает настоящим человеком на надлежащем месте – the right man of the right place.. А. Кугель. Листья с дерева, IV.

Но если Пифагор казался the right man on the right place, то все же он витал в виде колеблющейся тени в области Аида, и все попытки приблизить эту тень, схватить ее оставались безуспешными, как когда-то аналогичная попытка Одиссея. Н. Бубнов, Абак и Бозций. Введ.

Люди дальновидные видят и ценят в нем большого человека, верят в него и в то, что всегда будет нужно, он окажется именно тем the right man in the right place. М. Басанин. Торговый дом Бахвалова сыновья, 40».

По мнению А.М. Бабкина и В.В. Шендецова (1981: 479), источником выражения послужила речь О. Леярда в Палате общин Английского парламента 15 января 1855 г.

Сравните ссылку на использование данного выражения в словаре Вадима Серова:

The right man in the right place (зи раит мэн ин зи раит плэйс)

С английского: *Подходящий человек на подходящем месте*⁴⁰.

Слова английского дипломата и археолога Остина Лэйэрда (1817— 1894), который произнес их в январе 1855 г. в британской палате общин, говоря о том, что «кадровую политику» следует строить таким образом, чтобы люди и должности взаимно подходили друг другу.

Встречаются разные варианты — *надлежащий человек на надлежащем месте, нужный человек на нужном месте* и т.д., но обычно это выражение цитируется на языке первоисточника (по-английски) или используется его аналог — *Человек на своем месте*.

В настоящее время и в русском, и в английском языках используются варианты данного выражения, такие как:

а) *Быть в нужном месте (в нужное время)*. Напр.:

Beeing in the right place at the right time ... The device determined that the man needed electrical shock [elibrary.ru/item.asp?id=6086313];

Быть в нужном месте в нужное время? Это абсолютно достижимая реальность. Пусть ваши коллеги, друзья и родные ломают голову, как вам это все удается [http://www.inturon.ru/sudba/s2007-04.html].

2) *оказаться в нужном месте в нужное время / час* или *оказаться в нужное время в нужном месте / на нужном месте*. Напр.:

Оказалась в нужное время на нужном месте ... В каждом регионе нужен был представитель, так как меня знали, то предложили заниматься [http://news.iltumen.ru/topic.php?id=4334];

⁴⁰ См.: <http://profismart.ru/web/bookreader-78223-107.php>

Главное – оказаться в *нужное время в нужном месте* ... на крупном турнире, хотя шанс на выход в следующий раунд у малайцев ещё есть [<http://m.championat.com/article/id/47188/2>];

19 мая 2009 ... Саша Рыбак оказался в *нужное время в нужном месте*. ... Уже отсматривая полуфиналы, я понимала, что этот парень будет лидером [http://naviny.by/archive/2009/05/get_archive-50-100/?rubric=117];

Наша задача — *быть в нужное время в нужном месте*, независимо от погодных условий [http://www.kabel-news.ru/netcat_files/90/100/december_OOO_Kamskiy_kabel_.pdf];

Как в русском языке, так и в языке-источнике варьируется употребление предлогов.

В словаре *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (2005: 1307) фразеологизм *In the right place at the right time* (= being able to take opportunities when they come) включает предлог *at* точного времени, в отличие от использования выражения с предлогом *in*. Ср.:

You know that feeling ... that reassuring sense of being *in the right place at the right time*, and of knowing in your heart you've found just the right fit? [www.rightplacerrighttime.ca/Edmonton.aspx];

27 Jan 2008 ... Sometimes you do indeed just get lucky, but often there's a lot of work put into getting to that *right place* at just that *right time* [<http://www.earthboundlight.com/phototips/right-place-at-right-time.html>].

Приобретя широкое распространение не только в русском и английском языках, но и во многих языках мирах, данное выражение обрастает стилистическими уплотнениями, подчеркивающими слово *нужный, должный, правильный, подходящий, соответствующий*.

Одним из прекрасных примеров из английского языка является название книги известнейшего лексикографа мира William Safire *The Right Word in the Right Place at the Right Time: wit and wisdom from the popular "On language" column in The New York times magazine* (2004). На русском языке эта книга называется «Нужное слово в нужном месте и в нужный час: остроумие и мудрость из популярной колонки «О языке» в журнале The New York Times» (пер. – И.Н.). Лауреат Пулицеровской премии, самый читаемый лингвист и лексикограф Америки William Safire на протяжении четверти века в журнале *The New York Times* ведет колонку «О языке». Это культурное явление Америки достойно подражания и внимания многих лингвистов мира, помнящих о важности культуры слова, правильности выбора того или иного выражения, в особенности, заимствованного из чужого языка.

Переводные выражения, приобретающие широкое распространение в новой языковой среде, должны сопровождаться в нужное время нужной информацией о происхождении той или иной принятой языком иноязычной единицы, ее значении, правилах корректного использования в перенявшем ее языке.

Фразеологические общности двух мировых языков, возникшие либо в результате калькирования, либо заимствования английских оборотов, в сгустках смысла своих единиц отражают историю и современность языкового контактирования.

Литература

1. Бабкин А.М.; Шендецов В.В. (1981): *Словарь иноязычных выражений и слов*. Т.2. Наука. Ленинград.
2. Буковская М.В.; Вальцева С.И.; Дубинская З.И. (1990): *Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей*. 3-е изд. Русский язык. Москва.
3. Кузьмин С.С. (2001): *Русско-английский словарь переводчика*. Флинта: Наука. Москва.
4. Михельсон М.И. (2006): *Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок*. Транзиткнига. Москва.
5. Серов В. (2005): *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*.
[<http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/124.htm>].
6. Flexner S., Flexner D. (1993): *Wise Words and Wives' Tales: The Origins, Meanings and Time-Honored Wisdom of Proverbs and Folk Sayings Old and New*. Avon Books. New York.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2005). OUP. Oxford.
8. The Oxford Dictionary of English Proverbs, (1970). OUP. Oxford.

РАЗДЕЛ 2

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА⁴¹

Взаимодействие языков сказывается в появлении не только заимствованных слов, но и иноязычных сверхсловных образований. Первоначально они функционируют в языке как прямые заимствования, сохраняя свою природную связь с создавшим их языком. Впоследствии данные сверхсловные устойчивые комплексы, подчиняясь закону экономии языковых средств, часто сливаются в слово, а затем нередко вновь появляются в языке в виде новых фразеологизмов. Многие из них в процессе социализации (термин В.В. Гака), став достоянием перенявшего их языка, часто декодируются: меняют свое материальное воплощение, превращаясь в кальки и становясь более понятными и прозрачными в своем значении. В результате они нередко теряют и след своего истинного происхождения.

Иноязычная ткань заимствованных сверхсловных комплексов представляет красоту языка другой культуры, иного менталитета, специфика и отличие которых

⁴¹ Рус. пер. статьи: Phraseological Anglicisms in 19th century Russian literature. In: Proceedings of the International Conference "Language, Culture and Society in Russian / English Studies. 20-21 July, Senate House, University of London. – London, 2010, 66-76.

расшифровываются при наличии соответствующих фоновых знаний: о языке, культуре создавшего его народа, внутреннем семантическом стержне иноязычной фразы. Отсутствие культурологического, исторического и лингвистического знания нередко затрудняет понимание данных единиц и целесообразности их использования в том или ином языковом контексте. Исследования по исторической фразеологии и фразеографии позволяют найти ответы на возникающие вопросы, связанные с культурой речи перенявшего языка.

Как известно, в первой половине 19 века прямые фразеологические заимствования из английского в русском языке значительно уступают релевантным единицам, пришедшим из французского языка, самого влиятельного по силе своего воздействия на русский язык.

Однако в это же время А.С. Пушкин отмечает: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» (Письмо к Н.И. Гнедичу. 27 июня 1822г.).

К рассматриваемому периоду можно отнести и первые *регулярные* пополнения русской языковой системы фразеологическими единицами английского происхождения.

В словаре А.М. Бабкина и В.В. Шендецова [2], достаточно полно представляющем богатство иноязычных выражений в произведениях А.С. Пушкина, из 158 заимствованных выражений В.М. Мокиенко выделяет девять оборотов английского происхождения и 98 иноязычных выражений из французского языка [4, 28].

А.С. Пушкин в своей работе «О причинах, замедливших ход нашей словесности» объясняет склонность соотечественников к заимствованию иноязычных выражений: «У нас еще нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши

понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке ... мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механистические формы уже давно готовы и всем известны» [5, 23].

Поэт органически вплетает заимствованные английские фразеологические обороты в ткань своих художественных замыслов. Ассоциации и метафорические обобщения, связанные с конкретными фраземами, позволяют судить о влиянии английской литературы и в целом культуры Англии на русский язык того времени.

Ср.: «В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбою Чайльда-Гарольда... Нет сомнения, что фантастическая тень Чайльда Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к фракийским берегам. Звуки прощальных стрóf

Adieu, adieu, my native land!

отзываются в самом начале его песен...»

(Пушкин. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836).

В вышеупомянутом словаре А.М. Бабкина и В.В. Шендцова приводится и другой фразеологизм из поэмы «Чайльд-Гарольд» Байрона:

«Пироскаф тронулся: морской свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий ветер – *My native land, adieu*. Пушкин. Участь моя решена. Я женюсь» [2, 137].

В самый решающий момент своей жизни поэт перефразирует, как и в первом случае, великого английского

писателя, создавая своеобразный гибрид изречения, переводя вторую часть выражения на французский язык: "*My native land – Good Night!*" → "*My native land, adieu!*".

Прощание с прежним образом жизни получает свое более решительное вербальное выражение, и фраза «Спокойной ночи!» заменяется словом «Прощай!». Неточная цитата из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд» (1, 13) "*My native land – Good Night!*" как бы расставляет все точки над *i* в жизни поэта.

В поэме «Евгений Онегин» А.С. Пушкин цитирует на английском языке Шекспира:

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
“*Poor Yorick!*» – молвил он уныло, –
Он на руках меня держал.

В письмах А.С. Пушкина также нередко встречаются вкрапления на английском языке. Ср. напр.:

«Что Софья Николаевна? царствует на седле? *A horse, a horse! My kingdom for a horse!* Прощай же до свидания. А.П.» (Письмо П.А. Вяземскому 11 июня 1831 г.);

«Тяжело мне быть перед тобою виноватым, тяжело и извиняться, тем более, что знаю твою *delicacy of gentlemen*» (Письмо И.А. Яковлеву, 1829 г.);

«Из Казани написал я тебе несколько строчек — некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной *blue stockings* [*sic*], сорокалетней, несносной бабе с воцеными зубами и с ногтями в грязи» (Письмо Н.Н. Пушкиной, 1833 г.).

Употребление английских выражений в их исконной материальной форме в какой-то мере может служить подтверждением приверженности поэта высказанной им точке зрения о заимствовании иноязычных оборотов в переводном виде: «Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: *Comment vous portez-vous*; *How do you do*. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык. Если уж русский язык столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к предложению слово в слово, то каким образом язык французский ... выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона...» [4, 208].

Англицизмы встречаются и в произведениях других известных писателей России 19 века.

Так, М.Ю. Лермонтов приводит строки Байрона в качестве эпиграфа к поэме «Боярин Орша»:

*“’Tis he! tis he! I know him now,
I know him by his pallid brow...”* [Byron].

(ср. «Это он, это он! Я теперь узнаю его»).

Встречаются англицизмы и в романах И.С. Тургенева, который считался лучшим знатоком Шекспира в России. В своей известной речи о Шекспире он писал: «Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются те лишь изредка и издали, он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь» (Тургенев. Речь о Шекспире).

Сравните, например, использование И.С. Тургеневым английских инкрустаций в разных стилистических целях:

«Он ... предложил ей, как любимой женщине, как товарищу и другу, соединить свою жизнь с его жизнью — на радость и на горе, на труд и на отдых, “*for better for worse*”, как говорят англичане» (Тургенев. Дым);

«Англичане говорят: “*Never say die*”. Хорошая поговорка. Лучше русской: “Пришла беда, растворяй ворота”. Заранее горевать нечего» (Тургенев. Новь). Ср. *Никогда не говори: все кончено — Never say die*.

«Тут были даже государственные люди, дипломаты, тузы с европейскими именами, мужи совета и разума, воображающие, что золотая булла издана папой и что английский “*poor-tax*” есть налог на бедных...» (Тургенев. Дым);

«Пишу вам, как говорят англичане — *a few lines*, — чтобы поблагодарить вас и за помещение моего письма, и за сделанный выпуск» (Тургенев. Письмо П.Л. Анненкову. 20 декабря 1862 г.);

«Я могу Вам прислать для “Русской речи” отдельную главу романа, над которым я теперь сижу; глава эта представляет нечто вроде самостоятельного целого — но для этого — “*there is the rub*” — необходимо согласие Каткова, — а может быть, ни графиня, ни Вы не желаете входить с ним в сношения» (Тургенев. Письмо Е.М. Феоктистову 13 февраля 1861 г.);

«— *My bark is on the sea — And my boat is on the shore* — Через 4 часа я уже в море, милый Боткин, — посылаю тебе прощальный привет» (Тургенев. Письмо В.П. Боткину 2 августа 1856 г.).

В своей переписке И.С. Тургенев нередко использует шекспиризмы. Ср.:

«Притом, моя болезнь — и множество нелепостей в моем Wesen, которым я все еще недоволен и над которым буду, кажется, трудиться весь свой век, пока не буду лежать “*in cold obstruction*”, как говорит отец Шекспир» (Тургенев. Письмо Т.Н. Грановскому 18 мая 1840 г.);

«Отнимая всякую прелесть от жизни, горе лишает ее также всей ее лжи и тревоги — в этом-то и состоит ее настоящее несчастье. — “*This sorrow's sacred, it strikes where it does love*” — сказал где-то Шекспир, а в Евангелии та же мысль выражена еще проще» (Тургенев. Письмо Е.Е. Ламберт 22 декабря 1861 г.).

Шекспиризмы использует и Ф. Батюшков. Напр.: «Не открывая новых областей в духовной жизни, несколько чуждый спекулятивной мысли, он, по преимуществу наблюдатель конкретных явлений жизни и отвечает другому вопросу <...> Этот вопрос прекрасно выражен словами поэта: *The soul's joy is doing*» (Ф. Батюшков. Борцы добра). *The soul's joy is doing* — выражение из драмы Шекспира “Троил и Крессида”.

А. Бестужев-Марлинский часто приводит англицизмы для воссоздания колорита Англии, языка матросов, описания морской стихии. Ср.:

«Со всем тем валы морские величественных скал прибрежных; и величие, прелесть их заключены в жизни, в подвижности, в разнообразии. Вот почему *The proper study of mankind is man* ... Вот почему в обратном порядке можно изучать человечества разных веков» (А. Бестужев-Марлинский. Путь до города Кубы); «Фрегат вздрагивал при каждом ударе; клонился набок перед каждым напором ветра и снова вставал с треском и скрипом. Вахтенные матросы дремали по своим местам, и лишь однозвучное восклицание лейтенанта: “*Steerboard! Backboard!*” (право руля, лево руля) и вечный

ответ: “*Yes, yes*” (слушаю!) повременно нарушал сторожной сон мореходцев» (А. Бестужев-Марлинский. Ночь на корабле).

А. Бестужев-Марлинский также использует выражения Байрона в качестве эпиграфов к своим произведениям.

Например: “*If I have any fault — it is digression*” (Byron). Ср. «Если я в чем виноват — то только в отступлении» (Байрон).

Повесть «Часы и зеркало» он предваряет выражением Байрона — “*Time steal on us and steal from us*”(Byron). Ср. «Время крадется мимо нас, и крадет у нас» (Байрон).

Наибольшее число английских прямых фразеологических заимствований встречается на страницах очерков И.А. Гончарова («Фрегат “Паллада”»).

В 1852 году он писал: «У какого путешественника достало бы смелости чертить образ Англии, Франции - стран, которые мы знаем не меньше, если не больше, своего отечества? Поэтому самому наблюдательному и зоркому путешественнику позволительно только прибавить какую-нибудь мелкую, ускользнувшую от общего изучения черту...» (Гончаров. Фрегат “Паллада”).

В середине 19 века, по словам И.А. Гончарова, обычаи Англии были хорошо известны русским путешественникам. В его очерках много иноязычных инкрустаций, воссоздающих речь английских моряков, английских языковых клише, пословиц, строк из английского гимна.

Ср. «В океане, в мгновенных встречах, тот же образ виден был на палубе кораблей, насвистывающий сквозь зубы: “*Rule, Britannia, upon the sea*”» (Гончаров. Фрегат “Паллада”»); «Думая дать *форпенс*, я ошибкой вынул из кошелька оставшийся там гривенник или пятиалтынный. Мальчишка догнал меня и, тыча монетой мне в спину, как

зарезанный кричал: “*No use, no use* (Не ходит!)”» (Там же); «Авральная работа – значит общая работа, когда одной вахты мало, нужны все руки, оттого всех и “свистят наверх”! По-английски, если не ошибаюсь, и командуют «*Все руки вверх!* (“*All hands up!*”)» (Там же); «Сволоочь эти *асеи!* (так называют матросы англичан от употребляемого беспрестанно в английской речи — “*I say*” (“*Я говорю, послушай*”)» (Там же); «Что это такое? — спрашивал я, часто встречая по сторонам прекрасные сады с домами “*English garden*” (английский сад), — говорили проводники. На лучших местах везде были “*english garden*” (*sic*)» (Там же); «Десерт состоял из апельсинов, варенья, бананов, гранат; еще были тут называемые по-английски *кастард-эпплз* (*castard apples*) плоды похожие видом и на грушу, и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами» (Там же); «Как мило говорила: “*Thank you!*”, когда взамен счета ей подавали кучку фунтов» (Там же, С. 144); «Каскады, — отвечал он, — теперь они чуть-чуть льются, а зимой текут потоками: *very nice!*» (Там же, С.204); «“*Good bye!*” — прощались мы печально на крыльце с старухой Вельч, с Каролиной» (Там же); «А если придется жить в европейской фактории и видеть только ее, так не стоит труда и ездить: те же англичане, тот же ростбиф, те же “*much obliged*” и “*thank you*”» (Там же); «Меня с балкона увидели английские офицеры, сошли вниз и пригласили войти к ним “*to drink a glass of wine*” (“на рюмку вина”)» (Там же), «*Time is money*. Современный путешественник не поверит: одиннадцать дней ухлопать на семьсот верст! Американская поговорка: *Time is money* до нас не ходила» (Гончаров. Восп., II), *etc.*

Знание Англии, ее обычаев, языка проявляется не только в очерках путешествий, неизменно включающих разного рода

экзотизмы и названия реалий, неизвестных рядовому читателю, но и в других произведениях И.А. Гончарова. Ср., напр.:

«Эти передовые личности (Онегины и Печорины — *И.Н.*) в *high life* — такими являлись и в произведениях литературы, где и занимали почетное место со времен рыцарства и до нашего времени, до Гоголя» (И. Гончаров. Милльон терзаний).

Прямые заимствования английского происхождения выполняют разные стилистические задачи и в романах Л.Н. Толстого. Ср.: «— *Not in my line*, — отвечал Вронский, любивший это выражение, но улыбнулся и обещал приехать» (Анна Каренина); «Знаю, что он умный, ученый, божественный что-то... Но ты знаешь, это *не в моей ... not in my line*, — сказал Вронский» (Там же); «Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он надеялся никогда уже не изменять, - *turning a new leaf*, {перевернуть страницу (англ.)}, как он говорил себе» (Толстой. Воскресение); «А мы были на *lawn tennis'e* у Саламатовых» (Толстой. Воскресение); «Как же, я имел честь быть представленным (*Shake hands*. Садятся)» (Живой труп); «Мы с вами успеем по душе поговорить за чаем, *we'll have a cosy chat*, не правда ли?» (Толстой. Анна Каренина); «Люди... с невниманием ко всем противным доводам продолжают делать то, что называется *to beat about the bush*, т.е. напрягать свои силы на все, только не на то, что может освободить их от страданий и осуществить то, к чему они стремятся» (Л. Толстой. Неизбежный поворот [Вариант статьи]); «И может быть, если вы бы потерпели еще, жизнь наладилась, такая жизнь, которая была бы сносна материально и удовлетворила бы нашим нравственным требованиям. Но

теперь нечего *cry spilt milk [sic]*» (Л. Толстой. Письмо А.П. Щербаку 16 декабря 1898 г.).

Неудивительно, что большое количество прямых заимствованных фразеологизмов встречается в работах А.И. Герцена, хорошего знавшего страну, подарившую эти обороты русскому языку. Ср., напр.:

«Тут не может быть и речи о правах, это временные необходимости, это *Lynch law* в истории, экзекуция, оцепление, картинная мера» (Герцен. Былое и думы, VI, 3); «*Latest news (novelty). ср. dernier cri*. Каковы *latest news* относительно вашего переезда к 1 мая на новую квартиру?» (Герцен, Письмо Мейзенбург М. 4 апреля 1867 г.); «Завтра едет Боткин и, вероятно, через неделю будет у вас; так как он жил у нас, то и может вам сообщить *the latest intelligence*» (Герцен. Письмо М.К. Рейхель. 30 июля 1858 г.); «Довольно, друзья мои, довольно! *The matter is dropped*, как говорят англичане, и я никогда не стоял сильнее и самобытнее на своей почве, как получил снова инвестиру вашу!» (Герцен. Статьи из Колокола. 1859); «Да, да и да, мне нечего было делать на этой *vanity fair* – и есть случай объясниться, что мы не с ними» (Герцен. Письмо Н.П. Огареву. 9 сентября 1867 г.).

«*Very dangerous*» называет А.И. Герцен одну из своих из статей, опубликованной в «Колоколе» №44 за 1859 год. Ср. «Эпизоду с “*Very dangerous!!!*” посвящено множество исследовательских работ”. Наблюдения литературоведов и историков над реминисценциями русской журналистики в статье Герцена представляют большой интерес. Но существует еще и авторское признание в том, что “*Very dangerous!!!*” — “головомойка “Современнику”» (Прометей, 1971, т.8).

Встречаются англицизмы и у Чернышевского. Он также использует вкрапление на английском языке *very dangerous*:

«Да еще хорошо бы, если бы вознегодовал только г. Громека! Есть публицист несравненно более знаменитый и гораздо более пылкий, который так и крикнет: *very dangerous!* И назовет меня окаменелым “титулярным советником” или “ископаемым кандидатом“» (Чернышевский. Опыты открытий и изобретений).

В своей статье, посвященной народам и языкам, он демонстрирует противопоставление культур двух стран — Англии и Америки — использованием цитат на английском языке. Ср. «Английская национальная песня начинается так *Rule, Britania the waves* [sic]. Начало американской песни: *A Yankee boy is trim and tall*» (Чернышевский. О классификации людей по языку). Ср. Янки – стройный высокий парень.

М. Михайлов также был знаком с английским бытом благодаря своей поездке в Англию. Ср.:

«Кто-то из пассажиров нашего парохода, толпившихся на палубе, справедливо заметил, что нельзя придумать лучшего аккомпанемента к известной песне: “*Rule, Britania, the waves!*” [sic] {“Правь, Британия, морями!” (англ.).}» (М. Михайлов. Лондонские заметки); «И вся эта громада с двумя десятками путников при первом крике кондуктора: “*All right!*” {“*Все в порядке!*”, здесь: “*Трогай!*” (англ.).} уносится довольно быстро парюю лошадей...» (М. Михайлов. Лондонские заметки); «Ничего, сэр; благополучно... *Thank you, sir; very much obliged* {*Благодарю вас, сэр, весьма обязан* (англ.)}, добавил он, принимая от меня, вместо жданных трех, шесть пенсов» (М. Михайлов. Лондонские встречи).

Прямые фразеологические заимствования английского происхождения в разных авторских замыслах используются и другими русскими писателями.

Ср. «Когда побываешь в Англии, то убедишься, что в нравах, обычаях и условиях английского общества и общежития есть довольно много *гнилых посадов* – буквальный перевод *rotten-boroughs (sic)* — много ускользнуло от образованности и осталось в первобытной своей неуклюжести и дикости» (Вяземский, Ст. зап. кн.); «Прочел я и *Granby, roman fashionable*. В самом деле, читая этот роман, думаешь, что переходишь из гостиной в гостиную» (Вяземский. Ст. зап. кн., 8); «Как грибы после дождя появлялись банки. Они выдавали огромные ссуды под недвижимость, которая ничего не стоила, банки лопались, вкладчики разорялись. Газеты кричали о *the great humbug*» (В. Спасович Судебные речи); «Наша журналистика не осталась безгласною на этот вызов, и многие, в том числе и «День», занялись публичным обсуждением вопроса о цензуре — этого вопроса жизни и смерти, *to be or not to be*» (Аксаков); «Постарайся помешать твоему начальнику *to have a finger in the pie* и сохрани свою самостоятельность» (Боборыкин. За работу!).

Сравните, например, использование английского крылатого выражения *words, words, words!* в произведениях русского писателя К.Н. Батюшкова и критика А.Н. Серова:

а) «К сожалению, все эти “слова” так и остаются “словами”! *Words, words, words!* Выражения, термины, слова более или менее известные тогда что-нибудь значат, когда употреблены с толком» (Серов. Жизнь за царя);

б) «*Words, words, words!* Под оригинальным заглавием «Муки слова» недавно появился любопытный и содержательный очерк Горнфельда, посвященный разбору некоторых приемов поэтического творчества» (Батюшков. В борьбе со словом).

Крылатое выражение Бенджамина Франклина *Time is money* < *Время – деньги*, ставшее пословицей и в английском, и в русском языках получает распространение в перенявшем его языке как в переводном варианте, так и как англицизм. Сравните использование данной пословицы в своем иноязычном одеянии М.Е. Салтыковым-Щедриным и С.М. Степняком-Кравчинским:

«— Я говорю о сумме вознаграждения за труд по ведению дела, — объяснил Балалайкин. Извините, голубчик, что я так прямо. *Time is money*, говорит хорошая пословица» (Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности, 1, 3).

«В свою революционную деятельность она вносила ту же серьезную деловитость, которую вносит в свои дела английский банкир, создавший поговорку *time is money*» (Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия).

«Таким образом, некоторые литературные стили русского языка, особенно в сфере художественно-повествовательной речи, и во второй половине XIX века тяготеют к сближению с западноевропейскими языками, преимущественно с теми, в которых были развиты “аналитические приемы выражения”, т.е. с французским и английским. В английском языке привлекал грамматический строй его, представляющий разительную противоположность запутанным, многосложным конструкциям русской книжной речи» [3, 446].

Представленный в статье материал иллюстрирует проникновение прямых фразеологических заимствований английского происхождения в русский литературный язык 19 века. Литературные контакты английской и русской культур вносили в языки двух стран новые фразеологические обороты, в исконной форме передающие духовные богатства

взаимодействующих языков. Переводы художественной литературы английских классиков пробуждали интерес русского читателя к оригинальному тексту литературных произведений Байрона, Шекспира, Вальтера Скотта, Мильтона и других писателей Англии.

В русском языке появляются англицизмы, воссоздающие звучание и красоту английского языка, передающие наименования реалий британского быта, политического устройства страны, ее словесного богатства в виде поговорок и пословиц. Крылатые выражения писателей и видных политических деятелей Британии приобретают распространение в русском языке как в исконном виде, так и в переводном варианте.

Русско-английские языковые контакты вносят в фразеологию русского и английского языков межъязыковые интернационализмы, фразеологические общности, закладывающие фундамент взаимопонимания не только двух культур — британской и русской, но и в целом основу для общеевропейского взаимопонимания.

Литература

1. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1982.
2. (Б-Ш) – Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. – т. 2 – Л.: Наука, 1987.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII-XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982.
4. Гончаров И.А. Собр. соч. в 6-ти томах. – М.: Правда, 1972.

5. Мокиенко В.М. Иноязычная фразеология у Пушкина. [В:] Пушкин: Альманах / Под ред проф. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск 2000. – вып. 2. – С. 26-43.
6. Наумова И.О. Универбация фразеологических англицизмов в русском языке XIX века. – В кн.: Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. // II Новиковские чтения. Материалы международной научной конференции. (Москва, 16-17 апреля 2009 г.). – М.: РУДН, 2009.- С. 369-373.
7. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. – М.: Художественная литература, 1976.

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ ПАЛЛАДА»⁴²

В XIX веке англицизмы начинают более активно проникать в ткань текстов, переведенных с английского языка. Самым распространенным каналом их вливания в русский язык служит переводная английская художественная литература. Другим не менее распространенным источником использования английских инкрустаций, калек или описательного перевода английских слов и фраз являлись путевые заметки, очерки, письма, передающие впечатления о посещении Англии русских писателей, путешественников, ученых. Так, «Письма русского путешественника», написанные Н.М. Карамзиным в конце 18 века, открыли русским читателям незнакомый мир Англии.

К середине XIX столетия отмечается новый виток сближения двух великих держав – Англии и России, что способствует усилению языковой конвергенции английского и русского языков. Это был кратковременный период сотрудничества двух государств, за которым последовал разрыв дипломатических отношений, вызванный началом Крымской войны (1853-1856 гг.).

Отличительной особенностью процесса взаимодействия английского и русского языков являлось функционирование прямых заимствований в качестве как бы своего рода

⁴² Английские заимствования в путевых очерках И.А. Гончарова «Фрегат Паллада». – Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – № 3, С.71 – 80.

словесных инкрустаций, в транслитерированном или нетранслитерированном виде. В большинстве случаев подобные иноязычные вкрапления сопровождались соответствующей калькой, служащей объяснением незнакомого иноязычного выражения. Иноязычные инкрустации, представлявшие собой словесные блоки в языке-источнике, в русском языке часто сливались в сложное слово, в независимости от природы своего происхождения.

В этот период наибольшее количество англицизмов встречается на страницах очерков путешествий И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», опубликованных в середине 50-х годов 19 века [1]. Очерки являются яркой иллюстрацией выше отмеченных языковых явлений. В них много иноязычных инкрустаций, воссоздающих речь английских моряков, английских языковых клише, пословиц, англицизмов, употребляющихся в исконном языке в разных языковых стилях.

Иноязычные языковые средства приобретают особое значение в жанре путевых очерков, помогая автору воссоздать новизну восприятия особенностей устройства жизни и быта новой страны.

И.А. Гончаров подчеркивает общечеловеческую важность данного знакомства для каждого, кто имеет такую возможность. Ср.:

«Да, путешествовать с наслаждением и с пользой – значит пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать: тут непременно проведешь параллель, которая и есть искомый результат путешествия. Это вглядыванье, вдумыванье в чужую жизнь, в жизнь ли целого народа или одного человека, отдельно, дает наблюдателю такой общечеловеческий и частный урок, какого

ни в книгах, ни в каких школах не отыщешь. Недаром еще у древних необходимым условием усовершенствованного воспитания считалось путешествие. У нас оно сделалось роскошью и забавою» [1. С. 43].

К этому времени, по словам И.А. Гончарова, обычаи Англии были хорошо известны русским путешественникам.

Так, в 1852 году он писал: «У какого путешественника достало бы смелости чертить образ Англии, Франции – стран, которые мы знаем не меньше, если не больше, своего отечества? Поэтому самому наблюдательному и зоркому путешественнику позволительно только прибавить какую-нибудь мелкую, ускользнувшую от общего изучения черту...» [1. С.36].

На страницах этого произведения вырисовывается поэтических образ Британии, «который кидается в глаза новейшему путешественнику. И какой это образ! Не блистающий красотою, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду. ... В океане, в мгновенных встречах, тот же образ виден был на палубе кораблей, насвистывающий сквозь зубы: "*Rule, Britannia, upon the sea*"» [1. С.15-16].

По мнению И.А. Гончарова, ни в какой другой стране знания о новом государстве не приобретаются так дешево и незаметно, как это происходит в Англии. Ср.:

«Пожалуй, без приготовления, да еще без воображения, без наблюдательности, без идеи, путешествие, конечно, только забава. Но счастлив, кто может и забавляться такою благородною забавой, в которой нехотя чему-нибудь да научишься! Вот *Regentstreet* (sic), *Oxfordstreet* (sic),

Trafalgarplace(sic) – не живые ли это черты чужой физиономии, на которой движется современная жизнь, и не звучит ли в именах память прошедшего, повествуя на каждом шагу, как слагалась эта жизнь?» [1. С.43-44].

Обрисовывая «черты чужой физиономии, на которых движется современная жизнь», автор упоминает названия самых известных улиц Лондона – *Regentstreet (sic)*, *Oxfordstreet (sic)*, *Trafalgarplace (sic)*.

Интересно отметить написание английских топонимических наименований. Если в английском языке они используются в виде устойчивых сочетаний слов, передающих топонимические названия – *Regent Street*, *Oxford Street*, *Trafalgar Place (sic)*, то в русском языке к этому времени уже сложилась традиция слияния их в слово (либо написания через дефис, представляя промежуточную стадию, влекущую за собой сжатие в сложное слово).

Сравните использования названия улицы *Regent-Street* в книге П.Д. Боборыкина. «За полвека. Мои воспоминания»: «Я шел по *Regent-Street* в обществе А.И. Бенни и Рольстона...» [2].

На страницах очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» встречаются многочисленные примеры слияния английских топонимических названий в сложное слово, что отражает влияние русской традиции написания иноязычных топонимов на английское правописание, тем самым нарушая нормы английского языка. Например:

«Кафры, или амакоза, продолжали распространяться к западу, перешли большую Рыбную реку (*Fishriver*) (*sic*) и заняли нынешнюю провинцию Альбани, до Воскресной реки» [1. С.168]; «Вскоре основали на Кошачьей реке (*Katriver*) (*sic*)

поселение из готтентотов; в самой Кафрарии поселились миссионеры»[1. С.173], etc.

В нижеприведенном предложении автор демонстрирует два варианта передачи английских географических названий, не придерживаясь единого правила: русское словосочетание *Львиная голова*, соответствующее английскому прототипу *Lion's head* и подвергнутое действию закона языковой экономии и универбации слитное написание английского названия *Чертового пика* – *Deavilspick (sic)*. и *Столловой горы* – *Tablemountain (sic)*. Ср.:

«Что это?» – спросил я кучера малайца, указывая на одну гору. "*Tablemountain*" (*sic*) – сказал он ("Столловая гора"). "А это?" – "*Lion's head*" ("Львиная гора"). – "А это?" – "*Deavilspick*" (*sic*) ("Чертов пик")» [1. С.142].

Известно, что в современном русском языке также наблюдается отсутствие единства в передаче заимствованных понятий, однако заимствованные географические наименования, воссоздающие иноязычный комплекс слов, пишутся раздельно.

В 19 веке преобразование транслитерированных английских топонимических наименований в сложные слова зафиксировано во многих русских изданиях. Ср. текст в *Путеводителе за границей*, изданном Н. Майским в Санкт-Петербурге в 1867 году:

«Пребывание в таком огромном городе, как Лондон, было бы невыносимо, если бы в нем не было красивых парков»⁵⁸. Иностранные туристы могли посетить во второй половине XIX в. – в центре города – Сент-Джейм-парк, имеющий протяженность от Хорзегардз (Horseguards) до Букингемского дворца; Грин-парк – «луг, постепенно возвышающийся к

северу»⁵⁹; и самый знаменитый Лондонский парк – Гайд-парк. В отличие от двух предыдущих туда пропускались и экипажи, и всадники. Кензингтонский сад, *Риджент-парк* и два новых для того времени парка – *Виктория-парк* и *Беттерси-парк* (Batter sea), о которых в путеводителе сказано, что они «еще так мало обросли, что не стоит труда посещать их»⁶⁰» [3. С.292].

В силу универбации сливаются в слова не только англицизмы, являющиеся топонимическими наименованиями, но и прямые заимствования, представляющие собой английские обороты широкого спектра употребления в языке. Интересно отметить тот факт, что слияние оборотов в слово иногда параллельно происходит и в языке – источнике, отражая влияния всеобщего закона экономии языковых средств.

Ср. 1. Four pence < fourpence– форпенс;

«Думая дать *форпенс*, я ошибкой вынул из кошелька оставшийся там гривенник или пятиалтынный. Мальчишка догнал меня и, тыча монетой мне в спину, как зарезанный кричал: "*No use, no use* (Не ходит)!"» [1. С. 49].

2. Sugarbird (> sugar bird) < сахарная птица;

«Я заметил одну (птицу – *И.Н.*), синюю, с хвостом более четверти аршина длиной. Она называется *sugarbird* (*сахарная птица*) оттого, что постоянно водится около так называемого сахарного кустарника»[1. С. 162].

3. Broomtree (> broom tree) < дерево метла.

«По местам посажено было чрезвычайно красивое и не виданное у нас дерево, называемое по-английски *broomtree* (*sic*). *Broom* значит *метла*, дерево названо так потому, что у

него нет листьев, а есть только тонкие и чрезвычайно длинные прутья, которые висят, как кудри, почти до земли» [1. С.145].]

В большинстве случаев данное сжатие комплексных наименований новых реалий в слово остается характерным для развития русского языка именно этого периода. Напр.:

Custard apple – *кастард-эпплз*.

«Десерт состоял из апельсинов, варенья, бананов, гранат, еще были тут, называемые по-английски *кастард-эпплз* (*castard apple*), плоды похожие видом и на грушу и на яблоко, с белым мясом, с черными семенами» [1. С. 103].

В результате слияния нескольких слов в русском языке происходит образование окказионализмов, передающих своеобразную характеристику жителей новой страны, получившую свою языковую оболочку. Напр.

I say – *асей*.

«Сволочь эти *асей*! (так называют матросы англичан от употребляемого беспрестанно в английской речи – "I say" ("Я говорю, послушай"))» [1. С. 51].

Особый интерес представляет и сопоставление современного значения слова *аврал* с первоначальным смыслом данного слова, представляющего собой морской термин с точки зрения сферы его первоначального употребления, раскрытие которого так ярко иллюстрирует описание И.А. Гончаровым авральной ситуации на судне. Ср.:

"Что это такое авральная работа?" – спросил я другого офицера. "Это когда свистят всех наверх", – отвечал он и занялся – авральной работою. Я старался составить себе идею о том, то это за работа, глядя, что делают, но ничего не уразумел: делали всё то же, что вчера, что, вероятно, будут

делать завтра: тянут снасти, поворачивают реи, подбирают паруса. Офицеры объяснили мне сущую истину, мне бы следовало так и понять просто, как оно было сказано, – и вся тайна была тут. *Авральная работа – значит общая работа, когда одной вахты мало, нужны все руки, оттого всех и "свистят наверх"! По-английски, если не ошибаюсь, и командуют "Все руки вверх!" ("All hands up!")»* [1. С. 18].

По данным Online Etymon Dictionary, слово *Overall*, означающее *везде*, исконно английского происхождения, известное в английском языке с 1894 года в значении «включая все» (ср. “*Overall* “everywhere,” O.E. *ofer eall*, from *ofer* “over” + *eall* “all;” sense of “including everything” is from 1894”) [4]. Приводятся и сведения о рабочей одежде, называемой *overall* – свободных, широких, брюках, надеваемых при выполнении грязной работы (с 1782 г.).

В русской лексикографии в отличие от английской данное слово рассматривается как международный термин языка моряков – *Аврал*, *Оврал* (*over all* – межд. – все наверх). Впервые он был зафиксирован в словаре Яновского в 1803 году. Д.Н. Ушаков приводит следующее определение данного слова: «*Аврал*. Значение – работа на морском судне, в которой участвует вся команда; вызов всей команды на морском судне наверх, на палубу. Сейчас так часто называют срочную работу. Слово произошло от английского *over all* – всех наверх. Это морская команда, которая применяется в экстренных случаях для сбора экипажа» [5].

Е. Мешчерский в книге «История русского литературного языка» приводит «некоторые примеры проникновения слов английского происхождения в профессиональную лексику моряков. Слово *аврал*, по-видимому, восходит к

английскому (или голландскому) “овер олл”: команда всех наверх”»[6].

И.А. Гончаров, описывая конкретную ситуацию, правильно расшифровывает значение незнакомого английского термина – *Авральная работа* – *значит общая работа*. Однако предположение, что нужны все участники в этой работе, Гончаров объясняет ложной этимологией данной команды: “*Все руки вверх!*” (“*All hands up!*”), так как якобы в этой работе нужны все руки. Как было указано выше, этимологом является словосочетание *all over < over all*.

Непереводные английские пословицы, языковые клише, общеупотребительные фразы в своем исконном английском языковом одеянии часто встречаются в очерках, выполняя разные стилистические замыслы автора. Ср.:

«Как мило говорила: “*Thank you*“, когда взамен счета ей подавали кучку фунтов» [1. С.144]; «Каскады,- отвечал он, – теперь они чуть-чуть льются, а зимой текут потоками *very nice*» [1. С.204]; «“*Good bye*“ – прощались мы печально на крыльце с старухой Вельч, с Каролиной» [1. С.248]; «И малаец Ричард, и другой, черный слуга, и белый, подслеповатый англичанин, наконец, сама м-с Вельч и Каролина – все вышли на крыльцо провожать нас, когда мы садились в экипажи. “*Good journey, happy voyage!*” – говорили они» [1. С.161], *etc.*

Неудивительно, что самым частотным англицизмом на страницах очерков является междометие *Yes*, выполняющее разнообразные стилистические замысла автора. Нередко используется в качестве языковой характеристики англичан – обозначения обещания, которое часто не выполняется. Ср.:

«Я попросил, чтоб поскорее вставили стекло. – “*Yes, sir*”, – отвечал он. Но я уже знал, что значит это *yes*» [1. С.154]; «Я,

еще проходя мимо буфета, слышал, как крикун спросил у м-с Вельч, что за смрад распространился вчера по отелю; потом он спросил полковницу, слышала ли она этот запах. "Yes, o yes, yes!" – наладила она раз десять сряду. «Отвратительно, невыносимо», – продолжал крикун. "Yes, y-e-s", – жалобно, с придыханием повторила полковница. "Раз, два, три, четыре!" – считал отец Аввакум, сколько раз она скажет "yes". "А знаете ли, что значит этот "yes"?" – спросил я его. "Это значит подтверждение, наше "da"" – отвечал он...» [1. С.246]; «А вы слышали этот запах?" – приставал крикун, обращаясь к полковнику и поглядывая на нас. "Неправда ли, что похоже было, как будто в доме пожар?" – спросил он опять полковницу. "Yes, yes", – отвечала она» [1. С. 247]; «Отвези в последний раз в Саймонстоун, – сказал я не без грусти, – завтра утром приезжай за нами". – "Yes, sir"...» [1. С.247]; «Долго мне будут сниться широкие сени, с прекрасной "картинкой", крыльцо с виноградными лозами, длинный стол с собеседниками со всех концов мира, с гримасами Ричарда; долго будет чудиться и "yes", и беготня Алисы по лестницам, и крикун-англичанин...» [1. С.248]; «Я попросил, чтоб поскорее вставили стекло. – "Yes, sir", – отвечал он. Но я уже знал, что значит это yes» [1. С.154], etc..

Очень часто англицизмы сопровождаются дословным переводом, кальками, служащими пояснением к использованному иноязычным вкраплениям. Напр.:

«Мы поднимались всё выше; дорога шла круче. "Что это такое?" – спрашивал я, часто встречая по сторонам прекрасные сады с домами. "English garden" ("Английский сад"), – говорили проводники. На лучших местах везде были "english garden" (*sic*). Я входил в ворота, и глаза разбегались по прекрасным аллеям тополей, акаций, кипарисов» [1. С. 97]; «Дорогой встретили доктора, верхом, с женой, и на вопрос его, совсем ли мы уезжаем, «нет», обманул я его, чтоб не выговаривать еще раз *good bye*, которое звучит не веселей нашего "прощай"» [1. С. 248]; «Еще нет ли у вас чего-

нибудь?" – говорил я, оглядывая лавочку. "*Are you of the country?*" ("*Вы здешний?*")» [1. С.248]; «На половине дороги другая гостиница, так и называется "*Halfway*" ("*Половина пути*"). Наш кучер остановился тут, отпряг лошадей и предложил нам потребовать *refreshment*, то есть *закусить*» [1. С.141]; «Эта гостиница называется "*Фоксандгоундс*" ("*Fox and hounds*"), то есть "*Лисица и собаки*"» [1. С.186]; «К обеду мы подъехали к прекрасной речке, обставленной такими пейзажами, что даже сам приличный и спокойный Вандик с улыбкой указал нам на один живописный овраг, осененный деревьями. "*Very nice place!*" ("*Прекрасное место!*") – заметил он» [1. С.193], etc.

В ряде случаев кальки используются в тексте очерков самостоятельно, без сопровождения соответствующего английского прототипа, знакомя читателей с новыми реалиями. Ср.:

«Как он глумился, увидев на часах шотландских солдат, одетых в яркий, блестящий костюм, то есть в юбку из клетчатой шотландской материи, но без панталон и потому с голыми коленками! "Королева рассердилась: штанов не дала", – говорил он с хохотом, указывая на голые ноги солдата. Только в пользу одной шерстяной материи, называемой "*английской кожей*" и употребляемой простым народом на платье, он сделал исключение, и то потому, что панталоны из нее стоили всего два шиллинга» [1. С.51].

В немногочисленных примерах используются транслитерированные английские вкрапления, представляющие собой полукальки английских прототипов, свидетельствуя об укоренении в языке английских слов.

«Обед тянулся довольно долго, по-английски, и кончился тоже по-английски: хозяин *сказал спич*, в котором изъясил удовольствие, что второй раз уже угощает далеких и редких

гостей, желал счастливого возвращения и звал вторично к себе» [1. С.103]. (Ср. *to say a speech* < сказать спич).

В очерках «Фрегат “Паллада”» встречаются слова, которые использовались в английском языке во второй половине 19 столетия, но в современном английском языке являются архаизмами. Таким словом является заимствование *tiffing*. Ср.:

«В Устере сейчас сели за *tiffing*, второй завтрак, потом пошли гулять, а кому жарко, тот сел в тени деревьев, на балконе дома» [1. С.253].

«Ведь уж мы, кажется, обедали, – заметил он, – четыре блюда *имели*”. – “То был *tiffing*, то есть *второй завтрак, а не обед*, – заметил барон. – Вчера без обеда, и сегодня тоже – слуга покорный!”» [1. С.234].

Иван Андреевич приводит в очерках правильное написание слова, которое сохранилось в английском языке, на котором говорят в Индии и в некоторых частях Англии. Слово *tif* означает ‘*to sip*’ – ‘пить маленькими глотками’, герундий от этого глагола имеет форму *tiffing*. Впоследствии слово *tiffing*, возникшее в британском варианте английского языка в 18 веке и означающее ‘второй завтрак, полуденный прием пищи’, впоследствии потеряло в языке конечную букву *g*, превратившись в слово *tiffin* < *тиффин*.

Ср. Мака́ть печенье, пирожное или булочку в чайную чашку или потягивать чай из блюда, дуя на него, чтобы он остыл, не принято. Плохим тоном считается также использование чужой чайной ложки. Местные жители могут называть *чай* “*тиффин*” (*tiffin* – *второй завтрак*), “чай” (*char* – стакан чая), “рози” (английское “*tea*” рифмуется с “*Rosie Lee*”) или “каппа” (*cuppa* – чашка чая).

Изначально словом "тиффин" назывались небольшие перекусы, такие как второй завтрак или полдник в Британии и Индии. В Королевстве этот термин практически вышел из употребления, зато в Индии оно до сих пор популярно.

Webster's Online Dictionary [7] приводит два значения данного слова в английском языке. 1. Полуденная трапеза. 2. Завтрак, легкая закуска между завтраком и обедом – первоначально слово провинциального диалекта английского языка, вошедшее в английский язык в Индии, позже возвратившееся в язык Британии в особом значении. Слово "*Tiffin*" впервые было использовано в популярной английской литературе в 1800 году.

В отличие от вышеприведенного примера, сохраняющего в перенявшем языке правильное написание английского слова, утерянное в языке-источнике, на страницах очерков нередко встречается и неверное воспроизведение англицизмов в их исконной языковой оболочке, что подтверждает помета *sic* в иллюстративном материале данной статьи.

В редких случаях И.А. Гончаров использует этот прием в определенных стилистических целях, например, имитируя разговор русских моряков. Ср.:

"Да как ты там говоришь с ними?" – "По-англичански". – "Как ты спросишь?" – "А вот возьму в руку вещь да и спрошу: *омач?* (*How much? – что стоит?*)" [1. С.239].

Знание Англии, ее обычаев, языка проявляется не только в очерках путешествий, неизменно включающих разного рода экзотизмы и названия реалий, неизвестных рядовому читателю, но и в других произведениях И.А. Гончарова. Ср., напр.:

«Эти передовые личности (Онегины и Печорины – И.Н.) в *high life* – такими являлись и в произведениях литературы, где и занимали почетное место со времен рыцарства и до нашего времени, до Гоголя» (И.Гончаров Мильон терзаний); «Американская поговорка: *Time is money* до нас не ходила» (Гончаров. Восп., II).

В этом году, отмечая 200-летие со дня рождения И.А. Гончарова, нельзя не отметить его выдающуюся роль в развитии русского литературного языка. На страницах его произведений вместе с исконно русскими словами начинают свое существование в языке иноязычные инновации, знакомящие русского читателя с новыми реалиями, обычаями, культурой и языком незнакомых ему стран, внося в язык новые средства для описания многоликой цивилизации. В их числе немаловажное место занимают заимствования английского происхождения, столь богато представленные на страницах произведений И.А. Гончарова.

Литература

- [1] *Гончаров И.А.* Собр. соч. в 6-ти томах. Т. II. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах. – М.: Правда, 1972.
- [2] *Боборыкин П.Д.* За полвека. Мои воспоминания. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929.
- [3] *Майский Н.* Путеводитель за границей. – СПб, 1867. Цит. по «Индустрии туризма Англии (глазами русских путешественников второй половины XIX века)» [http://tourlib.net/statti_tourism/isheкова.htm].

- [4] *Online Etymon Dictionary*
[<http://www.etymonline.com/index.php?term=overall>].
- [5] *Webster's Online Dictionary*
[<http://www.merriam-webster.com/dictionary/tiffin>].
- [6] *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940.
- [7] *Мешчерский Е.* История русского литературного языка.
[http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/10.php].

АНГЛИЦИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. ГОНЧАРОВА

И.А. Гончаров внес один из самых значительных вкладов в русский язык 19 века, обогатив его словарный запас многочисленными заимствованиями из многих европейских языков, в том числе и англицизмами. Владея как классическими (латынью и греческим), так и современными языками (французским, немецким и английским), писатель во время кругосветного путешествия на русском фрегате «Паллада» изучал языки, обычаи и нравы новых стран, сопоставляя их с языком и культурой России. В письме Великому Князю К.К. Романову 27 июня 1884 г. он писал:

«Германская культура и интеллигенция – конечно – старее, обширнее, пожалуй, выше русской; но она есть всеобщее европейское достояние вместе с французской, английской, другими культурами, и между прочим также и русской, внесшей и вносящей значительные вклады в общую сокровищницу европейской цивилизации».

Как известно, И.А. Гончаров служил переводчиком в департаменте внешней торговли Министерства финансов. В качестве секретаря адмирала Путятина он совершил кругосветное путешествие и смог на собственном опыте ощутить всю мощь *владычицы морей, мастерской мира*), образ которой преследовал его повсюду, олицетворяя ее главного героя – лавочника, купца (ср. с известными в 19 веке фразеологическими кальками с английского: *Англия – нация*

лавочников/, торгашей, Англия – владычица морей, Англия – мастерская мира и т.д.):

«В океане, в мгновенных встречах, тот же образ виден был на палубе кораблей, насвистывающий сквозь зубы: *«Rule, Britannia, upon the sea»*. Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками,двигающего необъятными естественными силами природы... Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой» (Фрегат “Паллада”). (Правь, Британия, морями (англ.)) [1. С. 15-16].

В путевых очерках «Фрегат Паллада» И.А.Гончаров так описывает распространение английской культуры на чужой почве:

«По просьбе консула, несмотря на воскресенье, нам отперли один магазин, лучший на всем острове, и этот магазин – английский. Чего в нем нет! английские иглы, ножи и прочие стальные вещи, английские бумажные и шерстяные ткани, сукна; их же бронза, фарфор, ирландские полотна. Сожалеть ли об этом или досадовать – право, не знаю. Оно досадно, конечно, что англичане на всякой почве, во всех климатах пускают корни, и всюду прививаются эти корни» [1. С. 97].

Во второй половине XIX века возрастают побег и языковых имплантатов английского происхождения, попавших на русскую почву в предыдущие века. Переводные художественные и научные тексты, хроники путешествий служили первоисточниками их появления в разных стилях русского языка.

Так, И.А. Гончаров использовал англицизмы не только на страницах своих произведений, но и в эпистолярном творчестве. В письме М.Н. Каткову он уместно вписывает в русский текст шекспиризм, тем самым подчеркивая ненужность многословия в ситуации, его не требующей. Ср.:

«Вот и всё, что я хотел сказать. Извиняюсь перед Вами и перед Евгением Федоровичем, что вовлек Вас в эти длинные объяснения, напоминающие заглавие одной из шекспировских пьес: *Much ado about nothing*. Много шума из ничего (англ.)» (М.Н. Каткову. 5 июня 1857. Петербург).

Особый интерес вызывает переписка И.А. Гончарова с редактором А.А. Краевским, в которой он упрекает его в неверном переводе романа “*Simple Story*” мисс Елизаветы Инчбальд, что могло бы вызвать не только появление второго романа под названием «Обыкновенная история», но и их смешение и противопоставление:

«Наконец могут упрекнуть Вас, и весьма основательно, еще и в неверности перевода заглавия: по-английски эта книга называется «*Simple story*» – простая история, то есть история не сложная, не запутанная, без эффектов и нечаянностей, какова она и есть, но отнюдь не без особенностей как в идее, так и в характере действующих лиц, следовательно, уже и не обыкновенная; тогда как обыкновенная история значит история – так по большей части случающаяся, как написано. По всем этим уважениям, я бы покорнейше просил Вас заменить заглавие «Обыкновенная история» тем, которое принадлежит роману мисс Инчбальд в подлиннике, то есть «Простая история»» (А. А. Краевскому – 12 мая 1848. Петербург).

Известна и критическая статья И.А. Гончарова “Опять «Гамлет» на русской сцене”, написанная в 1875 году, в

которой он подчеркивает общность основных типов человеческой природы в мировой литературе.

«Типичные черты или капитальные свойства Гамлета – это его доброта, честность, благородство и строгая логика. Свойства слишком общие, свойственные человеческой природе вообще и не кладущие никакой особой видимой печати на характер. Это совершенный *джентльмен* (sic) – или "человек", каким *был* его отец, по его словам» [3]. (Ср. He was a man (Hamlet) – Он человеком был (об отце) (Гамлет)).

Сравните использование транслитерированного англицизма *джентльмен* в его корректном орфографическом написании на страницах путевых очерков «Фрегат Паллада»:

«Но Боже мой! каким презрением обдал он английского купца, нужды нет, что тот смотрел совершенным *джентльменом*! Какое счастье, что они не понимали друг друга»[1: 61].

В своей статье, название которой является фразеологической калькой известной английской пословицы «*Лучше поздно, чем никогда!*» (ср. *Better late than never*, восходящей к своему греческому этимону) [4], И.А. Гончаров как бы предоставляет читателям ключ к пониманию своих сочинений. Эта критическая заметка была написана в 1879 году, когда основные литературные произведения были уже опубликованы, несмотря на это, именно данная статья, с точки зрения автора, могла служить как бы предисловием к новым изданиям его произведений:

«Ежели читатели найдут этот мой ключ к моим сочинениям – неверным, то они вольны подбирать свой собственный. Если же бы, против моего ожидания, мне понадобилось издать вновь все мои сочинения, то этот же анализ может служить авторским предисловием к ним. Я

опоздал с этим предисловием, скажут мне: но если оно не покажется лишним и теперь – то «лучше поздно, чем никогда» – могу ответить на это» [4. С. 443].

В письме из Портсмута он употребляет английскую инкрустацию, допуская неверное английское написание названия русского фрегата: *рошиен* фригэт (*sic*) (*russian frigate*) (*sic*). Ср. *рашин* фригэт (*Russian frigate*):

«...ни я, ни перевозчики (их двое) не знаем, где *рошиен фригэт* (*russian frigate*) (*sic*), да и только. Подъезжали судам к десяти и всё слышим – по да nein» (Е.А. и М.А.Языковым – 27 декабря 1852 (8 января 1853). Портсмут).

Разнообразны как стилистические функции, так и способы введения английских инкрустаций в ткань русского текста в произведениях И.А. Гончарова, из которых путевые очерки «Фрегат Паллада» содержат наибольшее число заимствованной лексики, что, безусловно, обусловлено жанром данного произведения.

В большинстве случаев на страницах очерков английские заимствования сопровождаются буквальным переводом – кальками, поясняющими смысловую нагрузку иноязычных слов. Напр.:

«Хозяйка представила меня старушке: "*My mother (матушка)*", – сказала она» [1. С. 102]; «Кроме малайцев попадались готтентоты и негры. Первые везли или несли тяжести, шли на работу в поденщики или с работы. Между неграми мы встречали многих с котомками на палках, но одетых хорошо. "А это что?" – спросил я у Вандика. "Это *black reople, черные*, с войны идут домой". Война с кафрами только что кончилась; некоторые из негритянских племен участвовали в ней по приглашению английского правительства» [1. С. 190]; «На южной оконечности горы издалека

был виден, как будто руками человеческими обточенный, громадный камень: это *Diamond* – Алмаз, камень-пещера, в которой можно пообедать человекам пятнадцати» [1. С. 204]; «В Россию нет, – живо перебил он, – там женщин нет! – Кто это вам сказал? – заметил я, – как женщин нет: *plenty* (много)!» [1. С. 205]; «*Saddle-Islands* (*sic*) значит «Седельные острова»: видно уж по этому, что здесь хозяйничали англичане» [2. С. 91] и др.

В отдельных случаях приводится неточный перевод английских слов и выражений. Напр.:

«Португальцы с выражением глубокого участия сказывали, что принцесса – “*sick, very sick* (очень плоха)” и сильно страдает» [1. С. 99]. Ср.: “*sick, very sick* (плоха, очень плоха)”;
«“Выгодно променял, – с улыбкой казал Вандик. – Я хотел выменять еще беленькую лошадку, *very nice horse* (славная лошадка)!” – прибавил потом» [1. С. 198]. Ср.: *very nice horse* (очень славная лошадка); «За всякого приведенного инсургента дают награду. “*Oh, that’s bad, very bad* (худо)!” – заключил англичанин, махнул рукой и пошел прочь» [2. С. 121]. Ср.: *Oh, that’s bad, very bad* (худо)! – Ох, это плохо, это очень плохо; «К обеду мы подъехали к прекрасной речке, обставленной такими пейзажами, что даже самый приличный и спокойный Вандик с улыбкой указал нам на один живописный овраг, осененный деревьями. “*Very nice place!*” (прекрасное место) – заметил он» [1. С. 193]. Ср.: “*Very nice place!*” (прекрасное место) – Очень красивое место.

Интересно отметить, что англицизмы часто предвзвешиваются в тексте их переводными соответствиями, тем самым автор как бы подготавливает читателя к встрече с незнакомыми иноязычными словами, раскрывая их смысловые обертоны. Сравните, например, введение в текст англицизмов,

обозначающих государственное устройство одной из чужеземных стран:

«Законодательная часть принадлежит так называемому *Законодательному совету (Legislative Council)*, состоящему из пяти официальных и восьми частных членов» [1. С. 174]; «В первом случае он представляется на утверждение Лондонского министерства. Исполнительною властью заведывает *Исполнительный совет (Executive Council)*» [1. С. 174].

Нижеприведенные примеры иллюстрируют неправильное (дефисное или слитное) написание английских топонимов (Fish-River – ср. Fish River, Algoabay – ср. Algoa Bay), которые сопровождаются кальками соответствующих географических названий.

«Кафры, или амакоза, продолжали распространяться к западу, перешли большую *Рыбную реку (Fishriver)* (*sic*) и заняли нынешнюю провинцию Альбани, до Воскресной реки» [1. С. 168]; «Гористая и лесистая местность *Рыбной реки* и нынешней провинции Альбани способствовала грабежу и манила их селиться в этих местах» [1. С. 168]; «Вскоре основали на *Кошачьей реке (Katriver)* (*sic*) поселение из готтентотов» [1. С. 173]; «Из Англии и Шотландии между тем прибыли выходцы и в *бухте Альгоа (Algoabay)* (*sic*) завели деятельную торговлю с кафрами, вследствие которой на реке Кейскамма учредилась ярмарка» [1. С. 172]; «В Госпорте тоже есть магазины, но уже второстепенные, фруктовые лавки, очень хорошая гостиница *Indiaarms* (*sic*), где мы приставали, и станция лондонской железной дороги. (*Вооруженных сил Индии* (англ.))» [1. С. 60].

В ряде случаев подобная расстановка кальки и прямого заимствования используется автором в определенных

стилистических целях, как бы создавая реальный фон для более адекватного восприятия ситуации. Напр.:

«На другой день утром, часов в 8, кто-то стучит в дверь. “*Kто там?*” – забывшись, по-русски закричал я. “*Who is there?*” – опомнившись, спросил я потом (*Kто там?*) (англ.)» [1. С. 153].

Многочисленны примеры введения в текст англицизмов и без какого-либо комментария на русском языке. Ср.:

«Некоторые из этих дам долго шли за нами и на исковерканном английском языке (и здесь англичане – заметьте!) просили денег бог знает по какому случаю. Одеты они были не нищенски. Разве не предлагали ли они каких-нибудь услуг?.. Но мы только и могли понять из их бессвязных речей одно слово: “*money*”» [1. С. 117]; «И малаец Ричард, и другой, черный слуга, и белый, подслеповатый англичанин, наконец, сама м-с Вельч и Каролина – все вышли на крыльцо провожать нас, когда мы садились в экипажи. “*Good journey, happy voyage!*” – говорили они (*Доброго пути, счастливого путешествия!* (англ.))» [1. С. 161]; «Вот две служанки суетятся и бегают около меня, как две почтовые лошади, и убийственно, как сороки, на каждое мое слово твердят: “*Yes, sir, no, sir*”» [1. С. 56]; «Как мило говорила: “*Thank you!*”, когда взамен счета ей подавали кучку фунтов» [1. С. 144]; «Мы тоже пели, и хором, и поодиночке, с аккомпанементом фортепиано, которое тут было в углу. “*Thank you, thank you*”, – повторял Бен после каждой русской песни, каждого немилосердно растерзанного итальянского мотива (*Благодарю вас, благодарю вас!* (англ.))» [1. С. 234] и др.

Как видно из вышеприведенных примеров, автором вводятся английские инкрустации, известные широкому кругу

русских читателей, следовательно, не требующие своего дополнительного разъяснения.

В отдельных случаях последующий текст разъясняет вводимый незнакомый оборот английского происхождения:

«Воротясь с прогулки, мы зашли в здешнюю гостиницу “*Fountain hotel*”: дом голландской постройки с навесом, в виде балкона, с чисто убранными комнатами, в которых полы были лакированы» [1. С. 139].

Интересно отметить, что все вышеприведенные примеры приводятся в кавычках, что подчеркивает их чужеземный характер. Однако в ряде случаев английские слова и выражения используются в тексте путевых очерков «Фрегат Паллада» и без данных формальных признаков, являясь показателем известности данного слова в русском языке. Напр.:

«Даже барон, и тот встал и приходил два раза сказать, что *breakfast* на столе» [1. С. 228].

В некоторых случаях англицизм не переводится, но предваряется словом, содержащим намек на его смысловое содержание. Ср.

«Под навесом из *травы reet (sic)* сколочено было несколько досок, образующих полки; ни боковых стен, ни дверей не было. На полках была глиняная посуда, свечи, мыло, кофе, еще какие-то предметы общего потребления и, наконец, табак и сигары» [1. С. 249].

В данном предложении подразумевается трава *тростник* (англ. *reed*), завуалированная в неправильном орфографическом воспроизведении в тексте англицизма (ср. *reet (sic)*).

В другом примере значение слова *fowl* (‘дичь’) поясняется окружающим его контекстом:

«Второй обед был полнее первого. Тут кроме супа была вареная баранина и жареная баранина, вареная говядина и

жареная говядина, вареные куры и жареные куры – *fowl*, потом гусь, ветчина, зелень» [2. С. 118].

Неправильное написание англицизмов в некоторых случаях выполняет определенную стилистическую задачу автора. Так, имитируя речь неграмотного мальчика, И.А. Гончаров допускает неточности в построении английского предложения. Ср. *T'is hot, very hot, sir (sic)* (очень жарко) – *It's hot, very hot, sir*. Ср.:

«Я погрозил мальчишке-негру не заплатить ему всех условленных денег. “*T'is hot, very hot, sir (sic)* (очень жарко), – бормотал он, – лошади не могут идти”» [1. С. 241].

Как свидетельствуют приводимые примеры, на страницах путевых очерков часто встречается неправильное написание как английских предложений, так и отдельных слов, получивших к тому времени известность в русском языке. Ср.:

«Алиса принесла нам чаю, потом мы пошли еще в столовую опять пить чай с аккомпанементом котлет, рыбы, дичи и фруктов. “*It rain*” (*sic*) (“Дождь идет”), – сказала *m-rs (sic) Welch*. “Да, – с упреком отвечал я ей, – и в моей комнате тоже”» [1. С. 243]. Ср.: “*It is raining*” (“Дождь идет”), *Mrs Welch*.

Принимая во внимание жанр данного произведения, неудивительно, что автор использует большое количество англицизмов, относящихся к морской терминологии:

«Качает, дед! – жаловался я. – Еще бы не качать: *крутой бейдевинд!* – сказал он. – Отлично» [1. С. 86].

Так, в соответствии с данными “Словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка” А.Н. Чудинова, термин *бейдевинд* представляет собой частично транслитерацию, частично неправильное транскрибирование слитого в единое слово английского оборота – *by the wind*.

Ср. Бейденвинд. (англ. by the wind). В морском деле: положение, которое имеет судно относительно ветра. Идти в бейдевинд – лавировать, идти на кось. (*Источник: "Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". Чудинов А.Н., 1910).*

В соответствии с приведенными сведениями в лексико-графическом издании Михельсона А.Д. (1865) "Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней", данное слово заимствовано из немецкого языка.

Ср. Бейденвинд. нем., от beide и Wind, ветер. Идти в бейдевинд, лавировать, идти кось. (*Источник: "Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней". Михельсон А.Д., 1865*) [<http://www.inslov.ru/html-komlev/b/beydevind.html>].

Интересен прием стилистического использования слова *аврал* и его деривата *авральная работа* в путевых очерках «Фрегат Паллада».

Слово *аврал*, как известно, представляет собой результат действия закона языковой экономии: слияния в слово английского оборота *over all*.

В нижеприведенных примерах англицизм, передающий звучание данного английского сочетания слов (значение которого так образно описано на страницах рассматриваемого произведения И.А. Гончарова), вписывается в столь необычный для него контекст (Ср. *авральная работа за пуншем, авральная работа за обедом*).

«Я думал, судя по прежним слухам, что слово “чай” у моряков есть только аллегория, под которою надо разуметь пунш, и ожидал, что когда офицеры соберутся к столу, то начнется *авральная работа за пуншем*, загорится живой

разговор, а с ним и носы, потом кончится дело объяснениями в дружбе, даже объятиями, – словом, исполнится вся программа оргии» [I. С. 22];

«Но дни шли своим чередом и жизнь на корабле тоже. Отправляли службу, обедали, ужинали – *всё по свистку, и даже по свистку веселились. Обед – это тоже своего рода авральная работа*» [I. С. 24].

Вероятно, в данном случае И.А. Гончаровым обыгрывается предложенная им неверная версия о происхождении данного слова.

Так, И.А. Гончаров правильно расшифровывает значение употребленного незнакомого английского термина – *Авральная работа* – *значит общая работа*, описывая в данном тексте конкретную ситуацию, возникшую на корабле. Однако предположение, что нужны все участники в этой работе, Гончаров объясняет ложной этимологией данной команды: “*Все руки вверх!*” (“*All hands up!*”) [I. С. 18], так как якобы в этой работе нужны все руки. Как было указано выше, этимологом является словосочетание *all over* < *over all* < *все наверх*.

Выражения *Авральная работа за обедом / пуншем*, вероятно, по мнению автора, предполагает участие всех, требует всех рук (часто по свистку, как это описано автором). Однако данные индивидуально-авторские обороты, безусловно, лишены позже обретенной коннотации слова *аврал* в русском языке – ‘спешная, срочная работа, ликвидирующая какие-то недоделки’. Ср.:

Аврал м. 1) Работа на судне по специальному заданию или по тревоге (обычно выполняемая всей командой).
2) перен. разг. Срочная ликвидация отставания, наверстывание

упущенного. (Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка).

Свободное владение автором английским языком доказывает и тот факт, что автор использует английский оборот вместо привычного русского выражения, попав даже в необычную ситуацию на Мадере:

Любовь писателя к отечеству, к родному языку проявляется в описании чужеземных стран, их традиций, сходстве и различиях с родной землей:

«Но... однако... что вы скажете, друзья мои, прочитав это... эту... это *письмо* – из Англии? Куда я заехал? что описываю?... Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уже сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют ее!» [I. С. 70-71].

В 1879 году в своей статье «Лучше поздно, чем никогда», автор полагал, что время его произведений прошло:

«Я давно положил перо и не печатал ничего нового. Так я думал закончить свою литературную деятельность, полагая, что мое время прошло, а вместе с ним «прошли» и мои сочинения, то есть прошла их пора... Они (художественные произведения слова – *И.Н.*) живут для своего века и умирают вместе с ним; только произведения великих мастеров переживают свое время и обращаются в исторические памятники» [4. С. 441].

Однако, судьба литературных творений И.А. Гончарова опровергла предсказания их автора. Двухсотлетие со дня рождения И.А. Гончарова – великого мастера русского слова, обогатившего его грани новым языковым звучанием, служит

лишь предисловием к дальнейшему осмыслению творческого наследия великого русского писателя, раскрывающего потомкам свои неисчерпаемые художественные богатства.

Литература

1. Гончаров И.А. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. II. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах. – М.: Правда, 1972.
2. Гончаров И.А. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 3. Фрегат Паллада. Очерки путешествия в двух томах. – М.: Правда, 1972.
3. Гончаров И.А. Собр. соч. в 8-и томах. Т. 8. Опять «Гамлет» на русской сцене”. – М.: ГИХЛ, 1955.
4. Гончаров И.А. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 6. Лучше поздно, чем никогда! (Классические заметки). – М.: Правда, С. 441–492.

УНИВЕРБАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 19 ВЕКА⁴³

Анализируя процесс адаптации заимствованных англицизмов в русском языке XIX века, следует отметить уже сложившуюся тенденцию к их слиянию в слово. В статье будет рассмотрена деривация фразеологических англицизмов XIX века, их фиксация в русской лексикографии XIX века, а также их производные, сохранившиеся в языке XXI века в виде заимствованных слов или переводных выражений. В числе рассмотренных фразеологических англицизмов, превратившихся в русском языке в заимствованные слова, будут рассмотрены такие единицы, как, например:

«*Аврал / Оврал* > *over all*. межд. ‘Все наверх’» [Янов., 1803]; «Что это такое *авральная* работа? — спросил я другого офицера. Это когда свистят всех наверх, — отвечал он и занялся *авральной* работой» [Гончаров. Фрегат Паллада];

«*Бейдевинд / бейдевинт* > *by the wind* (‘путь корабля по отношению к ветру’)» [Янов., 1803; Орлов, 1884]. Ср. «Качает, дед! — жаловался я. — Еще бы не качать, крутой *бейде-винд*» [Гончаров. Фрегат Паллада];

«*Булль, Джон-буль* > *John Bull* — ироническое прозвище англичан [Толь; 1863]; “Булль — английское слово, означает

⁴³ Универбация фразеологических англицизмов в русском языке 19 века. — В кн.: Функциональная семантика, семиотика знакомых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 16-17 апреля 2009 г.). — М.: РУДН, 2009, С. 369-373.

“быка” и употребляется жителями Великобритании для обозначения речей несвязных и бестолковых. От этого всякий англичанин называется бранно Джон Бульль [Толль; 1863; I, 353]; «Так называется у англичан рассказ, в котором недостает логического порядка мыслей. В Англии *Джон Бульль* употребляется в значении хорошем, как символ национальной силы, характер, но в других странах Д. Б. обозначает упрямство, жестокость, надутость англичан» [Брок., Ефр.; 1892, VIII, 903];

«*Гай-лайф* > *High life*» — жизнь светского общества [Брок; Ефр., 1892]. Ср. «О живых непосредственных связях между лондонским *high life*'ом и верхушкой русского общества свидетельствует то, что именно в это время в русский язык проникло довольно много слов, относящихся к предметам быта и терминологии нравов аристократического обихода» [М.П. Алексеев. Английский язык в России, С. 100];

«*Гауёмен* > *high-way man* > человек с большой дороги, разбойник» [Мих.; 1872]. «Люди большой дороги. Так называются в Англии разбойники» [Брок., Ефр., 189, кн. 14, 881]. Ср. укоренившееся в русском языке выражение английского происхождения «человек с большой дороги».

«*Гомруль* > *home rule* — самоуправление» [Брок., Ефр.; 1893, кн.17, 169];

«*Кингс-бенч* > *Kings Bench* — тюрьма для неплательщиков» [Мих.; 1872]. *Кингс-Бенч* — судебное место в Лондоне [Мих., 1872, 256]. «Я читал ... описание *Кингс-Бенча* или темницы для неплатящих должников» [Карамзин. «Письма русского путешественника», С. 690];

«*Клиринг-гаус*, *клиринс-гаус* > *Clearing house* — расчетная палата» [Мих., 1872]. "*Клиринг-гаус* — дом ликвидации в Англии" [Мих., 1872, 260]. Ср. с употреблением

в новых значениях фразеологической полукальки *клиринговая палата*, а также фразеологической кальки *расчетная палата* в современном русском языке и английском языках.

«*Княвдегет / ни оф дегет > knee of the head*» [Янов, 1804, Пис. и бум Петра, 1, 235]. "В кораблестроении так называется водорез..." [Янов., 1804, 11];

«*Кольдкрем, кольд-крем > cold cream* — мазь [Толь; 1864]. Ср. «Кольд-крем-противувоспалительная мазь, изобретенная в Англии» [Бурд., Мих., 1903, 228];

«*Крокетграунд / крокет — гроунд > croquet ground* — площадка для игры в крокет. Ср. «Как только она (Дарья Александровна — И.Н.) закрывала глаза, она видела метавшегося по *крокет-граунду* Васеньку Веселовского» [Л. Толстой. Анна Каренина];

«*Лаун — теннис, теннис > lawn tennis, tennis*» [Брок., Ефр.; 1896]. Ср. "После обеда посидели на террасе. Потом стали играть в *lawn-tennis*" [Л. Толстой. Анна Каренина]. Фразеологизм *lawn tennis* оставил свою основную составную часть выражения — *tennis* < *теннис* как в языке-источнике, так и в русском языке.

«*Лумп > lump sugar* — колотый сахар» [Янов., 1804; Мих., 1872]. Ср. "Лумп — белый сахар, перевариваемый в рафинад" [Бурд и Мих., 1903, 264];

«*Полундра, полундра / фалундер — междометие — Fall! Under* — Падает! Там внизу» [Янов., 1806; Даль, 1882]; Ср. «*Полундра, полундреный*».

«*Пэль — эль, пель — эль > pale ale* > светлое пиво» [Брок., Ефр., 1898]; Ср. "Пэль-эль — особый сорт пива из светлого солода и светлого хмеля" [Брок., Ефр.; 1898, кн. 45, 127];

«Реденгот / рейдинкот / редингот > *riding coat* — одежда для верховой езды» [Янов., 1806]. Ср. «Рейдинкот, слово английское, коим называется одеяние, употребляемое во время верховой езды» [Янов., 1806; III, 525];

«Робинзон от собств. *Robinson Crusoe* по роману Д. Дефо» [Толль, 1864]. Ср. «...и здесь живут люди, конечно, всего человек тридцать, разного рода *Робинзонов*, из беглых матросов и отставных пиратов...» [Гончаров. Фрегат Паллада];

«Сам / дядя Сэм > *Uncle Sam* — типичный американец, правительство США» [Бурд. и Мих.; 1903]. «Сам / дядя Сэм — шутовское название Северо-Американцев и их правления» [Бурд. и Мих., 1903, 373];

«Тред- юнионы / *трэдс* — юнионы > *trade(s) union* > профсоюз» [Брок., Ефр.; 1902]. Ср. "Трэдс — юнионы — союзы рабочих" [Брок., Ефр., 1902, кн. 67, 11]. Ср. с современной транслитерацией слова *trade*, отражающей исконное звучание слова.

«Трюк — систем, трюк-система > *truck system* — система обмена, практика оплаты труда товарами» [Брок., Ефр., 1902];

«Файф-о-клок / *файф-о клок* > *five o'clock tea* — чаепитие» [М. Мих. Свое и чужое, 1903];

«Фильд-триальсы > *field trial(s)* > полевые испытания» [Брок., Ефр., 1902]. «Фильд-триальсы. Полевые испытания собак» [Брок.; Ефр.; 1902, кн. 69, 861];

«Фордевинд / *фордовинд* > *fore the wind*. 1. Ветер в корму; 2. Ход судна по ветру» [Янов.; 1806]. Ср. «Мы шли на *фордевинд*»; «Фрегат взял большой ход на *фордевинд*» [Гончаров. Фрегат Паллада];

«Шенгенс, шекэндс, шекгенс > *shake hands* — поздороваться за руку, рукопожатие» [М. Мих. Свое и чужое, 1904].

Ср. «Ожигов узнал Репина и дал ему шекэндс...» [Боборыкин. из Новых, 14] [М. Мих., 1904, II]. Сравните с укоренившейся в русском языке переводной лексической калькой английского происхождения *рукопожатие*.

Слово "*Сам*" было также впоследствии вытеснено соответствующей полукалькой "*дядя Сэм*" / *Uncle Sam; гауйемен*" — коррелятивной фразеологической калькой *разбойник с большой дороги*, как в свое время калька *Иван Бык* была заменена заимствованием *Джон Буль* и т.д.

«Словарь иностранных слов» 1979 года из вышеприведенных англицизмов, образованных в результате универбации, включает лишь такие слова, как: *аврал, редингот, Робинзонада, тред-юнионы, файв-о-клок*. Слова *бейдевинт* и *фордевинд* рассматриваются как слова голландского происхождения. Словари XXI века также регистрируют в русском языке приведенные выше единицы.

Функционируя главным образом в книжной речи, эти иноязычные вкрапления часто не выходят за границы узкоспециальных сфер, поэтому являются менее употребительными, чем соответствующие им фразеологические кальки. Однако, в последнее время некоторые из заимствованных английских фразеологизмов XIX века получили широкое распространение как в виде переводных выражений, так и в виде прямых заимствований (ср. *клиринговая палата, расчетная палата, high life, trade union, etc.*).

СОВРЕМЕННОЕ ЗВУЧАНИЕ ОБЩНОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

(на материале русского и английского языков)⁴⁴

Традиционно именно фразеология, а точнее — ее сердцевина — идиоматика, всегда признавалась своеобразием, отличительной чертой каждого народа, отражая его душу. В стороне оставалась львиная доля общностей фразеологии разных народов, которая обусловлена как своим независимым происхождением, в силу единой общечеловеческой основы миропонимания человека, так и взаимодействием языков в их историческом развитии.

Следовательно, не следует упускать из виду тот факт, что именно фразеология представляет тот слой языка, который в своем полифоническом языковом звучании передает исторический ключ не только к пониманию языков на глубинном уровне (ср. значения английских слов *understand* и *comprehend*), но и взаимопониманию, взаимопроникновению (ср. *intercomprehension*) в смыслы и исторические шифры других европейских языков. Таким образом, у *общего Европейского дома* < *Common European Home* возведена историей единая языковая основа Европейского взаимо-

⁴⁴ Современное звучание фразеологических общностей европейских языков (на примере русского и английского языков). – I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы. Сб. статей. Москва, РУДН, 1-4 ноября 2008 г. – М.: РУДН, 2008, С.829-833.

понимания > *European Comprehension* (an acronym for *European intercomprehension*).

Так, Европа обязана русскому языку появлением фразеологизма — политического термина — *Европейский дом*. В 20 веке Россия дарит *Европейскому Совету* образное название *Общий европейский дом* < *Common European Home* / *All-European House*. Именно из русского языка данное выражение попало во все языки мира. По данным словаря Душенко, фраза была произнесена М. Горбачевым во время выступления на пресс-конференции в Рейкьявике 12 октября 1986 г. «Нарастает ответственность за сохранение и упрочение нашего *общего* “европейского дома”» [Душенко 2002: 111]”. Ср. «Gorbachev first presented his concept of "our common European home" or the "all-European house" when visiting Czechoslovakia in April 1987» (Горбачев впервые употребил понятие “*наш общий европейский дом*” во время посещения Чехословакии в апреле 1987 г. — пер. И.Н.).

Прообраз этой фразы прозвучал еще раньше из уст Л.И. Брежнева в Бонне 23 ноября 1981 г., где он сказал: «*Европа — наш общий дом*»⁴⁵.

С другой стороны, известно, что в русском языке накоплен обширный пласт как иноязычных фразеологических вкраплений, так и их переводных соответствий, так называемых *европейских калек* (В.В. Виноградов).

Интересна судьба некоторых из них. Порой они функционируют в языке как фразеологические выражения,

⁴⁵ Русские фразеологизмы английского происхождения в историческом зеркале европейской фразеологии // Мир русского слова и русское слово в мире. Т.2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. / Под ред. Ст. Георгиевой: в 2 т. – Sofia: Heron, 2007. Т.2. С. 242–247.

принадлежащие русскому языку. Впоследствии они вновь появляются в русском языке как заимствования из иностранного языка, обрастая соответствующими переводными вариантами, некоторые из которых, в свою очередь, оказываются заимствованиями из другого языка.

В современном интернациональном политическом полилоге приобретают особую популярность фразеологизмы, относящиеся к пласту терминологии дипломатии, политического этикета, впоследствии они, перешагивая границы узкоспециального обитания, становятся распространенными фразами повседневной речи многих языков мира, порой скрывая свою историю появления в языке.

Так, слово *комментарий* в своем буквальном переводе латинского прототипа означает ‘изобретать’. Более поздние значения ‘толковать’ [Мих. 1997: 447].

Ср.: «*Comment* (n) c. 1400, L. *commentum* in L.L. “comment, interpretation”, lit. “invention”, neut. pp. of *comminisci* “to contrive, devise”, from *com-* intens. prefix + base of *meminisse* “to remember”, related to *mens* (gen. *mentis*) “mind”. Original L. meaning was “something invented” [http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=comment&searchmode=none].

В русском языке 19 века были известны выражения: *комментарии излишни и без комментариев*. В «Толковом словаре иностранных слов, пословиц и поговорок» М. Михельсона приводятся следующие сведения о выражении *комментарии излишни*:

Ср. «*Комментарии излишни* (иноск.) — ясно само собою.

Ср. Он был когда-то *нищий*, а после заведования богатым имением сирот (в качестве опекуна) он в несколько лет

разбогател, а имение сирот оказалось разоренным
...комментарии излишни. ***Афоризмы

Ср. В этой больнице детей кормят отвратительно: всем хозяйством заведует экономка — близкая знакомая директора... *комментарии излишни*. ***Из отчета.

Ср. Комментарий.

Ср. *Без комментариев* (курсив — И.Н.)» [Мих. 2006: 334].

Словарная статья «*без комментариев*» отсутствует как в словаре «Русская мысль и речь», так и в «Словаре иноязычных слов, пословиц и поговорок» М. Михельсона.

В лексикографических источниках русского языка словарные статьи выражений *комментарии излишни* и *без комментариев* приводятся как не только взаимозаменяемые, но и совпадающие по своему происхождению в языке.

Однако каждая из вышеприведенных единиц русского языка имеет свою историю.

Так, выражение *комментарии излишни* является переводным заимствованием из немецкого языка *Kommentar überflüssig*, в то время как выражение *No comment!* / *No comment* пришло из английского языка в виде прямого заимствования (о чем свидетельствует его иноязычная ткань), а также в своих переводных вариантах: *никаких комментариев, без комментариев*.

В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. Серова приводятся сведения о появлении фразеологической единицы *комментарии излишни* в немецком языке.

Ср. «*Комментарии излишни*. С немецкого: *Kommentar überflüssig*. Выражение сделал популярным известный немецкий юрист, автор комментариев к торговому праву Г. Штауб (1856–1904). В своих устных выступлениях он

старался изложить свою позицию предельно ясно, исчерпывающе и аргументировано, так, чтобы ни у кого не возникало никаких вопросов, а ему бы не приходилось возвращаться к теме. Это ему вполне удавалось, и потому он, как правило, заканчивал свое выступление словами: «Комментарии излишни». Когда знаменитый юрист умер, в немецкой столице даже родилась шутка, что якобы и на надгробии Штауба можно прочесть его любимую фразу: «Здесь покойся Штауб. Комментарии излишни». Иносказательно: все ясно, очевидно, понятно без пояснений» [<http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/124.htm>].

Сравните вышеприведенные сведения с данными, приводимыми современной русской лексикографией:

«*Комментарий*, — я, м., обычно мн. 2. Рассуждения, пояснительные и критические замечания о чём-н. *Комментарии печати*. *Комментарии излишни* (всё понятно, объяснения не нужны)» [Шведова 2003]; «*Комментарий*, 2.обычно мн. Рассуждения, пояснительные и критические замечания о чём-н. *Комментарии прессы*. *Комментарии излишни* (все понятно без всяких дополнительных разъяснений)» [Крысин 2007].

Фразема *No comment* не зафиксирована в русских словарных изданиях, приводящих своды заимствованной лексики и фразеологии русского языка. Ни в современном «Кратком словаре иноязычных слов и выражений в оригинальном написании» Л. Крысина, ни в словаре А.М. Бабкина и В.В. Шендецова [Б – Ш 1968] нет ссылки на столь распространенную заимствованную единицу русского языка.

История возникновения выражения *No comment!* более позднего происхождения, она относится к 20 веку. В английской лексикографии нет единого мнения об авторстве данного выражения.

По сведениям большинства лексикографических источников, автором данного выражения является Уинстон Черчилль, который признавал, что ему очень нравится данное выражение. Ср. «No comment is a splendid expression. I am using it again and again» («“No comment” великолепное выражение. Я употребляю его вновь и вновь» — пер. И.Н.) [<http://quotationsbook.com/quote/13498/>].

В книге «Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы» [6] раскрывается история возникновения данного выражения: Ср. «Я считаю выражение *«Без комментариев»* просто великолепным. Впервые я услышал его от Самнера Уэллеса, и с тех пор то и дело им пользуюсь», — сказал Черчилль репортерам в вашингтонском аэропорту в феврале 1946 года после встречи с президентом Труменом. (Самнер Уэллес — американский дипломат и писатель. Помощник госсекретаря в 1937–1942 гг.)» [6: 36].

По данным английской лексикографии наряду с выше-приведенными данными существует ссылка на заимствование У. Черчиллем данного выражения у пресс-секретаря Трумэна Чарльза Росса. По сведениям этимологического словаря английского языка [OED: 2001], впервые выражение *No comment* было зарегистрировано в английском языке в 1950 году. Ср. «*No comment* as a stock refusal to answer a journalist's question is first recorded in 1950, from Truman's White House press secretary, Charles Ross» [<http://www.etymonline.com/index.php?search=comment&searchmode=none>].

К.В. Душенко в «Словаре современных цитат» в разделе «Другие анонимные цитаты» (Ан – 415) приводит данные, подтверждающие сведения английских лексикографических источников.

Ср. «Никаких комментариев // No comment. Оборот утвердился вскоре после Второй мировой войны. 12 февраля 1946 года после встречи с Гарри Труменом в Белом доме, У. Черчилль заявил журналистам: “No comment” — и пояснил, что это выражение он позаимствовал у Самнера Уэллса, американского дипломата. Выражение «без всяких комментариев» существовало уже в XIX веке, однако не как оборот политического языка» [Душенко 2002: 543].

В. Серов разделяет вышеприведенную точку зрения, давая следующее описание появления в русском языке заимствованного из английского языка выражения *No comment*. Ср. «С английского: *No comment*. Выражение такого рода («Без всяких комментариев», «Никаких комментариев» и т.п.) существовало давно, но в политический лексикон оно вошло после Второй мировой войны. Так, Уинстон Черчилль, уже будучи экс-премьером Великобритании, по выходе из Белого дома ответил на просьбу журналистов прокомментировать только что состоявшуюся его встречу с президентом США Гарри Трумэном. При этом Черчилль сослался на американского дипломата Самнера Уэллса, у которого, как сказал бывший британский лидер, он и позаимствовал это выражение. Употребляется в прямом смысле» [<http://bibliotekar.ru/encSlov/2/28.htm>] [9].

Получив широкое распространение в языках мира, став интернационализмом, оборот *No problem* приобретает варианты своего использования также и в своем языке-источнике — английском языке. Ср. *No comment / No comment!*

«“*No comment!*” (= I do not want to say anything about this subject.) Some of her criticism are unreasonable, but most of what she says is *fair comment*» [LDCE 1987:1999].

Получив широкое распространение в русском языке, заимствованный англицизм начинает подчиняться в русском языке законам русской грамматики. Слово *комментарий* в русском языке по данным русской лексикографии используется главным образом во множественном числе. Отрицательная конструкция *No comment*, несмотря на форму единственного числа существительного *comment* — *комментарий*, переводится на русский язык соответствующим существительным во множественном числе. Сравните с уже укоренившейся в языке моделью: *No problem!* < Никаких проблем! Без проблем!

Переводные выражения оказывают обратную связь на свои прототипы, деформируя их, приспособливая их к нормам родного русского языка. Таким образом, для тех, кто изучает английский язык как иностранный язык, камнем преткновения становится выражение *No comment!* / *No comment*.

Не так редко в прессе, рекламе приводится англоязычное вкрапление *No comment* в своей деформированной грамматической форме.

Ср. «*Известия. Ру. Почему Саакашвили не Милошевич. No comments*. Многие в Сербии оказались перед дилеммой: поддержать братскую Россию (без которой Косово бы уже давно было международно признанным...)» [<http://izvestia.ru/news/339987>]; «Проект *No comments* приостановлен... Собираем новые силы...» [<http://polzzzet.ucoz.ru/>] и др.

Знание истории происхождения используемых иноязычных фраз, написания и звучания оригинала в английском языке могут предотвратить появление искаженных вариантов английского прототипа. В век глобализации, возрастания общностей интернациональной фразеологии, европейского взаимопонимания, реальная полилингвальная среда закрепит в

русском языке правильное использование рассматриваемой фразы.

В свою очередь, такой термин, как фразеологизм *наш общий Европейский дом* и его языковые ветви в русском языке (*общеевропейский дом / Общий дом Европы/Европейский дом / Наш общий дом*) и в английском языке (*Our Common European Home / The “ALL-European House”*) также должен найти свое достойное место в иноязычной лексикографии, отражая вклад русского языка, подарившего миру столь гуманно звучащее понятие, прочно укрепившееся во всех языках мира за минувшее десятилетие.

Русский язык, обогащаясь языковыми средствами иноземных языков и внося свой вклад в их развитие, порой подвергает свои устои сокрушительным шквалам притоков чужеземных слов и выражений, что не может не тревожить каждого, кого волнует судьба его родного языка. Прислушиваясь к современному звучанию, к общностям фразеологии европейских языков, необходимо помнить слова Флоренского: «Чтобы язык жил полною жизнью и осуществлял свои возможности, надо освободить индивидуальную языковую энергию и не бояться множества неудачных, уродливых и нежизненных порождений. Тогда, среди многого неудачного, осадится кое-что удачное, и безысходно нужное, — то возникнет, отсутствием чего болеет сейчас впечатлительная душа» [11: 170].

Литература

1. [Мих. 1997] *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т., Т.1. – М., ТЕРРА, 1997.
2. [Мих. 2006] *Михельсон М.И.* Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. – М.: АСТ Москва Транзиткнига, 2006.
3. [Шведова 2003] *Ожегов С.И.; Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Изд-во: ИТИ Технологии, 2003.
4. [Крысин 2007] *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Изд-во Эксмо, 2007.
5. [Б-Ш 1968]. — *Бабкин А.М., Шендецов В.В.* Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Т.1-2, – М. – Л: Наука, 1968.
6. Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы / Сост. и авт. введ. Доминик Эйнрайт. – Пер. с англ. – Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2005.
7. [OED 2001] The Online Etymological Dictionary [<http://www.etymonline.com>].
8. [Душенко 2002] *Душенко К.Б.* Словарь современных цитат. – М.: Изд-во Эксмо, 2002.
9. *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локкид-Пресс», 2003. [<http://bibliotekar.ru/encSlov/2/28.htm>].
10. [LDCE 1987] Longman Dictionary of Contemporary English. Berlin & Munchen: Langenscheidt-Longman, 1987.
11. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. – Т.2. – М.: Издательство «Правда», 1990.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шквал заимствований английского происхождения проносится как над лексическими, так и фразеологическими залежами языка. Источником столь модного поветрия, переросшего в ураган глобального масштаба, остается английский язык. Если ранее заимствовались главным образом слова, то в наши дни в русском языке ежедневно оседают десятки новых фразеологизмов. Многие из них впоследствии, естественно, вымываются из недр языка, но прижившиеся на новой языковой почве единицы, начиная свою жизнь в языке, как всегда, в виде англицизмов, часто не прибегают к помощи своего переводного камуфляжа и на последующих витках своего развития.

Это явление относится к инновационным в ассимиляции фразеологизмов, свидетельствуя о полилингвизме, активной интернационализации языковых средств, усиливающейся роли глобального английского языка. Данное явление в равной степени характеризует как письменный, так и разговорный русский язык. Если ранее основным источником вхождения заимствований служил книжный стиль языка, а именно язык публицистики, переводной художественной литературы, науки, то в настоящее время устная речь также активно пополняется инкрустациями английского происхождения. Так, например, высшей степенью одобрения и оценки в разговорной речи

современного русского языка служат такие заимствованные английские выражения, как *тин топ* > *tip top*, *супер нупер* > *super duper* (*тин-тон*, *супер-нупер* = *tip-top*, *super-duper*).

Многие из заимствованных фразеологизмов не транслитерируются в языке, входя целыми словесными массивами в английское звучание и написание, что ранее в языке не наблюдалось. Естественно, предпочтителен был переводной модулятор, помогающий стереть незнание языковых нитей, тянущихся к своему иноземного прародителю.

Например: в поздравлении с днем рождения сегодня звучит не рефрен на русском языке «Многие лета!», а часто полный текст интернациональной английской песни «*Happy birthday to you!*», созданной школьными учительницами из г. Луисвилл, (Кентукки), сестрами Пэтти и Милдред Дж. Хилл в 1893 году. Такие английские фразеологические заставки, как *Show must go on!*, *We shall overcome! We did it! We are the champions! No comment!* и многие другие, стали обычным дополнением высказанной мысли на русском языке.

Большая часть ранее заимствованных фразеологизмов английского происхождения впоследствии транслитерируются и сливаются в слова, подчиняясь закону универбации. Время адаптации новых единиц укорачивается в десятки раз по сравнению с предыдущими десятилетиями. Несмотря на всевозрастающее стремление сохранить исконную языковую материю фразеологизмов, в разговорной устной речи фразеологизмы-англицизмы все же меняют латиницу на кириллицу и сливаются в новое слово: *фидбэк* > *feedback* > *feed back* (обратная связь), *дедлайн* > *deadline* > *dead line*, *артхауз* > *arthouse* > *art house* и т.д.

Переключиваются из делового языка в разговорный и английские идиомы в русском написании и произношении:

кэш кау > cash cow, скай из зе лимит > sky is the limit, ум из нот май кан ов ти > It is not my cup of tea, etc.

С другой стороны, многие фразеологизмы, заимствуясь в своем переводном варианте и приобретая всеобщее признание благодаря политическим веяниям и мультимедийным средствам, остаются не только незафиксированными в отечественной лексикографии, но и туманными в своем значении как в русском, так и в английском языке. Среди них в первую очередь следует отметить такой популярный фразеологизм, как *устойчивое развитие > sustainable development*, подаренный миру в 1987 г. госпожой Brundtland в документе ООН, Agenda 21. Выражение пустило свои многочисленные ответвления и стало интернациональным термином, оставаясь загадкой для многих в мире. Ср. «"Sustainable". It is certainly the buzzword of the day. Everyone wants to be "sustainable." Yet not many people know what it really means. Simply put, it is like any other buzzword, it is overused and misunderstood» [<http://sustainablewealth.blogspot.com/2007/06/20-year-anniversary-of-commission-who.html>].

Многие заимствованные фразеологизмы входят в категорию модных инноваций в языке, в английском языке это *buzz words*. Наиболее распространенные интернациональные фразеологизмы обвивают фигуральным значением такие базовые понятия нашего времени, как *креатив, проект* и т.д. Ср. *креатив (креативный директор > creative manager, креативное мышление > creative thinking, etc.), культовый проект > cult project, пилотный проект > pilot project, etc.*

Как известно, в наши дни латинское слово *проект* расширило в русском языке свое семантическое поле, обозначая 'любое дело, начинание'. В выражении *венчурный проект > venture project*, несмотря на заимствованную форму,

слово *венчурный* прояснило наконец значение слова *предприятие* в выражении *совместное предприятие* > *joint venture* (пер. 'совместный риск', 'авантюра').

Так некогда завуалированное значение в переводном варианте раскрывает свой смысл в последующих новообразованиях в своей иноязычной природе, напр.: «*Венчурный проект*. Предприятие заведомо обреченное на провал, но «давайте все-таки попробуем, а? Шут его знает, всяко бывает: если повезет — озолотимся».

Вновь становятся популярными и некогда забытые в русском языке (в отличие от языка-источника) фразеологизмы английского происхождения, такие как, например, *свободный рынок* > *free market*, *свободная торговля* > *free trade*, *невидимая рука рынка* > *the invisible hand of the market*, *рука рынка* > *the market hand* (А. Смит), etc.

Заемствованные слова прочно обрастают своими фразеологическими порослями, отражая вошедшие в отечественную действительность новые реалии западного мира. Ср. *win/win strategy/tactics* < *вин-вин стратегия/тактика*, *win win* < *выигрыш выигрыш, победа победа* / *win-win* < *выигрыш-выигрыш, победа-победа* и т.д.

Интересно также отметить все возрастающую деривационную активность ранее заимствованных английских лексем, которые уже давно приобрели статус русских единиц (пряча в своей генеалогии английские источники) и пустили самостоятельные побеги на новой языковой почве, не имея своих прототипов в языке-источнике.

Однако большая часть ранее заимствованных англицизмов развиваются параллельно со своими прототипами в языке-источнике. Так слово *респект* ранее использовалось в переводном варианте в таких фразеологических выражениях, как

потерять доверие / to lose respect, завоевать доверие / to win one's respect. Новой единицей в слэнге русского языка является заимствованное выражение из английского языка *мой респект* (чему, кому) > *my respect (for)*. В русском языке появляются и новые всходы данного иноземного фразеологического посева, такие как *большой респект* > *great respect (for)* и др.

Несмотря на усиливающуюся в мире тенденцию к прозрачности (ср.: *прозрачность капитала* > *capital transparency*, *прозрачность предприятия* > *enterprise transparency*, *прозрачность общества / прозрачное общество* > *transparent society*), многие слова и фразы, заимствованные из английского языка, имеют склонность затуманивать и ретушировать свое истинное значение. Так в некоторых случаях новообразования, возвращенные языком из попавших чужеземных семян, раскрывают тщательно скрываемый в определенных идеологических целях подтекст новых слов и выражений, переводя их в тональность новых стилистических модуляций.

В целом инновационные процессы в становлении фразеологии нового века отражают стремление к взаимопроникновению в языковые системы новых фразеологических единиц английского происхождения, приобретающих статус интернационализмов, способствующих взаимопониманию и единению народов. Знание их значений предопределяет правильное использование данных единиц в современном русском языке, сохраняя экологию культуры родного языка и межкультурную толерантность.

ПРЯМЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ⁴⁶

Контактирование ведущих языков мира на современном этапе характеризуется динамичным проникновением небывалого притока новых языковых единиц английского происхождения. Если ранее заимствовались главным образом слова, то в наши дни в языках появляется множество новых заимствованных фразеологизмов, пополняющих запасы фразеологических общностей русского и английского языков в результате непосредственного контактирования языков.

Многие из прямых заимствованных фразеологических оборотов впоследствии, естественно, вымываются из недр перенявшего языка, но прижившиеся на новой языковой почве фразеологические единицы, начиная свою жизнь в языке в виде англицизмов, часто не прибегают к помощи своего переводного камуфляжа и на последующих витках своего развития.

Это явление относится к инновационным в ассимиляции прямых фразеологических заимствований английского происхождения в русском языке, свидетельствуя о полилингвизме, активной интернационализации языковых средств, усиливающейся роли глобального английского языка.

⁴⁶ Прямые фразеологические заимствования английского происхождения в современном русском языке // VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество»: Москва, 22–25 сентября 2011 г. – М.: Московский институт иностранных языков, 2011, С. 20–21.

Если ранее основным источником вхождения заимствований служил книжный стиль языка, а именно язык публицистики, переводной художественной литературы, науки, то в настоящее время русская устная речь также активно пополняется фразеологическими инкрустациями из английского языка.

Многие из заимствованных фразеологизмов не транслируются в языке, входя в употребление целыми словесными массивами в английском звучании и написании.

Однако большая часть ранее заимствованных фразеологизмов английского происхождения впоследствии транслируется и сливается в слова, подчиняясь закону универбации.

В целом в становлении фразеологии нового века отражается интернационализация языковых систем, способствующая как европейскому, так и мировому взаимопониманию и единению народов, одновременно пополняя запасы фразеологических общностей языков. Знание исконных значений заимствованных фразеологизмов предопределяет правильное использование данных единиц в современном русском языке, сохраняя экологию культуры родного языка и межкультурную толерантность.

Оглавление

Часть I Фразеологические общности английского и русского языков как результат заимствования из третьего языка	9
Семантическая эволюция интерфразем библейского происхождения в русском и английском языках.....	10
Сопоставление использования предложных средств в английской и русской фразеологии (на материале библеизмов).....	19
Фразеологизмы латинского происхождения в русском и английском языках	28
Фразеологизмы французского происхождения в русском и английском языках	39
Фразеологические обороты итальянского происхождения в русском и английском языках.....	49
Фразеологизмы немецкого происхождения в русском и английском языках	65
Часть II Фразеологические общности английского и русского языков как результат их взаимодействия ..	73
Раздел 1 Фразеологические кальки английского происхождения в русском языке	74
О понятии «фразеологическая калька» в отечественном и зарубежном языкознании (80-е гг. XIX века — 80-е гг. XX века)	74
О фразеологизации калек по иноязычной модели в современном русском языке	93
О фразеологических кальках с английского в русском языке.....	108

Структурные типы фразеологических калек с английского в современном русском языке	119
Фразеологизмы английского происхождения в современной публицистике	128
О фразеологических кальках английского происхождения в сфере общественно-политической терминологии	137
О некоторых лексических и фразеологических неологизмах английского происхождения в русском языке.....	150
Компьютерные слова.....	156
Русско-английские фразеологические общности в отечественной и зарубежной лексикографии	163
Раздел 2 Фразеологические англицизмы в русском языке	175
Фразеологические англицизмы в русской литературе XIX века	175
Английские заимствования в путевых очерках И.А. Гончарова «Фрегат Паллада»	191
Англицизмы в произведениях И.А. Гончарова.....	206
Универбация фразеологических англицизмов в русском языке 19 века	220
Современное звучание общностей фразеологии европейских языков (на материале русского и английского языков).....	225
Фразеологические инновации английского происхождения в современном русском языке	235
Прямые фразеологические заимствования английского происхождения в современном русском языке	240

Наукове видання

НАУМОВА Ірина Олегівна

**ФРАЗЕОЛОГІЧНІ СПІЛЬНОСТІ
АНГЛІЙСЬКОЇ І РОСІЙСЬКОЇ МОВ**
(в контексті мовної конвергенції)

МОНОГРАФІЯ

(Рос. мовою, англ. мовою)

За авторською редакцією

Комп'ютерне верстання *І.О. Наумова*

Дизайн обкладинки *М.О. Косарева*

Технічне редагування *А.С. Кушнар'ов*

Підп. до друку 28.12.2009

Формат 60x84/1/16

Тираж 500 пр.

Друк на ризографі

Ум. друк. арк. 15

Зам. №

Видавець і виготовлювач:

Харківська національна академія міського господарства,
вул. Революції, 12, Харків, 61002

Електронна адреса: rectorat@ksame.kharkov.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи:

ДК № 4064 від 12.05.2011